

2022

ТОМ: 3

■
ГОМЕР: 3

ЖУРНАЛ
КЛИНИЧЕСКОГО
И ПРИКЛАДНОГО
ПСИХОАНАЛИЗА

■

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том III. № 3. 2022.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

Адрес редакции:
НИУ ВШЭ,
Кафедра психоанализа
и бизнес-консультирования
департамента психологии,
ул. Мясницкая, д. 20, каб. 410,
Москва, 101001
Тел.: +7 (495) 772 95 90
E-mail: arossokhin@hse.ru

Электронный журнал «Журнал клинического и прикладного психоанализа» издается с 2020 года. Учредителями журнала являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и Андрей Владимирович Россохин (<https://www.hse.ru/staff/rossokhin>) – главный редактор.

Миссия журнала – содействие развитию психоаналитического знания во всех областях его возможного применения, создание открытой творческой площадки для встречи российских и зарубежных психоаналитиков, психоаналитически ориентированных практиков и исследователей из разных клинических и прикладных сообществ и университетов.

Основные цели журнала:

- интеграция отечественных научных, клинических и прикладных психоаналитических исследований на базе Журнала;
- знакомство читателей с ключевыми зарубежными публикациями в клиническом и прикладном психоанализе;
- создание публикационного междисциплинарного пространства, позволяющего специалистам-психоаналитикам взаимодействовать с представителями других наук;
- поддержка научных теоретических и эмпирических исследований по клиническому и прикладному психоанализу;
- содействие интеграции современного российского психоанализа в более широкий контекст мировой психоаналитической теории и практики;
- открытие новых направлений в дискуссионном психоаналитическом поле;
- знакомство с новейшими тенденциями в российской и мировой психоаналитической практике.

Доступ к электронному журналу постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <https://psychoanalysis-journal.hse.ru>
Каждый номер содержится в едином файле (в PDF).

Требования к авторам изложены на

https://psychoanalysis-journal.hse.ru/auth_req.html

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят анонимное рецензирование. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры. Плата за публикацию статьей не взимается.

С публикационной этикой можно ознакомиться на

<https://psychoanalysis-journal.hse.ru/etika>

Редакция

Главный редактор Россохин А.В., доктор психол. наук, профессор, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Заместители главного редактора:

Чершинцева М.А., кандидат культурологии

Чекункова О.В., кандидат Парижского психоаналитического общества

Карпов А.Н., кандидат философских наук

Редактор выпуска: Чершинцева М.А.

Литературный редактор, корректор: Озерская Т.Ю.

Вёрстка: Михайлова Ю.С.

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том III. № 3. 2022.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Клинический психоанализ:

Барюк Кларисс (Франция), Ph.D., почетный профессор психологии университета Париж-Х – Нантер, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), Президент Парижского психоаналитического общества (SPP)

Евсеева М.Л. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA)

Дяткин Жильбер (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, директор восточно-европейского образовательного направления Парижского института психоанализа

Жибо Ален (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-Президент Европейской федерации психоанализа (EPF), экс-Генеральный Секретарь Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), почетный директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов

Леви Руджеро (Бразилия), Ph.D., тренинг-аналитик Психоаналитического общества Порто-Алегре (SPPA), член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), глава комитета по координации рабочих групп Международной психоаналитической ассоциации

Капсамбелис Василис (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов, экс-генеральный директор Ассоциации психического здоровья 13 округа Парижа (AMS 13)

Майн Н.В. (Россия), канд. психол. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Коротецкая А.И. (Россия), член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Миназье Николь (Бельгия), Ph.D., титулярный член Бельгийского психоаналитического общества, экс-Президент Бельгийского психоаналитического общества

Потапова В.А. (Россия), канд. мед. наук, член Парижского психоаналитического общества, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), экс-Президент Московского Общества психоаналитиков (МОП)

Рибас Дени (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, экс-главный редактор «Журнала французского психоанализа» (Revue française de psychanalyse)

Ришар Франсуа (Франция), Ph.D., профессор Университета Париж-VII имени Дени Дидро, директор Центра исследований психопатологии и психоанализа Университета Париж-VII имени Дени Дидро, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Россохин А.В. (Россия), д. психол. наук, проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Руссийон Рене (Франция), Ph.D., профессор клинической психологии и директор департамента клинической психологии Университета Люмьер Лион 2, экс-президент Лионской группы психоанализа, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Станкевич Т.Л. (Россия), Ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Фусу Л.И. (Россия), канд. мед. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Шафер Жаклин (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества, лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987)

Чибис В.О. (Россия), Канд. мед. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Чивитарезе Джузеппе (Италия), Ph.D., обучающий аналитик и супервизор Итальянской психоаналитической ассоциации (SPI), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Эриль Ален (Франция), Ph.D., член Французской ассоциации психотерапевтов и Парижской ассоциации психоаналитического обучения и фрейдовских исследований «Espace analytique», профессор Université Paris XII, La Sorbonne (Paris III)

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том III. № 3. 2022.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Прикладной психоанализ:

Анжелло Елизабет (Франция), Ph.D., профессор менеджмента международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD) во Франции, Сингапуре и Дубае, директор-основатель Института Кетса де Вриса (KDVT), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Евдокименко А.С. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, Главный внештатный психолог ФМБА России

Кетс де Врис Манфред (Франция), Ph.D., профессор международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD), основатель и экс-директор Центра глобального лидерства ИНСЕАД. Психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант. Член Международной психоаналитической ассоциации (ИПА). Экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO).

Кранц Джеймс (США), Ph.D., профессор Йельского университета (Yale University). Управляющий директор консалтинговой компании Worklab (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Кречмер Томас (Германия), Ph.D., основатель и директор Института психики (Mind Institute SE), член Международного общества психоаналитического исследования организаций, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Лейкина А.С. (Россия), канд. филолог. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Лонг Сьюзан (Австралия), Ph.D., профессор менеджмента Университета RMIT в Мельбурне, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Мамедов Шираз (Россия), Ph.D., профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Медведев В.А. (Россия, Эстония), канд. философ. наук, действительный член и глава российского отделения Международного общества прикладного психоанализа (ISAP), руководитель международного исследовательского проекта «RUSSIAN IMAGO». Директор образовательных программ Санкт-Петербургского психологического центра

Мерски Роуз (США, Германия), Ph.D., экс-Президент Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Морган-Джонс Ричард (Великобритания), Ph.D., член Британского психоаналитического Совета, член Совета Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, действующий супервизор и тренинг-терапевт общества British Psychotherapy Foundation, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Рафаелли Дерек (Великобритания), Ph.D., член-корреспондент Британского Психологического Общества, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), член Британского психоаналитического Совета, член Совета Waiswater Institute, организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Рингер Мартин (Новая Зеландия), Ph.D., профессор Edith Cowan University, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Россохин А.В. (Россия), д. психол. н., проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества, почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования

Сиверс Бурхард (Германия), Ph.D., почетный профессор по Организационному развитию в Школе бизнеса и экономики им. Шумпетера, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Стрижова Е.А. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Таккер Саймон (Великобритания), Ph.D., проф., программы по орг. консультированию и стратегическому лидерству в Клинике Тависток, экс-исполнительный директор OPUS (Organisation for Promoting Understanding of Society and organisations within society), организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Уорд Грэм (Великобритания), директор программ в Глобальном Центре лидерства INSEAD, член Американской Психологической Ассоциации (APA), член Международного Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO) и Международной Организации Клинического Коучинга (ICCO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Шенкман А.И. (Россия), Доктор эконо. наук, профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Хиршорн Ларри (США), Ph.D., профессор Fielding Graduate University (Саппа Барбара, Калифорния), University of Pennsylvania и Wharton School. Основатель и партнер консалтинговой компании CFAR (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Шаповалова Е.В. (Россия), ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, управляющий партнер консалтинговой компании Subcon Business Solution, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член Совета Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК)

**Журнал клинического
и прикладного психоанализа
Том III
№ 3.2022**

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОПАТОЛОГИЯ

Благова А. С.
Белый психоз: по следам А. Грина и Ж.-Л. Донне 5

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ПСИХИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ

Аксенов Д. С.
Концепции психической травмы в психоанализе: сравнительный подход 24

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ГРУППОВОЙ ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Джабар-Заде Е. В.
Психодинамический групповой коучинг 39

Одинокова Д. С., Олесова Е. В.
Биологическая реакция «Замри» как новая группа базового допущения 56

ПРИКЛАДНЫЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Калдина А. А.
Психоанализ и интерьер 83

Равин Р. А., Ежова Т. Н.
Из корпорации в предпринимательство. Современный взгляд
на успешность стартапа сквозь призму границ эдипальной триангуляции 115

Селяев А. Г., Стависский М. Ю.
Влияния образа отца на профессиональное и карьерное развитие 135

ПСИХОАНАЛИЗ КИНО

Кулик О. А., Бочков Д. А.
«Кто-то должен умереть»: делегированное (само)убийство как решение
депрессивного психоза в фильме Ларса фон Триера «Антихрист» 156

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОПАТОЛОГИЯ

Белый психоз: по следам А. Грина и Ж.-Л. Донне

А. С. Благова

Благова Анна Сергеевна – магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный психолог.

Несмотря на то что концепция белого психоза Андре Грина и Жан-Люка Донне была сформулирована и обоснована более 50 лет назад и мэтры французского психоанализа, участвующие в психоаналитическом обучении российских специалистов, часто говорят о белом психозе, в России к этой концепции обращаются реже.

На сегодняшний день все еще не переведен фундаментальный труд по белым психозам, отсутствуют научные статьи, и, соответственно, для российских специалистов может теряться такая нозографическая единица, как белый психоз.

В настоящей статье я постаралась как можно подробнее рассмотреть характеристики белого психоза, вслед за авторами концепции опираясь на случай Z, что, на мой взгляд, поможет приблизить читателя к систематизированному пониманию концепции белого психоза.

Ключевые слова: белый психоз, психотическая потенциальность, три-би-ангуляция, работа негатива, паралич мышления, дезинвестирование, пространство одиночества, первосцена, негативная галлюцинация мысли.

Андре Грин и Жан-Люк Донне в своей книге «L'Enfant de ça. Psychanalyse d'un entretien: la psychose blanche», которую можно перевести на русский язык как: «Дитя Оно. Психоанализ одного интервью: белый психоз», изданной в 1974 году, описали и обосновали свою концепцию белого психоза.

Отмечу игру слов в названии книги: «L'Enfant de ça» можно перевести как «дитя (или ребенок) "этого"» – такую фразу и произносит сам пациент в интервью, которое легло в основу иллюстрации концепции, но «Çа» во французском языке обозначает также и «Оно» – инстанцию из второй топики Фрейда.

Книга, не переведенная до сих пор на русский язык, представляет собой фундамент теории белого психоза. Отметим, что, на наш взгляд, изучение белого психоза стало «пуповиной» клиники негатива и изучения пограничных состояний, которые Грин разрабатывал на протяжении всей своей научной деятельности.

Пуповина психоза

Грин и Донне дают следующее определение белого психоза: это психоз без психоза, проанализировав который можно достичь «пуповины психоза» (по аналогии с тем, что Фрейд называл «пуповиной» сновидения), в нем присутствует матричная¹, порождающая структура как условие возможности психотического развития, но без необходимости такого развития (*Donnet, Green, 2004, p. 226*). Нет психотической судьбы, есть психотическая потенциальность, которая базируется на структуре психики и истории, она может проявиться или нет.

Белый психоз не является четко описываемым или легко поддающимся определению и представляет собой скорее комбинацию симптомов, сгруппированных в одно созвездие. Фактически это невидимая структура, редко чистая, всегда ниже или выше того, что пытается определить ее название. То есть она может легко сойти за более или менее невротическое депрессивное состояние или пограничное состояние или даже вписаться в картину, более явно напоминающую психотическую эволюцию без ярких признаков.

Белый психоз похож на экран, на который проецируется сновидение или фильм, или на лист бумаги, на котором что-то может быть написано. Но лист бумаги белый только до того, как на нем что-то написали.

Для того чтобы попробовать разобраться в этой непросто распознаваемой в клинике концепции, нам нужно рассмотреть три критерия, выделенные авторами:

- 1) эдипальная организация: три-би-ангуляция;
- 2) объектные отношения: торможение функции репрезентации;
- 3) ментальное функционирование: блокирование процессов мышления.

Три-би-ангуляция

«Три-би-ангуляция» – это термин, созданный для описания эдипальной организации при белом психозе, которая формально остается триангулярной, но лишена своей половой, сексуальной составляющей. Родители распознаются не в различии своих полов и функций, а исходя из их качества, дуальности «хороший – плохой». Трехстороннее разделение между субъектом, объектом хорошим и объектом плохим фактически приводит к дуальным отношениям, поскольку третий объект всегда оказывается лишь двойником. Глубинное различие объектов строится по критериям:

¹ Matricielle (фр.) – матричная, маточная, способная выносить нечто, как матка, порождающая.

«хороший и плохой объект, с одной стороны; ничто (или утрата) и доминирующее присутствие – с другой» (*Green, 1975*).

Плохой объект – это содержимое, которое нужно эвакуировать, а хороший объект – это контейнер для обитания, где надо поселиться, убежище. Цель проективной идентификации – изгнание плохого объекта, интроективной идентификации – сохранение хорошего объекта. Обе терпят неудачу. «Плохой объект – плохой, и только это, хороший объект – исключительно хороший. Амбивалентность отрицается» (*Donnet, Green, 2004, p. 269*).

Поскольку субъект не существует без объекта и поскольку хороший объект всегда находится на грани потери, субъект оказывается изолирован плохим объектом и, как следствие, сам изолирует объект, который паразитирует на нем. В обрамлении плохого объекта, который вмещает образ хорошего – идеального – объекта, последний стирается, чтобы не выглядеть похожим на этот плохой объект. Он превращается в отсутствие, пустоту: вместо идеального становится ничто. «Объект немислим, потому что он плох и поэтому обречен на изгнание, субъект больше не может думать, потому что думать означает необходимость думать о немислимом объекте» (*Donnet, Green, 2004, p. 268*).

Авторы отмечают, что, несмотря на это, реальность объекта хорошо воспринимается: проекция, конечно, значительно изменяет его восприятие, но в строгом значении этого слова не возникает никакого бреда ни в смысле преследования со стороны плохого объекта, ни в смысле защиты со стороны хорошего объекта.

Работа негатива

Негативные процессы и негативная галлюцинация являются неотъемлемыми элементами развития психики. Работа негатива появляется там, где отношения с объектом выстроены на пересечении деструктивных желаний и либидо, происходит конфликт между желанием полного удовлетворения и отказом от него, негатив же освобождает человека от этого конфликта.

Как отмечают авторы, репрезентация находится между объектом и мыслью; по отношению к объекту действуют две негативности: негативность присутствия, состоящая из ожидания удовлетворения и неизбежного неудовольствия, и негативность репрезентации, которая создает истинное мышление.

Вся психическая продукция находится между двумя пустотами: первичная, исходная пустота – «до» любого желания, в абсолютном спокойствии небытия, и конечная пустота, там, где осуществляется мысль» (*Donnet, Green, 2004, p. 255*).

Между этими двумя крайностями белый цвет сохраняется и подчеркивается в лакуне, пустоте, которая иногда может быть представлена в виде тире между объединенными элементами. Когда этот белый цвет, пустота, вторгается в репрезентацию, чтобы субъект больше не находился между объектами, репрезентациями, мыслями, мы имеем дело с негативной

галлюцинацией. Когда этот белый цвет, вместо того чтобы располагаться между репрезентациями и влечениями – пауза, которая позволяет мысли «отдышаться», прежде чем двигаться дальше (*Donnet, Green, 2004, p. 260*), – когда этот белый цвет выходит за эти границы, стирает предшествующие и последующие репрезентации и мысли, когда наконец связи разрываются, потому что больше нечего связывать, тогда это уже не просто негативная галлюцинация, а негативная галлюцинация мысли. Клинически это выражено в негативной ипохондрии тела и особенно головы: пустая голова, психическая дыра, невозможность концентрации, запоминания, репрезентации (*Green, 2011*).

Один из самых поразительных парадоксов психического функционирования при белом психозе заключается в том, что оно вовсе не исключает интеллектуального развития (*Donnet, Green, 2004, p. 281*). Напротив, может быть создан отщепленный сектор, в котором интеллектуальная деятельность чрезмерно инвестируется, что приводит к успеху на высоком уровне. Но именно функциональная ценность этого сектора заключается в том, чтобы помочь противодействовать определенным мыслям: мышлению, относящемуся к структурам влечения.

Паралич мышления

Следствием конфигурации «хороший – плохой объект» является второй критерий белого психоза – нарушение функции мышления, а именно паралич мышления.

По мнению авторов концепции, момент зарождения психоза нужно искать именно со стороны мышления. При неврозе мысли – это мысли, которые нужно расшифровывать на языке желания, при психозе именно желание нужно записать, вписать в язык мышления, чтобы мысли могли стать мыслями желания (*Donnet, Green, 2004, p. 233*).

Как мы знаем благодаря У. Биону (*Бион, 2009*), производство мысли рассматривается как продукт отсутствия объекта. Отсутствие и недостаток порождают неприятные аффекты: в первую очередь тревогу. Репрезентация снижает тревогу, потому что она придает ей смысл: «Что это значит?» – вопрос, из которого возникает причина отсутствия груди. Ответ находится прежде всего в репрезентациях, в галлюцинаторной реализации желания как решения поставленной проблемы. Грин писал, что мыслить – это принять к сведению сепарацию с объектом, а не истощать себя, пытаясь воссоздать его присутствие. Но в случае постоянного присутствия или же недостаточного присутствия объекта не-грудь нужно изгнать из себя, мысль приравнивается к объекту и эвакуируется как плохой внутренний объект.

Грин и Донне, говоря о параличе мышления при белом психозе, опираются на концепцию пространства одиночества Винникотта (*Д. В. Винникотт, 1958*). Вследствие того что плохой объект, вторгающийся, вызывает как бредовое ощущение влияния и воздействия, так и не позволяет оформиться депрессии по хорошему объекту, в обоих случаях, как в случае хорошего, так и плохого объекта, нет пространства одиночества.

Плохой объект постоянно занимает психическое пространство субъекта и вынуждает бесконечно контринвестировать его за счет проективной идентификации, что истощает Я. Никогда не отсутствуя, объект не может быть помыслен.

Винникотт создал понятие «потенциального пространства» между матерью и ребенком как площадки для игры, ничейной земли, колыбели фантазии. Неспособность создать это пространство, в котором закрепляется идентичность субъекта, может быть объяснена невозможностью триангуляции. Отношения остаются дуальными, потому что два персонажа в первосцене – только один, разделенный на две части. И зеркально организованный субъект не уходит со сцены, чтобы сорганизоваться в отношениях, но сливается в расщепленном единстве, без какого-либо следа расщепления. Другой – это он сам, такой же расщепленный, но никогда не остающийся в одиночестве (*Donnet, Green, 2004, p. 285*).

Грин и Донне описали механизм процесса дезинвестирования мышления, приводящего к параличу мышления.

Согласно гипотезе, работа по дезинвестированию происходит в два этапа: сначала вторичное вытеснение будет стремиться уничтожить содержание фантазма, не искажая его, а пытаясь стереть его, эта попытка, если она может быть успешной (успешное вытеснение), также может потерпеть неудачу в том случае, если Оно отказывается от этого вытеснения. Возвращение вытесненного теперь возвращает фантазм без содержания, то есть контейнер предыдущего фантазма, без содержания. Затем первичное вытеснение нападет на этот контейнер без содержимого, чтобы, в свою очередь, уничтожить его. Когда оно преуспевает в этом, тогда возникает ощущение пустоты, дыры.

Рамка фантазма без содержания (контейнер без содержания) замыкается на пустом каркасе части психического аппарата. Он больше не обводит контур, но делает пустоту явной, представляя ее как отсутствие репрезентации. Это негативная галлюцинация мысли, переживаемая как пустота мысли, ядро пустого пространства, из которого она может распространяться шаг за шагом, подобно кругам на воде от брошенного камня.

Здесь возможны два выхода: субъект либо поселяется в дыре, как в своем доме, и это путь к психозу без бредовой симптоматики; любые попытки заполнить дыру эвакуируются; или необходимость реинвестировать потерянный объект (и соответствующую ему часть Я) вызывает тревогу, тогда из тревоги рождается квазиобъектное реинвестирование в неореальность бреда (*Donnet, Green, 2004, p. 281–282*).

Таким образом, паралич мышления наступает вследствие дезинвестирования мышления и невозможности создания пространства одиночества: в топических терминах мы видим, что деструктивные влечения нападают на Я и на мышление как на его продукт, а Сверх-Я нападает на Я потому, что нельзя ни желать разрушить плохой объект, ни горевать о хорошем.

Хороший, недоступный объект не удастся ввести внутрь психического пространства на долгий срок, потому что либо его недостаточно, либо плохой объект устраняет сразу же его присутствие. Но даже если плохой

объект сдаст свои позиции, то это пространство лишь на короткое мгновение будет в распоряжении хорошего объекта, после этого наступит пустота, оно окажется безобъектным, потому неустранимость плохого объекта вызвана не столько желанием его контролировать, сколько страхом, ужасом пустоты. Этот конфликт приводит к тому, что хороший объект идеализируется, практически обожествляется, обида и злость на него отрицаются, его нужно сохранить во что бы то ни стало, сохранить чистым, держать его как можно дальше от плохого объекта, с другой стороны, присутствует навязчивое, жестокое, почти дьявольское преследование плохим объектом, любые чувства к плохому объекту, необходимость в нем, прошлое с таким объектом негативируются.

Вследствие невозможности амбивалентного отношения нарциссизм субъекта попадает в тиски плохого объекта, Я расщепляется на хорошее и плохое, затрагивается сам процесс субъективации.

Фантазм первосцены

Хороший объект позволял мыслить, когда в краткие мгновения позволял приблизиться к себе, позволял субъекту питаться им, поэтому его отдаленность, его отсутствие станут поводом для начала мышления в форме репрезентации, но это еще не мысли в качестве размышления о значении этого объекта. Этому «эмбриональному мышлению» мешает развитый мыслительный аппарат то, что связь между хорошим объектом и плохим объектом никогда не устанавливается, они лишь копируют друг друга. Строгое, ригидное расщепление стремится помешать установлению связи, контакту между хорошим и плохим объектом. Тогда возникает фантазм первосцены, о которой невозможно помыслить, потому что в этом совокуплении плохого объекта и хорошего объекта произойдет как загрязнение хорошего объекта плохим объектом, так и в крайнем случае разрушение хорошего объекта плохим объектом ввиду того, что идеализация хорошего объекта не может победить преследование плохого объекта, поскольку преследование является лишь тенью идеализации.

Иными словами, расщепление сопровождается отрицанием малейшей связи между этими двумя объектами, которым не суждено встретиться (*Donnet, Green, 2004, p. 284*).

Депрессивные ощущения таких пациентов рассматриваются авторами как пустота, близкая к эссенциальной депрессии: выражение деструктивных влечений, атакующих процесс связывания. Она меньше связана с понятием вины или стыда – кажется, она не имеет карательного значения, как при депрессии, – но скорее она направлена на процессы связывания, поскольку они осуществляют функцию пробуждения осознания реальности.

Таким образом, при белом психозе характерны атаки на мысли, обширные негативные галлюцинации мысли, иными словами, осуществляется атака на аппарат думания мыслей в ситуации, когда эти мысли как травмирующие репрезентации невыносимы. Белизна стирает репрезентации

и разрывает связи. Происходит переход от временной негативной галлюцинации к более длительному состоянию белого психоза. Дюпарк (*Duparc, 2020*) отмечает, что белый психоз является источником и инверсией галлюцинаторного психоза и представляет собой наиболее развитую и наиболее продолжительную форму переживания комплекса мертвой матери и негативной галлюцинации, вторгающихся в психическое функционирование

Случай Z

А. Грин и Ж.-Л. Донне рассмотрели понятие белого психоза, опираясь на случай психоаналитической консультации в общей психиатрической клинике, который они выбрали из многих других подходящих для описания их концепции, именно из-за той яркости белизны в его функционировании и из-за наглядного подтверждения характеристик белого психоза.

Z – высокий молодой человек в темных очках, ему 24 года, длинные волосы, спадающие на плечи, сдержанные жесты и невозмутимость придают ему немного «христоподобную» внешность, по словам авторов.

Первое, что говорит Z: «Тогда, вот, уже, во-первых, с самого начала, была одна семейная проблема в том, что ... я не [есть] от того же отца, эм... Мы были, ну, это, знаете ли, это сложно, вот, моя мать переспала со своим зятем, и это я, ребенок этого. Тогда, с самого начала, это было скрыто, очевидно, потому что эта ситуация была ... и я.., законный муж моей матери меня признал, и это привело к двум разводам, дочери, очевидно, с ее... мужем, и матери ... с ее законным мужем ... Посмотрите на эту ситуацию для меня» (*Donnet, Green, 2004, p. 34*).

Авторы отмечают, что пациент Z добровольно госпитализировался в больницу, где и проходило интервью, во время которого он дважды обращает внимание на тот факт, что законный муж матери после свершения женой измены признал Z своим сыном, став, как говорит Z, «отцом по имени», что подтверждает намерение семьи скрыть произошедшее.

Таким образом, в семье Z был наделен особым статусом еще до своего рождения, он ребенок двойной измены, инцеста, – хоть и не в прямом смысле этого слова – он еще до рождения стал причиной двух разводов, ссоры внутри семьи. Он – дитя этого.

Мы можем лишь предположить, как ощущала себя мать, и фантазировать о ее психической структуре, матери, которая, во-первых, имела сексуальный контакт с мужчиной вдвое младше ее, находясь на момент измены уже «в возрасте бабушки», во-вторых, с мужчиной, являющимся мужем ее дочери. Это привело к тому, что после такого адюльтера ее покинул не только законный муж, оставив с восемью детьми, многие из которых, правда, уже выросли, но также и отец Z, ее зять, который вынужден был уехать и никогда не появлялся в жизни своего сына.

Разве мы можем не думать о том дезинвестировании Z и сегрегации внутри семьи с самого рождения, быть может, о злости, которая была направлена на него как со стороны матери, так и со стороны братьев и сестер?

О раннем детстве Z почти ничего не говорит. Авторы предполагают, что тут имеет место глубокая инфантильная амнезия, в том числе из-за того, что в *après-coup* пациентом контринвестируется материнская фигура.

О матери мы слышим как о фигуре недостаточно воспитывающей, она «терпела/содержала (*enduré*) меня в пороке», по неизвестным причинам он пошел в школу лишь в 9 лет. Z много говорит о том плохом влиянии, которое он испытывал со стороны матери, но не может объяснить, в чем это проявлялось.

Во время интервью Z делится своими депрессивными ощущениями: он говорит о «депрессии», которую он «влачил в течение трех лет», что он «упал до нуля», ему нужны были «моральная поддержка и утешение». Но, как отмечают авторы, его депрессия – это гораздо больше, чем изменение настроения, качественно депрессия и влияние, которое он ощущает со стороны матери и братьев, относятся к регистру психотического функционирования, о чем свидетельствует его бессилие думать, думать о своей ситуации и конфликте (*Donnet, Green, 2004, p. 228*).

Z отмечает, что его единоутробные братья и сестры не отвергали его, но стремились, по его ощущениям, сделать его похожим на них, привить ему их ценности, «сделать его своей тенью». Авторы говорят о том, что они являются возможными идентификационными моделями, но в то же время Z говорит о том, что они заставляли его делать и видеть «разные вещи», что, по мнению Грина и Донне, говорит о некоем соблазнении: обычно так говорят о чем-то, что, несомненно, связано с сексуальной распущенностью, на которую кто-то пассивно соблазняется (*Donnet, Green, 2004, p. 67*).

Мы можем рассуждать о его невключенности, неинтегрированности в семейную среду и предполагать, что все его братья и сестры, возможно, даже соседи, знали о тайне его рождения.

Про его подростковый возраст он говорит следующее: в 15 лет он уходит из школы; часто остается с матерью вдвоем в доме; мы узнаем, что благодаря одноклассникам он открыл для себя музыку – игру на аккордеоне, которая на несколько лет станет для него центральной инвестицией; у него есть друзья и девушки, он часто гуляет вечерами, даже встречался с девушкой с 17 до 19 лет.

После ухода из школы Z много занимается живописью и сочиняет музыку, Z обращает внимание исследователя на то, что мать гордилась его увлечениями. Он даже стал победителем конкурса аккордеонистов. Таким образом, мы думаем о сублимации, невротической защите.

Именно на пике его музыкального успеха проявляется его расстройство. Вызывающий травму эпизод, по мнению Грина и Донне, заключается в следующем: семью выселяют, и они проживают не менее шести месяцев в небольшом доме. Считается, что все сводные братья и сестры были женаты и Z оказался один со своей матерью и отчимом: все трое спали в одной комнате, «почти на полу». Примечательно, что фигуры, репрезентации матери и отчима будто застывшие, о матери мы не знаем ничего, кроме того, что «она терпела его в пороке» и «как и все, гордилась»,

отчим же, по его словам, был жестокий португалец, отсутствующий и глупый.

То, что Z обозначает как невыносимое для него в том доме – это, по мнению авторов, треугольный «промискуитет»², который повлек актуализацию фантазий, связанных с «первосценой». Он говорит, что «в нем сделали дыру», что мать и отчим мешали ему заниматься музыкой (*Donnet, Green, 2004, p. 70*).

Далее мы узнаем о его знакомстве с дирижером: речь идет о ком-то, с кем он работал, очень дружелюбном, добром человеке, у которого он проживал, видимо по случаю работы, два месяца. Здесь наш пациент обнаруживает другую атмосферу: дирижер и его жена испытывают к нему симпатию, он чувствует себя хорошо, и это ему помогает оправиться от депрессии. После он возвращается домой и, основываясь на том, что он только что пережил, понимает, что его дом, его мать и отчим, – тут все не так. Он говорит, что не нашел работу и что именно в поисках ее он в последний раз вернулся в дом матери. Именно в этот раз он решает расспросить ее об отце, об истории, «о которой он всегда смутно слышал» (*Donnet, Green, 2004, p. 74*), но, как видно из интервью, он спрашивает лишь его адрес.

После того как Z находит своего кровного отца, с ним происходит нечто похожее на жизнь с дирижером – прожив три месяца со своим отцом, он «приходит в себя»: его мысли приобрели ясность, он чувствует себя расслабленным, утешенным, с каждым днем в доме отца ему становилось все лучше.

Таким образом, контекст его первой по хронологии «депрессии» представляет собой травматический треугольный «промискуитет» с матерью и отчимом, а роль дирижера как поддерживающего его стремления к идентичности позволяет Z расспросить мать о том, что он «всегда смутно» знал: о своем кровном отце. Мы можем думать о дирижере как о переходном объекте, который заменяет сводных братьев, съехавших еще до травмирующего эпизода, и как бы анонсирует появление отца, которого можно рассматривать и как отца, и как старшего брата в силу возраста, ведь он на 20 лет младше матери Z.

При общении с исследователем Z будто поддерживает контекст спасительной роли отца, приписывая свои нынешние проблемы и болезнь только простым семейным обстоятельствам, но в то же время он впадает в депрессию, которая связывает между собой депрессию до и депрессию после раскрытия этой тайны.

Авторы отмечают, что в психике Z будто есть два противоположных движения: с одной стороны, откровение имеет эффект освобождения за

² La promiscuité – во французском языке это понятие скорее выражает следующее: ситуация, в которой кто-то подвергается неприятному соседству; само соседство, здесь и далее, – это «слишком близкое соседство с избыточной и беспорядочной/инцестуальной сексуальностью других». По-русски промискуитет (от лат. *prōmiscuus* – «без разбора», «общий») – беспорядочная, ничем и никем не ограниченная половая связь со многими партнерами.

счет переоткрытия отца, с другой – оно лишь подтверждает ту печальную судьбу, которая была ему уготована изначально (*Donnet, Green, 2004, p. 35*).

Во время интервью мы видим, что *Z* устанавливает радикальный разрыв между двумя семьями своих братьев и сестер (детей отца и детей матери), в то же время он категорично отделяет мир отца от мира матери и полностью противопоставляет эти пары, не в состоянии объяснить, будто не имея репрезентаций, опираясь лишь на свои «ощущения». Такой искусственный, сильный разрыв внутри *Z* будто заменяет тот, который должен был существовать между двумя парами: этот разрыв, олицетворяющий разницу поколений, защитил бы законные союзы от развода, произошедшего в каждом из них.

Как пишут авторы, «для *Z* между его существованием и его идентичностью почти существует некое противоречие: его существование подразумевает, по сути, отсутствие идентичности; а его идентичность, в пределе, – отсутствие существования» (*Donnet, Green, 2004, p. 85*).

После «обретения» отца *Z* массивно дезинвестирует все то, что было до момента откровения: его мать, его братья (по матери) наделяются исключительно плохими качествами, его самые личные и самостоятельные действия (музыка, рисование) тоже оказываются виноватыми потому, что связаны с матерью, с этой семьей, с прошлым, которое он презирает. Он осуждает не только их негативные аспекты, не отсутствие вовлеченности, быть может, любви, но осуждается это влияние, которое он испытывал на себе, сама сущность взаимодействия с ними.

Семейная конфигурация ставит теперь под сомнение его первичную идентификацию, в которой он отделился от матери и обрел первичную триангуляцию, разницу поколений, поскольку в реальности это различие подвергается нападению. Основная часть его расстройств, по мнению Грина и Донне, связана с любовью матери и любовью к матери – вот главное отсутствие в его речи. Именно невозможность подумать о ней, как-то преобразовать ее образ, неспособность сохранить или потерять мать, отказаться от нее, чтобы найти свою личность, – именно это и составляет основу патологического процесса.

Ключ к загадке

Оказавшись в ситуации «промискуитета», *Z* более явно задумывается о поиске отца, который бы отличался от всего того, что он знал всю жизнь, – это становится необходимостью для выживания.

Но пустота, которая могла бы быть на месте репрезентации отца, уже заполнена, он «всегда смутно слышал», то есть момент самого открытия не является чем-то, что могло бы иметь характеристику означающего, изменяя субъективность.

Z говорит исследователю, что спросил у матери адрес своего отца, но не расспрашивал о нем самом, будто у него нет желания узнать, что же произошло, что тогда было в отношениях матери и его отца, кто кого желал, почему отец уехал. На протяжении интервью *Z* не может описать его,

не может фантазировать о нем, мы ничего не знаем о том, как произошла встреча, о чем они говорили, что происходило между ними те три месяца, но складывается ощущение, что это не потому, что для него это было не важно, а для того, чтобы сохранить отца идеальным, чистым, не таким, как мать. Его незнание об отце заключается того в некий анклав, благодаря чему отсутствуют вопросы и ответы, которые могли бы связать отца с матерью во взаимном желании.

После трех месяцев проживания у отца происходит следующее: с одной стороны, опыт общения с отцом подтверждает отличие Z, усиливает его стремление отказаться от материнской среды и своих братьев, с другой стороны, идентичность отца ослабляет запрет, поскольку отец, являясь зятем, смог совершить половой акт с тещей, матерью пациента. Напомним, что у матери пациента и ее зятя была разница 20 лет. Z на момент знакомства с отцом было 23 года: разница поколений и запрет на инцест могли пошатнуться от открытия тайны рождения.

Авторы предполагают, что Z ощущает вину за все то прошлое, в котором он жил, за эти «вещи», но это может быть также его стремлением взять на себя вину отца. Его стыд перед братьями и сестрами, которые жили с ребенком «этого», вынуждают Z погрузиться в себя, он ощущает себя невыносимо рядом с матерью и своими братьям, и госпитализация, вызванная обострением болезни, – единственный выход. Побег.

Ретроспективно Z утверждает, что всегда знал ответ, относя открытие к прошлому, с другой стороны, он полностью отрезает свою личность до этого открытия, стремясь стать совсем иным. Такие два противоположных течения приводят к запрещению формулирования противоречивых репрезентаций и, соответственно, параличу мышления.

Грин и Донне отмечают, что такая невротическая проблематика, как страх инцеста, здесь отсутствует, мы имеем дело с расщеплением, а не компромиссным симптомом и возвращением вытесненного. Открытие отца расщепляется на привязанность к отцу, подъем, и паралич мышления, депрессию, вызванные открытием участия в «этом» матери – ее влечения к зятю. Открытие тайны расщепляется и приводит к расщеплению Я.

Момент, когда братья уехали, а он остался в одной комнате с матерью и отчимом, повлек за собой «депрессию», о которой говорит Z: подавление мыслей, аффектов, желаний, сублимации. В том доме, на полу, он как бы стал участником первосцены, которая возрождала не до конца установившийся запрет, и он начинает поиски «отца» – мужской фигуры, которая не участвовала бы в этом «промискуитете», которая поддержала бы контринвестирование первосцены. Как ранее его спасали братья, теперь он ищет другого «брата» – отца по крови.

Авторы говорят о том, что эта предпосылка – поиск отца в качестве брата – объясняет психотизирующий эффект открытия: ища отца, который стал бы братом в функции запрета, он находит брата (по возрасту), ставшего отцом (*Donnet, Green, 2004, p. 180*). Сам факт союза матери с зятем, который по возрасту соответствовал братьям Z, вынуждает пациента так

радикально различить отца по крови и сводных братьев, стирая то, что объединяет отца с братьями: их возраст, их функцию запрета.

Спасая образ отца, он уничтожает образ братства в его прежней субъективирующей функции. Из-за того что нужно сделать одно идеально хорошим, а другое идеально плохим, сама возможность развития отношений, обмена, как с отцом, так и с братьями, исчезает. Нужно оставлять эти анклавы нетронутыми, иначе есть риск загрязнения хорошего объекта.

Пациент говорит, что после трех месяцев у отца он «последний раз» возвращается к матери, и тогда, предполагают авторы, в ее взгляде, уже обладая открытием, он мог «прочитать желание сына» – желание того, кто годится ей в сыновья – невысказанное, невозможное, вызывающее головокружение, паралич репрезентации.

Объединяя братьев и мать, Z объединяется с отцом, с которым «разделяет» вину. Такое расщепление несет защитную ценность: он берет на себя вину отца за поступок, в котором его могли бы обвинить братья пациента, тем самым он защищает отца от них и от своего осуждения, эта «ложная вина», которую он путем идентификации забрал у отца, маскирует его собственную вину – желание матери.

Мы видим, в какие субъективные тиски попадает Z , и в топических терминах все можно сформулировать следующим образом: происходит массивная ресексуализация функции Сверх-Я сводных братьев, посредством которой психическое пространство Z оказывается раздавленным тяжестью вины. Братья и сестры теряют ту переходную функцию, которую они, казалось, выполняли для Z , теперь, когда они слиты с матерью, они не могут поддерживать триангуляцию, которая позволяла держать мать и инцестуозные желания на расстоянии.

Оправдание, очищение отца приводит к тому, что происходит расщепление Сверх-Я, в котором, с одной стороны, виновный и идеализированный отец, с другой стороны – сводные братья, невинные, но бесправные. Это расщепление приводит к значительному обострению двойной угрозы, связанной с материнским объектом:

– с одной стороны, запрет на кровосмешение на грани утраты, потому что это желание приобретает характер возможного осуществления;

– с другой стороны, вина требует абсолютно и тотально отвернуться от матери: чистый ужас инцеста, без репрезентации.

Идентификация с братьями и их запретом спасала его Я, спасала его психическое пространство, удерживала противоречивые желания, создавая чувство относительного единства и непрерывности, что позволяло Z до встречи с отцом жить относительно нормально, но попытки осмыслить тайну своего рождения и конфигурацию первосцены привели к дроблению психического пространства.

Грин и Донне предполагают, что конфигурация, в которой Z является последним ребенком своей матери и первым ребенком отца, могла сформировать особый фантазм первосцены, в котором он будто отнял материнство у своей матери, чтобы передать отцовство своему отцу, как если бы он открыл, основал, утвердил примат отцовства. Мы можем рассуждать о том, что в этой первосцене участие пациента выражается в его

функции, которой он, с одной стороны, соединяет родителей в этой первосцене, с другой – разъединяет; иными словами, происходит момент изъятия и передачи фертильности от одного к другому, и это для него будто единственная возможность организации первофантазма.

Инцестуозная фиксация, усиленная и реактивированная открытием, становится мучительным переживанием, что вызывает паралич психики и мышления, что видно из дискурса пациента.

Хороший объект, отец, обречен на идеализацию, ограничивающую, отрезающую его от той общей репрезентации, которая осталась в бессознательном и благодаря которой отец, фантазии о нем, составляли идентификационную опору. Репрезентация отца состоит из двух частей, на сознательном уровне их общая идентичность выстраивается на радикальном отличии от матери, на бессознательном уровне обретение отца говорит об их общности в плане желания матери: они оба, один годящийся ей в сыновья, другой ее сын, желают ее.

Две идентификации, материнская и отцовская, населяющие *Z*, борются друг с другом и поддерживают друг друга. Он тот, кто является единственным связующим звеном между его реинтроецированными и контролируемыми родителями, он же и гарант их вечного разрыва.

Ключ к тайне его рождения не открывает новое пространство, а кажется, закрывает доступ к мышлению и воображению. Для него жизненно важно исключить любую фантазию и любую репрезентацию матери через негативную галлюцинацию, поскольку кровосмесительные фантазии пытаются прорваться в сознание вследствие такого откровения.

Пример *Z* иллюстрирует последствия ригидного и абсолютного расщепления между идеальной идентичностью отца и деформированной репрезентацией матери: абсолют этого расщепления превращает отца в дубликат матери, но с другим знаком, что приводит к глобальной путанице, не позволяя включить внутренние объекты, первосцену в личную историю, стирает время, разрывает непрерывность. Это подразумевает, что *Z* не может построить теорию своей субъективности, которая тогда могла бы изменяться и перестраиваться.

Чтобы избежать психотической катастрофы, связанной с ужасом влечения к первичному объекту и путаницей между субъектом и объектом, устраняются, негативируются любые ссылки на архаичное материнское имаго и кровосмесительные и убийственные фантазии. Жизненно важной необходимостью для субъекта является исключение любой фантазии и любого представления, относящихся к материнскому образу, путем использования негативной галлюцинации.

Грин и Донне уделили большую часть книги «L'Enfant de ça», пять глав из шести, рассмотрению консультации пациента *Z*, раз за разом задаваясь вопросами и стараясь найти на них ответы. В настоящей статье я постаралась осуществить некий набросок этого случая, благодаря которому можно «пощупать» характеристики белого психоза.

Техника работы

Начало консультации, по словам исследователя, А. Грина, было ознаменовано массивной проективной идентификацией, которая выполняет защитную функцию и показывает, насколько случай Z заставляет собеседника усомниться в своем его отношении к запрету инцеста. Конструирование на протяжении нескольких лет в *argès-soup* смыслов этого интервью, как отмечают авторы, состояло в том, чтобы показать, что положение пациента было невозможным, несмотря на то что половые отношения между зятем и тещей не запрещены. Это невозможное состояние, по сути, связано с путаницей поколений, оно конденсирует противоположные тенденции, приводя к хаосу влечений и защите от него в виде паралича мышления и репрезентаций.

На мой взгляд, важно отметить, что авторы уделили достаточно много внимания размышлениям о том, не являлась ли пустота дискурса Z лишь сопротивлением консультации и исследователю? Но, опираясь на свой контрперенос, ощущение принуждения «оживлять» речь пациента, застывшие репрезентации и пустоты, Грин и Донне убеждаются в том, что имеют дело с параличом мышления и функции репрезентации.

При белом психозе речь идет не о том, чтобы найти потерянные мысли, а о потере того, что используется для потери мыслей, потому с точки зрения психоаналитика речь идет не о раскрытии бессознательного, но о создании мысли-языка в режиме конструкции (*Donnet, Green, 2004, p. 214*).

Авторы пишут, что отсутствие Z, обозначаемое как психотическое, отсутствие его как субъекта, желания и чувства которого были бы ощутимы, а тревоги, страдания более близки к пониманию ввиду возможности соотнести их со своими, такое отсутствие мешает психоаналитику опираться на теорию и контрперенос.

Z стоит будто на пределе между реальным и символическим, его история слишком реальна и слишком символична одновременно, потому авторы задаются вопросом: всегда ли прогресс психоанализа осуществляется через расширение символического, где реальное символизируется, а воображаемое психически реализуемо, или же иногда требуется разрыв, вторжение реального, действие как момент десимволизации? (*Donnet, Green, 2004, p. 219*.) Здесь мы можем думать о статье Грина (*Green, 2000*), в которой, описывая центральную фобическую позицию, он предполагает, что травма при лечении такого пациента будет заключаться в самом объединении травматических элементов, которые ему так важно удерживать на расстоянии.

Как отмечают Ж. Пирло и Д. Купа (*Pirlot, Cupa, 2019*), это немислимое происхождение приводит к ощущению пустой головы, застоя в психической жизни и депрессии без аффекта, которая и составляет ядро белого психоза, его мышление занято формулированием значений открытия отца, но проработка будто невозможна, у него присутствует постоянная тревога потери идентичности, и в отличие от психотических пациентов, которые сверхпродуцируют смыслы, в случае пациента Z мы видим их недостаток.

В статье 2011 года Грин продолжает думать о возможных сложностях в анализе таких пациентов, он рассуждает о воздействии архаичного Сверх-Я и самой структуры Я, организованных за пределами вытеснения, где часто наблюдается психическое опустынивание, которое запрещает проявление эффектов либидо, а сопровождается ощущением пустоты, потери жизненной силы тела; чувство отсутствия, не ограничивающееся не-присутствием объекта, который отсутствует. Любое отсутствие плохо переносится, вызывая замещающее присутствие. Пациент говорит, что он населен пустотой, или говорит о себе: я захвачен пустотой, я всего лишь негатив. «Он связывает свои состояния с тем, что я назвал развязыванием субъективности Я, которое может доходить до чувства аутоисчезновения (autodisparition) Я» (Green, 2011).

При работе с такими пациентами аналитик в контрпереносеотреагирует на эту пустоту усилением собственной мыслительной продукции, выработкой репрезентаций, вербальной активностью, чтобы додумать, помыслить то, что не может пациент, аналитик убегает от этого ощущения психической смерти. В интервью мы также видим, как исследователь после каждой паузы все с большим рвением начинает «добывать информацию», вследствие чего последняя треть интервью напоминает скорее диалог, где слова пациента рассматриваются скорее как вещи, факты, не позволяющие мыслить о них.

Попадая в ловушку этой пустоты, аналитик может стараться придать значение, установить связи, что может ощущаться пациентом как вторжение плохого объекта, но в случае молчания аналитика он будет ощущаться как отсутствующий, недоступный хороший объект.

Ввиду отсутствия пространства одиночества, переходного пространства, которые позволили бы сформировать внутренние амбивалентные объекты, аналитику следует стремиться предоставить пациенту пространство потенциального, пространства отсутствия, не пространство «это ничего не значит» или «это значит, что», а пространство «это могло бы значить», должна происходить работа как по созданию контейнера для содержаний пациента, так и созданию содержания для контейнера, но при этом не надо забывать о гибкости и многозначности смыслов (Грин, 1975).

Вывод

Таким образом, мы можем выделить следующие характеристики белого психоза.

1. Белый психоз представляет собой матричную структуру, условие возможности психотического развития, которую, можно рассматривать и как некую защитную структуру. Цель ее состоит в бегстве (спасении) от хаоса влечений, возродившихся вследствие травматических событий. В этом случае возможно обратиться к понятию психотической потенциальности («пуповина психоза»), в которой особенности развития психики субъекта – его мышление, работа негатива, внутренние объекты – составляют

особую конфигурацию, которая в случае травматических событий, за счет стирания психической продукции и разрывания связей, приводит к опустошению психического аппарата, парадоксальным способом пытаюсь спасти его.

2. Первой характеристикой, фундаментом белого психоза, является триби-ангуляция: эдипальная организация, лишенная половой, сексуальной составляющей, в которой родители распознаются исходя из их качества, дуальности «хороший – плохой», третий отсутствует в таком треугольнике. Отец – лишь перевернутый двойник матери и наоборот.

3. Чрезмерное присутствие плохого объекта и нехватка хорошего не предоставляют пространство одиночества, вследствие чего не могут быть созданы многоуровневые, амбивалентные репрезентации объектов.

4. Из-за необходимости удерживать хороший и плохой объект на расстоянии друг от друга, сохраняя хороший объект исключительно хорошим, наступает паралич мышления, цель которого – разорвать возможные связи между ними.

5. Расщепление объектов приводит к расщеплению Я и сопровождается отрицанием малейшей связи между двумя родительскими объектами, которые обречены не встречаться. Из-за давления, налегания объектов на субъекта он оказывается раздвоенным между плохим Я и хорошим, причем хорошее Я постоянно захвачено плохим.

6. Дезинвестирование мышления приводит к негативной галлюцинации мысли – пустоте, в которой субъект поселяется, эвакуируя любые мысли и репрезентации, способные ее заполнить, чтобы избежать психотической катастрофы, связанной с влечением к первичному объекту и путаницей между субъектом и объектом.

7. Внешне это может быть выражено в пустоте мыслей, ощущении пустоты в голове, неспособности ассоциировать, концентрироваться, размышлять. Все это помогает субъекту убежать от плохо проработанных примитивных влечений, которые стараются подчинить себе Я.

8. Роль внешних объектов показывает, что субъект продолжает инвестировать, в отличие от психотиков, в поле реальности в смысле разделения общепринятых чувствительных иллюзий восприятия. Такие субъекты могут иметь довольно высокий интеллект, но эта мыслительная деятельность отщеплена от аффектов и имеет своей целью бегство от влечений, но в конечном счете влечение приводит к белизне, к ощущению пустоты.

9. Депрессия в таких состояниях рассматривается как пустота, нарушающая и замещающая процессы связывания, и имеет эссенциальный характер.

10. На основании характеристик, находящихся в нашем распоряжении, исходя из бедности репрезентативной жизни из-за расщепления Я, дуальности «плохой и хороший объект» в отношении родительских фигур, мы можем предположить, что перенос может быть либо проявлен в «обнаружении» плохого объекта в лице аналитика, либо же вообще отсутствовать в смысле наделения аналитика какими-то качествами первичного объекта; вполне вероятно, что негативная симптоматика, отбеливающая

ассоциативный процесс, разрывающая связь слова и аффекта, будет долгое время мешать установлению истинного переноса из-за дезинвестирования объекта-аналитика.

11. На протяжении всей книги авторы обращаются к своему контрпереносу при работе с пациентом Z, который, казалось, бросал вызов аналитической теории и аналитическим способностям исследователя. Тот факт, что пустота пациента вынуждала аналитика заполнять ее, задавать много вопросов, которые в конечном итоге свелись к добыванию сведений, а не следованию ассоциативному процессу, может указывать на то, что в контрпереносе при столкновении с пустотой возникает невыносимое чувство, от которого можно скрыться лишь благодаря сверхпродуцированию репрезентаций, смыслов, связей.

На наш взгляд, именно в диагностике белого психоза на первичных сессиях состоят главные сложности ввиду адаптированности этих людей к социуму, нередко их высокого интеллектуального развития, присутствующих невротических защит и кажущихся невротическими симптомов.

Цель данной статьи – дать российским специалистам возможность глубже ознакомиться с темой белого психоза, снабдив их знаниями для выявления этой матричной психотической структуры, терапия которой будет иметь ряд особенностей.

Но можно увидеть здесь и некое противоречие: с одной стороны, зная об этой концепции, можно «дуть на воду», ожидать от каждого пациента проявления такой организации и продуцировать те смыслы, которые не присутствуют у пациента, предлагая ему терапию один раз в неделю вместо трех раз на кушетке, то есть усматривать вместо сопротивления – фобию, паралич мышления, вместо расщепления – три-би-ангуляцию и т. д. С другой стороны, в случае белого психоза сама работа с переносом, работа, выстроенная на свободных ассоциациях, классический кадр в лучшем случае не приведут к результату, в худшем – пробьют дополнительные бреши в защитном панцире этой организации, вызвав различные углубления симптоматики, вплоть до анемии мышления и аутоисчезновения.

Но, возможно, наши опасения напрасны, поскольку все психоаналитическое обучение строится на том, что специалисты изучают множество теорий и концепций, благодаря которым во время сеансов и супервизий могут выстраивать в своей голове уникальный узор психического функционирования именно этого пациента, не редуцируя его до «случая из книжки».

Также мы задаемся вопросом, вследствие малого количества материалов по лечению таких пациентов: насколько аналитическая ситуация, терапевтическая эффективность психоанализа в состоянии заполнить пустоты белого психоза? Иными словами, насколько возможно излечение таких больных, постепенное перемещение их в регистр пограничного функционирования ближе к невротическому полюсу, чем психотическому?

На наш взгляд, концепция белого психоза занимает важное место в психоаналитической нозографии и требует дальнейшего изучения, дифференциации и проработки технических рекомендаций, адаптированных под российские условия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бион У. Р.* Элементы психоанализа / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2009. 127 с.
2. *Винникотт Д.* Способность быть в одиночестве // Журнал практической психологии и психоанализа. 2002. Т. 4. С. 39–45.
3. *Donnet J. L., Green A.* (1973). L'enfant de ça : Psychanalyse d'un entretien: la psychose blanche / Jean-Luc Donnet, André Green. Paris : Éd. de Minuit, 2004. P. 350.
4. *Duparc F.* Le travail sur le négatif chez André Green. De la mère morte à la psychose blanche. [Электронный ресурс] // SPP Groupe Nord – Psychanalyse Lill URL: <https://www.groupenord-spp.fr/2020/02/15/le-travail-sur-le-negatif-chez-andre-green/> (дата обращения: 12.04.2022).
5. *Green A.* (1975). The Analyst, Symbolization and Absence in the Analytic Setting (On Changes in Analytic Practice and Analytic Experience) – In Memo // International Journal of Psycho-Analysis. 1975. Т. 56. P. 1–22.
6. *Green A.* (2000). La position phobique centrale: avec un modèle de l'association libre // Revue française de psychanalyse. 2000. Т. 64. №. 3. P. 743–771.
7. *Green A.* (2011). Les cas limite. De la folie privée aux pulsions de destruction et de mort. Revue française de psychanalyse, 75. P. 375–390.
8. *Pirlot G., Cupa D.* «Chapitre 8. La psychose blanche», Approche psychanalytique des troubles psychiques. sous la direction de Pirlot Gérard, Cupa Dominique. Dunod, 2019. P. 104–106.

White Psychosis: Following in the Footsteps of A. Green and J.-L. Donnay

A. S. Blagova

Blagova Anna S., Master of Psychology (HSE), psychoanalytic psychotherapist.

Despite the fact that the concept of Blanche psychosis by Andre Green and Jean-Luc Donnet was created and founded more than 50 years ago, and that in French psychoanalysis such masters as Alain Gibault, Denis Ribas, Vasilis Kapsambelis participate in the psychoanalytic training of Russian specialists, we mean by talking about white psychosis, in Russia is a concept less.

To date, the fundamental work on white psychoses has not yet been translated, there are no scientific articles, and therefore for Russian specialists such a nosographic unit as white psychosis may be lost.

In this article, I have tried to study the characteristics of White psychosis as much as possible, following the authors of the concept, relying on case Z, which, in my opinion, will help bring the reader closer to a systematic understanding of the concept of White psychosis.

Keywords: white psychosis, psychotic potentiality, triangulation, negative work, thinking paralysis, alienation, loneliness space, foreground, negative hallucination of thinking.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ПСИХИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ

Концепции психической травмы в психоанализе: сравнительный подход

Д. С. Аксенов

Аксенов Дмитрий Сергеевич – магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный психотерапевт.

Концепция невроза, связанная с невозможностью отреагировать психическую травму, лежит в основе психоаналитического подхода. Развивая теорию и метод дальше, психоаналитики различных направлений меняли представление о психической травме как причине проблем в человеческой душе, зачастую настолько кардинально, что первоначальная концепция З. Фрейда и Й. Брейера терялась в их сложных построениях. Тем не менее концептуальный разбор причин, по которым такие изменения стали возможными, проводился довольно давно. Соответственно, данный факт подталкивает нас к цели настоящей работы: составление целостного представления об эволюции взглядов на психическую травму в психоаналитической мысли, обозначение расхождений по этой проблематике и выявление ключевого расхождения в этих концепциях. Для этого потребовалось решить следующие задачи: анализ взглядов на психическую травму у теоретиков различных направлений психоанализа, составление сравнительной таблицы расхождений в концепциях психической травмы. Были установлены принципиальные расхождения психоаналитиков по важнейшей составляющей вопроса о психической травме: кому принадлежит роль катализатора – психике субъекта или же внешним объектам. Отсюда, с нашей точки зрения, идут все остальные различия в концепциях.

Ключевые слова: психоанализ, концепции психической травмы, сравнительный анализ, З. Фрейд, Ш. Ференци, О. Ранк, школа объектных отношений.

Попытка осознать психическую травму лежит в основе психоанализа. Идея о том, что истерия, которая в конце XIX века активно изучалась физиологами и неврологами, является результатом собственно этой травмы, а не каким-нибудь защемлением нерва или напряженностью мышц,

положила, вероятно, первый кирпичик в ту науку, которую мы сейчас называем психологией (Элленбергер, 2018, с. 388). Однако психоаналитическая мысль не стояла на месте, она развивалась. Психоаналитическому лечению начали посвящать свою жизнь представители выходцев из разных классов, из разных народов, из разных империй. К тому же психоанализ начал свое развитие в период масштабной перестройки социальной структуры, когда бурная индустриализация способствовала глобализации экономики и общественных связей. Все вышеперечисленные факторы привели к тому, что теория стала многогранной, позволившей «впитать» в себя традиции и взгляды разных социальных слоев, разных народов и разных людей. Но вместе с этим были и минусы. Эта «глобализация» психоанализа привела к разобщению внутри течения.

Беря один и тот же текст З. Фрейда, его ученики видели совершенно разные по смыслу фразы. Стоит, возможно, упомянуть в этом контексте спор между М. Кляйн и А. Фрейд – лучше примера не придумать (*Abram, Hinshelwood, 2018, p. 47*). Иногда недопонимание или иная трактовка какого-то аспекта приводили даже к «отколу» ученика от своего учителя, и здесь на ум приходят некоторые ученики З. Фрейда – А. Адлер, К. Юнг, О. Ранк (*Bohleber, 2010, p. 79*). Конечно, это влияло и на дальнейшее развитие психоаналитической (или психоаналитических) теории и подходов к работе с пациентами в анализе. Вышеперечисленные примеры, однако, с нашей точки зрения, больше относятся к происхождению упомянутых персоналий: их детству, отношениям с ранними объектами (родителями), образованию и т. д.

Другим «минусом» психоаналитической теории (да и любой теории о человеке вообще) была ее «мейнстримность». Психоанализ, как мы уже сказали, возник из исследования «популярной» в конце XIX – начале XX века среди девушек истерии и сексуальных вопросов. Во время и сразу после Первой мировой войны психоаналитиков заботили вопросы военных неврозов. После Второй мировой войны – холокост. Не уменьшая важности исследования последствий двух мировых войн для человеческой психики, стоит сказать, что старые вопросы не получали развития, зачастую забывались и очень редко рассматривались заново с точки зрения современного состояния науки.

Психическая травма как «родоначальница» психоанализа представляет особый интерес для исследования, так как фактически в данном случае мы имеем дело с самой «сутью» психоанализа, его ядром. Вопрос о том, существует она или нет, после издания «Исследований истерии» больше, вероятно, не стоял в психоаналитической парадигме. Стояли другие: кто провоцирует психическую травму – внешние объекты или сама психика субъекта; каким образом психическая травма действует на психику; можно ли ее «вылечить»? На эти вопросы все отвечали по-разному (*Weiss, 2020, p. 15*).

В данной работе мы хотим сфокусировать свой интерес именно на ранних концепциях психической травмы. Под «ранними» мы понимаем тот период, который был обозначен выше: конец XIX – начало XX века и середина XX века. В эти два периода психическая травма рассматривалась

наиболее активно по причинам, опять же обозначенным выше, – зарождение психоанализа и мировые войны. С другой стороны, между этими периодами лежит большая пропасть как в социокультурном контексте, так и в контексте психотерапевтической работы, и это затрагивает концептуальные исследования психической травмы. Однако эти периоды так же чрезвычайно близки между собой, ибо психоаналитики находились в постоянном контакте со своими коллегами даже из других стран (правда, с коротким перерывом во Вторую мировую войну) и психоаналитические теории из одной страны редко когда были оторваны от психоаналитической мысли в другой стране.

Наша гипотеза состоит в том, что на данный момент в психоаналитической традиции имеется большой теоретический разрыв в понимании психической травмы, который негативно влияет на работу с пациентами, если терапевт не слишком хорошо знаком с ранними теоретическими концепциями психической травмы. Мы считаем, что выявление ключевых различий в понимании психической травмы в дальнейшем позволит лучше понять саму суть проблемы и попытаться устранить, или, пользуясь выражением Г. В. Гегеля, – найти синтез тезы и антитезы.

Теория травматического соблазнения лежит в основе психоаналитической теории. Впервые высказав идею о реальном соблазнении, служащем «толчком» к развитию истерии, З. Фрейд и Й. Брейер «открыли» для широкой публики травматизм и травму¹. Выдвинув гипотезу о существовании происходящего не по вине субъекта травматического события, которое в силу своей аффективной загруженности становится частью ядра личности человека и вызывает невроз, З. Фрейд продолжал развивать свою психоаналитическую теорию, расширяя свое восприятие влияния травматического опыта на психику субъекта. В психоаналитической парадигме исторически принято начинать анализ той или иной идеи с З. Фрейда, и его взгляды на тему данной работы были предметом многочисленных исследований (Бокановски, 2010, с. 59–61; *Chervet*, 2021, р. 765–777; *Weiss*, 2021, р. 755–764). Тем не менее стоит кратко осветить эволюцию его концепции психической травмы.

В начале своего психоаналитического пути З. Фрейд понимал психическую травму как сексуальное насилие взрослого человека над ребенком. Правда, такой взгляд просуществовал недолго. Пройдет всего лишь год после выхода «Исследований истерии», когда он напишет своему другу Вильгельму Флиссу, что шел по ложному пути, будучи ведомым фантазиями его пациенток о сексуальном соращении (Элленбергер, 2018, с. 98).

Написав это, З. Фрейд сосредоточил свои исследования на теоретическом осмыслении результатов лечения неврозов (как истерии, так и невроза навязчивости) (Фрейд, 2006б). Фактически он больше не говорит о травме так часто, как это было до 1897 года, сместив акцент на сексуальность, инфантильные сексуальные теории и анализ сновидений

¹ Конечно, не они единственные высказывали такое суждение об этиологии истерии. Но ради простоты чтения мы это опустим.

(Greenberg, 2019, p. 1144). К травме, пусть и косвенным образом, не говоря о ней напрямую, он возвращается только в двух анализах: Доры и маленького Ганса. Если кратко: в случае Доры З. Фрейд считал ее не до конца вытесненные сексуальные влечения по отношению к господину К., отцу, матери, гувернантке, З. Фрейду – то есть почти ко всему ее окружению – причиной истерии; в случае Ганса З. Фрейд рассматривал его фобию как результат кастрационной тревоги, исходящей, в фантазиях Ганса, от отца, стоявшего на пути между Гансом и его матерью, и потери матери как сексуального объекта.

Уже в самом начале рассказа об анализе Доры З. Фрейд замечает, что на сознательном уровне «в переживании, связанном с господином К., – в любовном ухаживании и последующем оскорблении чести – для нашей пациентки Доры заключалась психическая травма...» (Фрейд, 2006д, с. 104). При этом он также говорит, что истерию у Доры вызвало ее бессознательное сексуальное влечение по отношению к господину К. и отцу. Если говорить кратко, то с нашей точки зрения З. Фрейд был прав в обоих случаях. Однако случай маленького Ганса проливает гораздо больший свет на понимание З. Фрейдом психической травмы в этот период.

Возвращаясь к теме этиологии психической травмы, а именно к тому, откуда она приходит – извне или снаружи, З. Фрейд, по-видимому, в данный период утвердился во мнении, что травма – внутреннее событие, которое вызывается подавлением сексуального возбуждения и кастрационной тревогой, что спровоцировано тем не менее внешними объектами. В случае маленького Ганса З. Фрейд выделяет рождение сестры в качестве важнейшего фактора возникновения последующей фобии (Фрейд, 2007, с. 98). Хотя он и не говорит об этом напрямую, но по ходу анализа видно, что маленький Ганс страдает не столько от подавления своих сексуальных желаний по отношению к матери, сколько от того факта, что он «кастрирован», исключен из отношений со своим первичным объектом и сверстниками из Гмундена, на которых он спроецировал свои сексуальные влечения к матери (Фрейд, 2007, с. 102). З. Фрейд здесь по-прежнему описывает процесс невозможности отвода сексуального возбуждения, о котором он писал в «Исследованиях истерии». «Еще летом у него возникали такие же тоскливо-тревожные настроения, во время которых он высказывал нечто подобное и которые приносили ему ту выгоду, что мать брала его к себе в постель. С этого времени мы могли бы предположить наличие у Ганса повышенного сексуального возбуждения, объектом которого является мать... и которое, кроме того, находит разрядку в ежевечернем онанистическом удовлетворении» (Фрейд, 2007, с. 102). И еще: «Появление на свет этой сестры принесло ему много такого, что отныне не оставляло его в покое. Прежде всего некоторая доля лишения: вначале временное разлучение с матерью, а позднее – постоянное уменьшение ее заботливости и внимания, которые ему пришлось привыкать разделять с сестрой» (Фрейд, 2007, с. 111). Тем не менее к подавлению/невозможности отвода сексуального возбуждения теперь, в отличие от 1895 года, примешивается новая и очень тесно связанная с описанным выше лишением Ганса составляющая психической травмы: кастрационная тревога.

Конечно, З. Фрейд интерпретирует ее буквально: что маленькому Гансу отрежут пенис за его сексуальные желания по отношению к матери. Эта трактовка имеет место, поскольку сама мать Ганса, увидев его занятым мастурбацией, грозит: «Если ты это будешь делать, я попрошу прийти доктора А., который отрежет тебе пипику...» (Фрейд, 2007, с. 15). Но при этом в истории Ганса была еще одна «кастрация»: рождение сестры и осознание того, что мать ему не принадлежит, что, по-видимому, и являлось его психической травмой (Фрейд, 2007, с. 116). При этом его фобию – боязнь лошадей – запускало именно желание убить отца, которая, однако, была реакцией на осознание того, что мать родила Ханну – сестру Ганса.

В лекции о тревоге, которую он считал аффектом от первой травмы человека, то есть травмы рождения (Фрейд, 2006а, с. 375), и являющейся прообразом последующих аффектов от других травм в развитии (Фрейд, 2006а, с. 382–383), З. Фрейд уже намечает тот путь, которым будет следовать его мысль в 1920-е годы. Уже здесь, за четыре года до его метафоры о живой субстанции с барьером против возбуждения, он описывает механизм детской фобии (очень удачно, что мы взяли за пример психической травмы случай маленького Ганса), который представляет более наглядный пример этой метафоры. При фобии неприемлемое представление (в случае Ганса – желание матери и убийство отца) вытесняется, что провоцирует превращение ни с чем более не связанного либидо в тревогу, чувство опасности. Далее Я ребенка, еще слишком слабое для того, чтобы справиться другими способами с тревогой, в качестве единственного выхода из ситуации решает спроецировать внутреннее напряжение вовне, создать симптом, фобию, благодаря чему внутренняя опасность переживается как внешняя, с которой легче справиться (Фрейд, 2006а, с. 388). «Вытеснение соответствует попытке к бегству Я от либидо, воспринимаемого как опасность» (Фрейд, 2006а, с. 388), и еще: «Слабая сторона системы защиты при фобиях заключается, разумеется, в том, что крепость, настолько усилившаяся извне, с внутренней стороны осталась открытой для нападения» (Фрейд, 2006а, с. 388). Конечно, З. Фрейд здесь постулирует мысль, что вытеснение порождает тревогу; от нее он откажется примерно через 10 лет. Тем не менее для нас сейчас не так важно, что было первичным: курица или яйцо. Для нас важно то, что З. Фрейд очень четко уловил связь травматического воздействия с тревогой. Можно сказать, что там, где есть вытеснение – есть тревога, там, где есть тревога – есть травма. Эта мысль даст повод З. Фрейду сказать в предисловии к сборнику статей о военных неврозах, что «вытеснение, лежащее в основе каждого невроза, является реакцией на травму, является первым травматическим неврозом» (Levine, 2021, p. 800).

«По ту сторону принципа удовольствия» не даст нам много нового в анализе восприятия З. Фрейдом психической травмы. Здесь, как и в его лекциях по тревоге, как и в предисловии к сборнику статей о военных неврозах, он постулирует мысль о том, что психическая травма может прийти как извне, так и изнутри. Однако здесь он вновь расширяет свое понимание психической травмы, возникающей теперь не только от кастрационной тревоги, как он постулировал в случае маленького Ганса, но и от

нарциссических травм и провала «барьера противовозбуждения» в защите психики от чрезмерного возбуждения.

Нарциссические травмы он описывает как субъективную потерю любви дорогого человека: «Нежная привязанность, как правило, к родителю противоположного пола, иссякла от разочарования, напрасного ожидания удовлетворения или ревности при рождении нового ребенка, которое недвусмысленно указывало на неверность любимого или любимой... уменьшение нежности, ранее проявлявшейся к малышу, повышенные требования в воспитании, строгие слова, а иной раз и наказание в конечном счете раскрыли ему в полном объеме выпавшее на его долю пренебрежение» (Фрейд, 2006в, с. 245). Здесь нельзя не вспомнить маленького Ганса и цитату З. Фрейда, что рождение сестры, когда Гансу было три с половиной года, имело решающее значение в последующем развитии тревоги. Далее он пишет, что можно считать травматическими те внешние возбуждения, «которые достаточно сильны, чтобы прорвать защиту от раздражающего воздействия» (Фрейд, 2006в, с. 254). Для того чтобы справиться с этим возбуждением, Я мобилизует все способы катектирования, связывания возбуждения, которые есть в его распоряжении. В случае маленького Ганса единственным вариантом связать возбуждение явилось появление фобии. Как видим, в принципе ничего нового З. Фрейд пока не сказал. Оно начинается там, где он рассуждает о том, откуда приходит это гипервозбуждение: извне или изнутри. И теперь З. Фрейд постулирует второй вариант.

Возвращаясь к метафоре о субстанции с «барьером противовозбуждения», З. Фрейд говорит, что этот барьер направлен лишь вовне (Фрейд, 2006в, с. 251). Он может успешно защищать человека от внешних повреждений. Однако возбуждения, о которых было сказано выше, исходят изнутри, где защиты нет. Отсюда З. Фрейд делает вывод, что влечения организма имеют более «травматическое воздействие», чем внешние события (Фрейд, 2006в, с. 259). Стоит, однако, заметить, что внешнее травматическое событие не утрачивает своего значения: ведь внутреннее гипервозбуждение происходит, по мнению З. Фрейда, в качестве реакции на внешнее событие, например в случае нарциссических ран или кастрационной тревоги.

Отделение, потеря – вот что провоцирует психическую травму. Это провоцирует тревогу, впервые приобретенную во время акта рождения, и эта тревога становится прототипом для сигнала о последующих травматических ситуациях, будь то потеря объекта любви или невозможность связать внутреннее возбуждение, происходящее от Оно, ибо тогда будет недовольно Сверх-Я, то есть интроецированные родительские объекты (Фрейд, 2006г, с. 278). В итоге З. Фрейд приходит к выводу, что именно беспомощность, вытекающая из вышесказанного, является травматической (Фрейд, 2006г, с. 303). «Тревога представляет собой первоначальную реакцию на беспомощность при травме, которая затем воспроизводится в ситуации опасности в качестве сигнала о помощи. Я, которое пассивно пережило травму, теперь активно повторяет ее в ослабленном виде в надежде самостоятельно управлять

событиями» (Фрейд, 2006г, с. 303–304). Это по сути дела то, к чему сведены все размышления З. Фрейда на тему психической травмы. Там, где есть беспомощность, неважно какая – в виде потери любви объекта, конфликта между Оно и Сверх-Я или кастрационной тревоги, – есть тревога, а там, где есть тревога, есть психическая травма.

В одной из последних своих работ, а именно «Человек Моисей и монотеистическая религия», З. Фрейд кратко обрисовывает свой взгляд на психическую травму, как бы завершая свои изыскания по этой теме. Все, что он говорит о ней в этой работе, уже было описано выше, поэтому мы здесь лишь фрагментарно пройдем по основным пунктам.

Во-первых, З. Фрейд здесь чуть ли не впервые дает определение травме: «Пережитые в раннем возрасте, впоследствии забытые впечатления, которым мы придаем столь большое значение в этиологии неврозов, мы называем травмами» (Фрейд, 2008, с. 521). «Травмами являются либо переживания, связанные с собственным телом, либо восприятия органами чувств, чаще всего увиденное и услышанное, то есть переживания или впечатления» (Фрейд, 2008, с. 523). Во-вторых, З. Фрейд считает травмами только те события, которые происходили с субъектом до возраста пяти лет (Фрейд, 2008, с. 522). Такую четкую границу он проводит потому, что зачастую человек впоследствии не помнит, что было с ним в этот период из-за первичного вытеснения, провоцируемого травматическими событиями, которые относятся к впечатлениям сексуальной природы², агрессивной природы³ и нарциссическим обидам⁴, и все эти впечатления тесно взаимосвязаны и даже переходят друг в друга (Фрейд, 2008, с. 523).

Другим важным теоретиком психической травмы был друг и ученик З. Фрейда Ш. Ференци. Он начинает развитие своей теории травмы в самые последние годы жизни – с 1930 по 1933 год. Тем не менее предпосылки его теории можно найти и раньше, например в его статье 1924 года «О форсированных фантазиях. К активности в технике психоанализа». В ней он показывает, что инфантильные сексуальные фантазии и даже «соблазняющее» или «жестокое» поведение взрослого по отношению к ребенку вызывают невроз или другое торможение психической жизни не только в том случае, когда были чрезмерными и «затапливающими», но и когда любая психическая активность больного подавлялась и отодвигалась на задворки его жизни.

Позднее, в докладе «Принцип релаксации и неокатарсис» 1930 года (то есть спустя шесть лет после написания «О форсированных фантазиях»), Ш. Ференци ясно отвечает на вопрос о том, что запускает травматическое переживание. «Возможно, что чисто психические фантазии являются выражением приступов истерии и патоневрозов, однако первым

² В случае маленького Ганса – желание ребенка быть поближе к матери, спать с ней в одной кровати.

³ В случае маленького Ганса – желание ребенка устранить отца, ибо он запрещает ему спать с матерью.

⁴ В случае маленького Ганса – обида на мать за то, что она пригрозила ему кастрацией, и за то, что она спит с его отцом, а на отца за то, что он был «повинен» в рождении Ханны, сестры Ганса.

толчком к аномальным явлениям всегда оказываются травматические, шокоподобные реальные потрясения и конфликты с окружающей средой, формирующие неврогенные силы, в том числе совесть» (Ференци, 2003а, с. 260–261). Тем самым Ш. Ференци фактически отказывается от отказа З. Фрейда от его «невротики» и перехода к анализу инфантильных сексуальных фантазий. Далее венгерский аналитик вступает в прямой конфликт с З. Фрейдом, говоря, что «травма крайне редко – следствие врожденной детской чувствительности, а гораздо чаще – недостойного, грубого и даже жесткого обращения» (Ференци, 2003а, с. 260–261). Ш. Ференци полагал, что недостойное поведение родителей или опекунов провоцирует слишком сильное возбуждение в неокрепшей психике ребенка, с которым она не может справиться и, чтобы хоть как-то переработать это возбуждение, психотическим способом расщепляется и инкапсулируется, препятствуя дальнейшей фантазийной жизни, но при этом сохраняя психику от полного распада.

В 1932 году на XII международном психоаналитическом конгрессе, проходившем в Висбадене, Ш. Ференци зачитывает один из самых важных его трудов – «Речевые противоречия в разговоре взрослого с ребенком. Язык нежности и страсти» (Ференци, 2003б, с. 291–300). На этом конгрессе венгерский психоаналитик с большей уверенностью, чем ранее, заявляет, что «травматическое» (идущее от внешнего мира) является предпосылкой невроза и даже психоза, при этом опровергая теорию инфантильной сексуальности З. Фрейда, которую тот пытался структурировать на протяжении последних 30 лет: «Предположение, что это всего лишь сексуальные фантазии детей, к сожалению, опровергается многочисленными признаниями анализируемых пациентов» (Ференци, 2003б, с. 295). Здесь, возможно, находится главное противоречие между теорией З. Фрейда и теорией Ш. Ференци: опора на эндогенность или экзогенность травмы и травматического опыта.

Говоря о причинах возникновения травматического опыта, Ференци приводит три фактора:

1) сексуальное насилие над ребенком, собственно, смешение «языка нежности» ребенка и «языка страсти» взрослого человека;

2) интроекция бессознательного чувства вины взрослого, которая искажает объект любви, превращая его в объект ненависти (Бокановски, 2013, с. 88);

3) «террор страдания». Так Ференци называет процесс, при котором взрослый систематически игнорирует эмоции и переживания ребенка или же использует его для удовлетворения собственных потребностей в поддержке и заботе (Ференци, 2003б, с. 298).

С этими факторами связаны дальнейшие рассуждения психоаналитика о «мудром младенце», нарциссическом расщеплении психики, «страстном переносе», параличе мыслительной деятельности и «чужих трансплантатах», анализ которых, хоть и связан с психической травмой, в задачи настоящей статьи не входит.

Если выделять самые важные постулаты, то они будут следующими. Ш. Ференци, пожалуй, первым заговорил о важности очень ранней связи

мать – ребенок и последующего повторения этой связи в анализе. Он также связал психическую травму с нарциссическим расщеплением, которое создает «мертвые зоны Я», вследствие чего страдающий человек живет под маской «как будто бы личности». И, наконец, травма порождается людьми, путающими «язык нежности» с «языком страсти».

Что касается техники, важнейшим наследием Ш. Ференци является тезис о том, что с некоторыми пациентами не стоит уповать лишь на принцип абстиненции, так сильно любимый З. Фрейдом. Дабы не повторять первичный неудачный (и, следовательно, травматический) опыт пациента, следует комбинировать принцип релаксации с принципом абстиненции, позволяя таким образом пациенту получить тот опыт, которого у него не было в раннем детстве и который воспроизводится в анализе при глубокой регрессии. Другой существенной техникой является принцип «вчувствования», когда аналитик, пусть и жертвуя отчасти защитой своей психики, впадает в состояние, сравнимое с поведением новоиспеченной матери, пытающейся угадать то, чего хочет маленький ребенок, чтобы переработать его влечения и вернуть ему их в том виде, в каком он их способен сделать частью своей психики.

Другим важным теоретиком психоанализа, внесшим гигантский вклад в развитие концепции психической травмы, является Отто Ранк (или Розенфельд) – один из ближайших учеников и последователей З. Фрейда, занимавшийся тем, что в нынешнее время назвали бы междисциплинарным подходом: он проверял истинность теоретических наработок психоанализа на материале культурного достояния человечества: мифологии и искусства. Эта работа в конечном счете привела его к мысли о том, что чувства тревоги и страха, неотъемлемые составляющие психической травмы, появляются у индивида во время рождения; отсюда следует, что психическая травма является результатом рождения и что все люди так или иначе носят на себе эту печать психической травмы.

Нет нужды подробно говорить о том, что О. Ранк в конечном счете сводит все психические процессы к травме рождения. Основываясь на анализе невротических пациентов, что, кстати, довольно важно, ибо тот же Ш. Ференци работал в основном с пограничными и даже психотическими пациентами, О. Ранк пришел к выводу, что в успешном анализе пациент как бы «перерождается» заново: «Пациент в аналитической ситуации, так сказать, биологически повторяет период беременности, а в конце анализа, в процессе нового отделения от замещающего объекта, – акт рождения с точностью чуть ли не до малейших деталей» (Ранк, 2009, с. 38). Однако это происходит при условии, что аналитик понимает этот факт. Если же нет, то пациент, пользуясь уже введенным З. Фрейдом принципом навязчивого повторения, раз за разом «отыгрывает» травму рождения в анализе, причем неудачно, раз за разом возвращаясь к тому, с чего он начинал (Ранк, 2009, с. 43). О. Ранк приводит очень удачный для нашего исследования пример бессознательной памяти о травме, полученной в результате рождения. Он пишет о том, что ранние детские фобии, такие как боязнь темноты, боязнь больших домашних животных (тут нельзя не вспомнить описанный выше случай маленького Ганса), появляются потому, что они

напоминают ребенку о пребывании в материнской утробе – темная комната, правда, здесь больше подходит, чем большие домашние животные (Ранк, 2009, с. 49–50). Как можно догадаться, дальнейшие многочисленные примеры из мифологии и из искусства направлены на то, чтобы подтвердить его точку зрения, и, так как все они сводятся к тому, что травма рождения – единственная «достойная» для обсуждения психическая травма, на дальнейших примерах мы останавливаться не будем.

Гораздо интереснее последить, как О. Ранк пытается совместить травму рождения и происходящую от нее тревогу с кастрационной тревогой – одной из аксиом фрейдистского психоанализа. О. Ранк предполагает, что кастрационная тревога – это всего лишь смещение с более ранних тревог отделения, отчуждения, отвержения (Ранк, 2009, с. 49–50). В каком-то смысле он следует за З. Фрейдом, который, как уже было описано выше, в некоторых своих анализах утверждал, что наибольшую «травму» наносит не сама фантазия о кастрации пениса (или его отсутствие), а осознание ребенком, что мать ему не принадлежит и никогда не будет принадлежать – то есть осознание того, что его отвергли. Тем не менее тут стоит сделать одно важное уточнение. Если Ш. Ференци сводит психические травмы к проблемам на раннем этапе взаимодействия ребенка с матерью, фактически открывая дорогу для дальнейшего развития направления объектных отношений, то О. Ранк, хоть и приводя в пример случаи «травматического отделения» ребенка от матери, сводит это все к травме рождения – физическому акту, когда еще нет дифференциации Я и не-Я и, соответственно, объектных отношений, на важность которых также обращал внимание З. Фрейд.

О. Ранк в своей теории делает особый упор на физиологическом значении рождения. Ребенок от чрезвычайного удовольствия от пребывания в материнской утробе, когда ему не надо ничего делать для удовлетворения своих потребностей, практически моментально переходит к состоянию чрезмерного неудовольствия, когда его тело сдавливается, меняется давление и т. д., что завершается сильнейшим жжением в легких от первого глотка воздуха и ослеплением глаз от первых увиденных лучей солнца (Ранк, 2009, с. 166–167). Возникает вопрос: кто ощущает это удовольствие и неудовольствие? Возможно, что О. Ранк приписывает новорожденному те ощущения, которые испытывал бы взрослый человек, оказавшись в такой ситуации. Но младенец, еще не дифференцировавший Я от не-Я и, соответственно, удовольствие от неудовольствия, не может осознать, что он чувствует в данный момент, потому что для осознания требуется дифференциация. Когда Ш. Ференци говорит об отнятии от груди, а З. Фрейд о кастрационной тревоге, у субъекта уже есть Я, он уже может воспринимать напряжение (психическое или физическое – не так важно), когда же речь идет о травме рождения, то она, как представляется, является лишь физической, ибо психики как таковой еще нет; она появится лишь в контексте существования в социуме, которым для маленького ребенка является семья. О. Ранк, сводя все «психические травмы» к травме рождения, неизбежно должен был прийти к выводу, что и все точки фиксации психосексуального развития, происходящие из травм в конкретный

период взросления, должны быть отброшены, ибо все они сводятся к переживанию акта рождения (Ранк, 2009, с. 185).

Анализ же пациентов, по мнению О. Ранка, тоже должен был претерпеть значительные изменения вместе с психоаналитической теорией. Раз все невроты и психозы, перверсии и просто «странности» характера сводятся к неудачно преодоленной травме рождения, то, значит, в ходе анализа «аналитику нужно определить, как именно пациент репродуцирует травму рождения здесь и сейчас, а затем, когда будет подходящее время, продемонстрировать ее "взрослому Эго" пациента как инфантильную фиксацию» (Ранк, 2009, с. 185). В ходе такого анализа рождение как бы проживается заново в переносе, и задача аналитика при этом – не позволить пациенту вновь репродуцировать тот же самый первичный страх, который возник при настоящем рождении. О. Ранк утверждает, что нужно «научать» пациентов перерабатывать эту травму рождения, при этом постоянно апеллируя к сознательному Я пациента, «чтобы укрепить его в борьбе против могущественного Ид» (Ранк, 2009, с. 189).

О. Ранк считает, что в ходе анализа из пациента должен получиться «новый» человек, лучше, чем он был до прихода к психоаналитику; человек, свободный от преследующей его везде и всегда неотрагированной травмы рождения. Считая невротика «незрелым индивидом, фиксированным на травме рождения», австрийский психоаналитик помещает себя в контекст прогрессивистской эпохи (как, впрочем, большинство первых психоаналитиков): с ее верой в неизбежность прогресса, убежденностью в том, что «учитель» обладает сакральным знанием, способным преобразить своего «ученика», и взглядом на болезни как на что-то, что должно быть убрано из жизни индивида.

Д. В. Винникотт и М. Кляйн также много писали о психической травме, стараясь совместить ее с одним из главных посылов школы объектных отношений – важностью материнской роли в становлении субъекта.

Для Д. Винникотта психическая травма имеет в своей основе неудачу, провал со стороны окружения, а не со стороны вытеснения, как у З. Фрейда (*Winnicott, 1945, p. 140*). Этот провал, который затем будет интернализован ребенком в свои внутренние объекты посредством игры, навсегда отпечатывается в психике и затем, посредством «последствия», будет «введен» в жизнь и воспринят как травматическое событие, при этом он даже не может быть вспомнен, ведь этот «провал» произошел еще на доязыковом этапе развития младенца (*Abram, Hinshelwood, 2018, p. 107*). То есть он будет воспроизводиться как фрейдовский принцип «навязчивого повторения». Однако, по мнению З. Фрейда, этот принцип является производной от влечения смерти (с ним в этом плане соглашалась М. Кляйн). Д. Винникотт же это влечение всячески отвергал. З. Фрейд считал, что инстинкт смерти является константой, аксиомой, которая есть в человеке с самого рождения. Однако, согласно Д. Винникотту, именно этот «провал» в материнском взаимодействии с ребенком провоцирует возникновение принципа «навязчивого повторения». То есть здесь снова появляется вечный вопрос о характере психической травмы: она приходит извне

или происходит изнутри. Д. Винникотт вслед за Ш. Ференци и О. Ранком (но в другом смысле) считал, что психическая травма приходит извне.

Когда Д. Винникотт в 1960-е годы исследовал ощущение распада, он, по-видимому, окончательно утвердился в этой мысли (*Eekhoff*, 2019, р. 52). По его мнению, мать не «выживает» в психическом ребенка из-за агрессии и жестокости младенца. В результате этой «смерти» объекта младенец, еще находясь в стадии экстремальной зависимости (или в стадии зависимости), воспринимает «смерть» объекта как свою собственную смерть, что в дальнейшем во взрослом возрасте возникает заново в ощущении распада (*Abram*, 2021, р. 791).

Такой взгляд на психическую травму, естественно, влияет и на аналитическую технику работы с пациентами. Для Д. Винникотта аналитик, работающий с травмированным пациентом, должен стать «той архаичной матерью», которая в действительности провалила свою задачу, и в переносе «прожить все заново», но на этот раз по-нормальному, трансформируя прошлое в настоящем психоаналитического лечения (*Abram*, 2021, р. 789). Аналитик, выдерживая агрессию пациента, «выживая» в его психическом, дает потенциал для дальнейшего развития пациента, чего не сделала его мать «эпохи младенчества» (*Winnicott*, 1969)⁵. На самом деле это очень похоже на ранний метод З. Фрейда и Й. Брейера, применявшийся при лечении истерических пациенток. Разница состоит в том, что по Д. Винникотту аналитик берет на себя роль «архаичной матери» со всеми проекциями, разрешая им быть отыгранными (*Winnicott*, 1960, р. 589), тогда как в методе З. Фрейда и Й. Брейера аналитик на себя эту роль не берет. В целом можно сказать, что Д. Винникотт в своих теоретических разработках ближе к Ш. Ференци из всех рассматриваемых здесь психоаналитиков, хоть Д. Винникотт и не говорит о расщеплении – важном компоненте теории психической травмы Ш. Ференци.

Мелани Кляйн как раз, наоборот, рассматривает психическую травму как некое расщепление Я, происходящее из-за борьбы любви и ненависти. По М. Кляйн, эти два чувства возникают с самого начала жизни и внутренние по происхождению, то есть не появляются благодаря воспитанию (*Abram, Hinshelwood*, 2018, р. 102). Доказательством этого, по мнению М. Кляйн, является то, что младенец чувствует удовлетворение (любовь) после кормления грудью и фрустрацию (ненависть), когда матери долго нет рядом с ним. Тревога, возникающая во время переживания неудовольствия, может быть двух форм. Первая – переживание того, что с объектами, которые любит младенец, что-то случится из-за ненависти, которую младенец испытывает. В целом этот вид тревоги относится к депрессивной позиции, и он более приемлем для психики, так как в такого рода тревоге есть чувство устойчивости Я, что оно не уничтожится под воздействием своей ненависти. Вторая – персекуторная тревога – гораздо более тяжелая в психическом плане, так как провоцирует

⁵ Winnicott D. W. (1969). The Use of an Object. *The International Journal of Psychoanalysis* 50: 711–716.

в младенце/ребенке бессознательную фантазию, что его ненависть уничтожит его самого, потому что внутренние хорошие интроецированные объекты не справятся с плохими (*Abram, Hinshelwood, 2018, p. 100*). Эта тревога провоцирует гораздо более опасную психическую травму, так как психика в этом случае находится в ранней, параноидно-шизоидной позиции, полной ненависти к объектам, к которым младенец испытывает любовь, что провоцирует расщепление Я. Эту ситуацию психика пытается преодолеть (зачастую неудачно) с помощью маниакальных защит – отрицания и обесценивания, при которых этот объект якобы не нужен человеку, создавая при этом чувство всемогущества, никогда не возникающее в депрессивной позиции, потому что, находясь в ней, человек испытывает чувство вины из-за своей ненависти. Таким образом, М. Кляйн продолжает в этом смысле путь Ш. Ференци, который при рассмотрении вопроса о психической травме полагался на концепцию расщепления Я. При этом М. Кляйн отвергает постулат Ш. Ференци и Д. Винникотта о том, что психическую травму ребенок получает извне.

Как можно видеть из описания понимания М. Кляйн тревоги, психическая травма для нее – целиком внутренний процесс, фантазия, происходящая во внутренней реальности ребенка (*Klein, 1932*). Однако М. Кляйн также утверждала, что параноидно-шизоидная позиция и связанное с ней расщепление Я могут активно поддерживаться внешними объектами: безучастной и жестокой матерью. При этом М. Кляйн спрашивает, почему же тогда в одних и тех же условиях депривации материнской любви одни дети впадают в параноидно-шизоидную позицию и переживают психическую травму гораздо большую, чем другие дети (*Abram, Hinshelwood, 2018, p. 102*). В этом плане М. Кляйн стоит ближе к З. Фрейду с его «инстинктом смерти» и который, как мы показали ранее, также утверждал, что внешние объекты могут усиливать психическую травму, но никогда не наносить ее, потому что у психики нет защит, направленных против внутренней сверхстимуляции: для этого ее сначала нужно вывести вовне, как происходит в случае с проекцией и проективной идентификацией.

Таким образом, мы видим, что концепции психической травмы, хоть в целом и похожи, но отличаются в деталях, которые все дальше и дальше отдаляют одну концепцию от другой. Самой важной деталью является именно вопрос об эндогенности или экзогенности психической травмы. Отсюда, с нашей точки зрения, идут все остальные различия: признание существования влечения смерти или его отрицание, главенствующая роль в этиологии психической травмы фантазии о кастрации или же неудачного опыта взаимодействия с материнским объектом на стадии чрезвычайной зависимости и, что важно, как быть аналитику во время сеанса – нужно ли ему быть «зеркалом» для пациента или же «архаической матерью» и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бокановски Т.* Вариации понятия травматизации: травматизация, травматическое, травма // *Международный психоаналитический ежегодник. Первый выпуск.* М., 2010. С. 59–75.
2. *Бокановски Т.* Шандор Ференци. М., 2013.
3. *Ранк О.* Травма рождения и ее значение для психоанализа. М., 2009.
4. *Элленбергер Г. Ф.* Открытие бессознательного. История и эволюция динамической психиатрии. Психотерапевтические системы конца XIX – первой половины XX века. М., 2018.
5. *Ференци Ш.* Принцип релаксации и неокатарсис // *Тело и подсознание, снятие запретов с сексуальности.* М., 2003.
6. *Ференци Ш.* Речевые противоречия в разговоре взрослого с ребенком. Язык нежности и страсти // *Тело и подсознание, снятие запретов с сексуальности.* М., 2003.
7. *Фрейд З.* Анализ фобии одного пятилетнего мальчика // *Два детских невроза.* М., 2007. С. 9–125.
8. *Фрейд З.* Общая теория неврозов (1917 [1916–1917]) // *Лекции по введению в психоанализ и новый цикл.* М., 2006. С. 322–340.
9. *Фрейд З.* Об этиологии истерии // *Истерия и страх.* М., 2006. С. 51–83.
10. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия // *Психология бессознательного.* М., 2006. С. 227–291.
11. *Фрейд З.* Торможение, симптом, тревога // *Истерия и страх.* М., 2006. С. 227–310.
12. *Фрейд З.* Фрагмент анализа одного случая истерии // *Истерия и страх.* М., 2006. С. 83–187.
13. *Фрейд З.* Человек Моисей и монотеистическая религия // *Вопросы общества. Происхождение религии.* М., 2008. С. 455–585.
14. *Abram J., and R. D. Hinshelwood* (2018) *The Clinical Paradigms of Melanie Klein and Donald Winnicott: Comparisons and Dialogues.* London: Routledge.
15. *Abram J.* (2021) On Winnicott’s concept of trauma. *Int. J. Psychoanal.*, (102) (4). pp. 778–793.
16. *Bohleber W.* (2010) *Destructiveness, intersubjectivity, and trauma. The identity crisis of modern psychoanalysis.* London: Karkac Books.
17. *Chervet B.* The traumatic and the work of the in Freud’s apres-coup. *Int. J. Psychoanal.*, (102). pp. 765–777.
18. *Eekhoff J.* (2019) *Trauma and primitive mental states. An Object relations perspective.* New York: Routledge.
19. *Greenberg J.* (2019) *Trauma and the metaphor of oppression.* *Int. J. Psychoanal.*, (100) (6). pp. 1144–1153.
20. *Levine H.* *Trauma, process and representation.* *Int. J. Psychoanal.*, (102). pp. 794–807.
21. *Weiss H.* *The conceptualization of trauma in psychoanalysis: an introduction.* *Int. J. Psychoanal.*, (102). pp. 755–764.
22. *Weiss H.* (2020), *Trauma, guilt and reparation. The path from impasse to development.* London: Routledge.

23. Winnicott D. W. (1945) Primitive emotional development. *Int. J. Psychoanal.*, (26). pp. 137–143.
24. Winnicott D. W. (1960) The theory of the parent-infant relationship. *Int. J. Psychoanal.*, (41). pp. 585–595.
25. Winnicott D. W. (1969), The Use of an Object. *Int. J. Psychoanal.*, (50). pp. 711–716.

Concepts of psychic trauma in psychoanalysis: a comparative approach

D. S. Aksenov

Aksenov Dmitrii S., MPsych, psychologist (Higher School of Economics), psychoanalytic counsellor.

The concept of neurosis, associated with the inability to respond to psychic trauma, underlies the psychoanalytic approach. Developing the theory and method further, psychoanalysts of various directions changed the idea of psychic trauma as the cause of problems in the human soul, often so dramatically that the original concept of Freud and Breuer was lost in their complex constructions. However, the conceptual analysis of the reasons why such changes became possible was carried out quite a long time ago. Accordingly, this fact pushes us to the goal of this work: to compile a holistic view of the evolution of views on psychic trauma in psychoanalytic thought, to identify differences on this issue and to identify the key difference in these concepts. To do this, it was necessary to solve the following tasks: to analyze key views on mental trauma by theorists of various areas of psychoanalysis, to make a comparative table of differences in the concepts of mental trauma. Fundamental disagreements of psychoanalysts were established on the most important component of the issue of psychic trauma: who plays the role of a catalyst - the psyche of the subject or external objects. From our point of view, all other differences in concepts come from here. Keywords: psychoanalysis, concepts of psychic trauma, comparative analysis, Freud, Ferenczi, Rank, school of object relations.

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ГРУППОВОЙ ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Психодинамический групповой коучинг

Е. В. Джабар-Заде

Джабар-Заде Екатерина Викторовна – магистр психологии НИУ ВШЭ, организационный психолог, психодинамический организационный консультант и коуч, преподаватель магистерской программы «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член и сертифицированный профессиональный бизнес-коуч Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК). Более 20 лет опыта работы с руководителями первого, среднего и высшего звена, командами, топ-талантами, внутренними тренерами, коучами и экспертами по развитию персонала в крупных российских и международных компаниях.

Любая организация структурирована по принципу ролей и задач, необходимых для достижения поставленных целей. Психологическое состояние людей в организации может выступать серьезным препятствием для полноценной реализации этих ролей и задач, что в конечном счете является угрозой для жизнедеятельности организации. Психодинамический коучинг помогает людям, группам и организациям увидеть и наладить контакт с этой психологической стороной в бизнесе, а именно понять свои переживания и исследовать бессознательные предпосылки, которые влияют на их решения и поведение. Осознавая бессознательные эмоциональные процессы и раскрывая их смысл, люди лучше понимают свои глубинные мотивы, приобретают уверенность в себе, высвобождают энергию и получают возможность осознанно выбирать.

Каждый человек характеризуется миром, в котором он живет, и этот мир представлен разными группами и сообществами. Взаимоотношения ребенка с матерью являются первыми социальными взаимоотношениями, а семья как группа оказывается первой социальной средой, в которой каждый отыскивает свою идентичность. Опыт первичной социализации продолжается в детском саду, школе, высшем учебном заведении и пр. Именно в этих группах человек делает свои выводы о том, как устроен мир, как в нем и с ним строятся отношения, он получает свой опыт лидерства и следования лидерству другого, опыт распределения ролей и пребывания в определенных ролях, которые берутся осознанно и/или в которые он попадает бессознательно.

Поэтому, когда речь идет о развитии навыков межличностного взаимодействия и лидерства, групповой формат работы имеет явное преимущество перед индивидуальным. В каждом запросе клиента на коучинг присутствуют другие люди, и большинство вызовов клиентов лежат именно в сфере межличностного или группового взаимодействия. Потеря уверенности, невозможность взять лидерство, низкая эффективность, сложности коммуникации, выгорание и прочее происходят при наличии важных других, эти важные другие смотрят, думают, делают выводы, формируют отношение, оценивают. Поэтому в группе у каждого есть шанс встретиться со своим вызовом в присутствии другого, «разыграть» этот вызов с другим, получить обратную связь и, самое главное, проникнуть за кулисы другого и узнать, что он на самом деле видит, как к этому относится и почему.

Данная статья будет полезна коучам, которые уже работают в психоаналитическом ключе, но индивидуально и хотят расширить свою практику через работу с группами. Представленный материал также может оказаться актуальным и для опытных специалистов, которые работают в формате группового коучинга, но ищут пути углубления своей практики за счет получения дополнительных знаний в области психологии индивида и групп.

Ключевые слова: коучинг, групповой коучинг, психодинамический коучинг, групповая динамика, организационное развитие.

Групповой коучинг как формат развития

По мере развития коучинговой культуры расширяются границы применения коучинга и его целевая аудитория, к дорогому executive-коучингу присоединяются групповой и командный коучинг.

Групповой коучинг – это способ масштабирования коучинга, вовлекающий больше людей из разных функций и уровней. Когда мы говорим о группе, мы имеем в виду людей, объединенных общим интересом или темой развития. Работа в данной группе направлена на достижение каждым участником индивидуальных целей развития. Например, это может быть группа людей, объединенных темой лидерства или личной эффективности, построением отношений и коммуникацией с другими. Важно понимать, что каждый участник группы будет работать со своим запросом посредством этой группы.

Подобный формат в рамках корпоративной практики часто используется как поддержка лидерских организационных программ развития, но хочется верить, что совсем скоро групповой коучинг займет свое отдельное место в портфеле инструментов развития сотрудников. В отличие от классических тренингов, этот формат работает целенаправленно с запросами и ситуациями участников, помогая им найти свое решение проблемы, понять, как полученные знания на программах могут быть использованы в реальной бизнес-практике. Работая вместе, участники выстраивают конструктивные рабочие альянсы, которые служат хорошей опорой для реализации совместных рабочих задач в будущей реальной бизнес-жизни.

Групповой коучинг может также сопровождать методику обратной связи 360 и психодиагностические инструменты, такие как DISC, MBTI, TMS, Hogan и пр. В таких группах результаты методик формируют запросы и задают направление для работы с вызовом каждого участника.

К преимуществам группового коучинга можно отнести возможность получения интеллектуальной и эмоциональной поддержки, наличие здоровой силы напряжения, мобилизующей к действию, оздоравливающее разнообразие реакций на ту или иную ситуацию, мнений и непосредственный опыт коучинга в процессе взаимного коучинга, развитие коучингового стиля управления.

В индивидуальной практике психоаналитического коучинга коучу важно уметь создавать безопасную рабочую атмосферу, приглашать клиента к исследованию бизнес-контекста, персональных вызовов, своей личной истории, совместно с клиентом определять план действий для развития необходимых в текущей ситуации навыков и качеств. Эта задача всегда сопровождается сопротивлением, клиент одновременно и хочет, и не хочет взаимодействовать со своими вызовами и неприглядными сторонами личности. Групповой коучинг добавляет к описанным выше задачам коуча работу с динамикой группы.

Психодинамический подход в работе с группами

Манфред Кетс де Врис (*Kets de Vries*, 2014) описывает психодинамический подход через четыре предпосылки: 1) за каждым человеческим поступком, даже иррациональным, стоит свое логическое объяснение, и оно связано с бессознательными потребностями и желаниями; 2) большая часть психической жизни – чувства, страхи, мотивы – бессознательна и оказывает существенное влияние на сознательную реальность; 3) именно эмоции окрашивают опыт, влияют на предпочтения и выбор, определяют способ взаимодействия с миром; 4) все мы являемся продуктом нашего прошлого опыта, и этот опыт, включая ранний опыт развития, продолжает влиять на нас на протяжении всей жизни.

Килбург (*Kilburg*, 2004) в своей статье приводит выводы исследования Вестин в виде пяти ключевых постулатов психодинамической теории и наследия Зигмунда Фрейда: 1) большая часть человеческой психической жизни, включая мысли, эмоции и мотивы, бессознательна и может породить необъяснимое для людей поведение; 2) сознательные и бессознательные мысли и чувства появляются одновременно и могут противоречить друг другу в способах реализации, а значит, требуют компромиссных решений; 3) устойчивые модели поведения формируются в детском возрасте и могут существенно влиять на то, как человек строит отношения во взрослом возрасте; 4) стабильные внутренние психические представления о человеческом Я формируются постепенно в детском и подростковом возрасте и влияют на социальные отношения и психологическую симптоматику; 5) развитие личности включает в себя изучение своей эмоциональной, когнитивной и операционной сферы с целью

движения от незрелого и зависимого детского состояния к зрелому и независимому состоянию взрослого.

Фрейд, отец-основатель психоанализа, не работал с группами. Попытки применить принципы психоанализа к ситуации групповой психотерапии начались в 40-х годах прошлого века, вскоре после широкого распространения психоаналитического подхода. Работающие с группами аналитики отмечали, что групповая ситуация стимулирует проявление одних бессознательных процессов и тормозит другие. Исследователи отмечали специфические терапевтические факторы группового процесса, такие как групповая поддержка, взаимные идентификации участников группы, проверка реальности в группе и т. д. Групповая работа открыла принципиально новые возможности для развития человека. Изучение процессов «групповой динамики» привело к построению различных моделей, в которых группа рассматривалась как единая сложноорганизованная система, «группа-как-целое».

В психоаналитически ориентированных подходах к групповой терапии можно выделить три концепции (Притц А., Выкоукаль Э., 2009).

1) Психоанализ (терапия) в группе, где сохраняется диадная модель работы со всеми участниками группы. Аналитик наделен исключительной и полной ответственностью, группа не рассматривается как целостная единица и не используется в качестве инструмента и ресурса для работы. Ценность группы – облегчить формирование переноса¹ и свободных ассоциаций.

2) Психоанализ (терапия) группы, так называемая модель Тависток, где психоаналитическую диаду образует группа (как целостная единица) и психоаналитик. Аналитик занимается исключительно группой как целостной структурой, уделяя особое внимание переносу группы на аналитика. Задача терапевта заключается в интерпретации переноса, формирующегося между группой и аналитиком в ситуации «здесь и сейчас».

3) Психоанализ (терапия) посредством группы, так называемый групп-анализ Фукса. Внимание уделяется всей группе, но дополнительно идет работа с отдельными участниками. Этот подход посредничает между двумя первыми концепциями. Он в равной степени интересуется как динамикой группы в качестве целого организма, так и отдельным участником. Индивид получает терапевтическое лечение, но оно осуществляется посредством группы.

Психодинамический групповой коучинг опирается в своей методологии на последнюю концепцию и предполагает работу по двум направлениям:

¹ «Пациент видит в своем психоаналитике повторение – реинкарнацию – какой-то важной фигуры из своего детства или прошлого и поэтому переносит на него чувства и реакции, которые, безусловно, применялись к этой модели» (Freud, 1940/1949, p. 66). Фрейд говорил, что перенос «превосходит все, что можно оправдать с точки зрения благоразумия или рациональности» (Freud, 1912/1958, p. 100). Перенос – это особая форма проекции, некий паттерн отношений с другими людьми, взятый из прошлого опыта. Прошлое оживает в настоящем и активно пытается влиять на текущие реальные отношения.

1) работу с запросом участника через опыт непосредственного пребывания в группе; 2) работу с запросом участника посредством группы.

Здесь важно отметить, что психодинамический групповой коучинг не является психодинамической терапией, хотя может иметь терапевтический эффект. Психодинамический коучинг, так же как и психодинамическая терапия, имеет дело с эмоциями, работает на выявление слепых зон, защитных реакций, сосредоточен на раскрытии бессознательной логики мышления, а также на использовании в работе переноса клиента и контрпереноса коуча. Однако основное различие заключается в том, что коучинг не занимается лечением психических расстройств или нарушений. Задача коучинга – помочь клиенту решить свой запрос и сформировать свое коучинговое Я, которое останется с ним после работы и будет помогать в анализе рабочих ситуаций. Ключевая идея, лежащая в основе психодинамического коучинга, – это лучшее понимание человеком своего внутреннего мира (*Kilburg, 2004*). Основное внимание в коучинге по-прежнему сосредоточено на вопросах профессиональной эффективности в занимаемой роли, а сам процесс ориентирован на достижение лучших результатов за счет личного развития.

Работа в групповом коучинге задается темой и запросами участников, запросы участников лежат в профессиональной плоскости и соответствуют теме группы, психоаналитический кадр² (сеттинг) процесса определен и понятен, а значит, позволяет создать необходимое переходное пространство.

Работа с запросом участника через его опыт пребывания в динамической группе

Для более глубокого понимания того, что из себя представляет динамическая группа, групповая динамика и опыт, который получает участник в динамической группе, важно обратиться к некоторым концепциям, по большей части групп-аналитическим, позволяющим психодинамическому коучу осмыслять динамический процесс группы в целом и поведение участников непосредственно.

Концепция темоцентрированной группы Руфи Кон (*Cohn, 1970*), психоаналитика и специалиста по групповой психотерапии. Свой метод она описывает как «метод расширения опыта, обладающий чертами интегративных обучающих стратегий, психотерапии и психодинамического тренинга, который можно использовать при обсуждении самых разных тем и решении самых разных групповых задач и проблем» (*Gordon, 1972, p. 104*). Теоретическая основа данной концепции лежит в четырехфакторной модели, которая говорит, что процессы и взаимодействия в группе могут быть описаны четырьмя факторами: 1) «Я» («I») – каждый человек,

² Психоаналитический кадр (рамка) – это определенные ограничения во времени и пространстве, внутри которых происходит фантазийная жизнь интертрансферентного бессознательного, ее наблюдение и аналитическое осмысливание (Россохин А. В., 2021).

2) «Мы» («We») – взаимодействие участников, 3) «Это» («It») – тема, содержание, задачи, которые всех объединили, и 4) «Глобальные факторы» («Globe») – обстоятельства и условия, в которых существует группа, участники. Символ, который Руфи Кон использует для обозначения этой концепции, представляет собой треугольник, заключенный в круг (рис. 1).

Основополагающее в методе – это удержание динамического равновесия между тремя условными вершинами треугольника «Я» – «Мы» – «Это/Тема».

«Я» – это психодинамический процесс конкретного участника в группе, его переживания в конкретной группе при взаимодействии с конкретными участниками и обсуждении конкретной темы.

«Мы» – это групповой динамический процесс, отражающий развитие отношений между участниками и, следовательно, развитие их работоспособности как группы. «Я» – «Мы» – это процесс встречи, где другой человек становится объектом внимания, а значит, является объектом для проекции и переноса³. Другой не только воспринимается, но и должен быть лично принят, например как значимый или конкурент. Вступая в контакт и выстраивая отношения друг с другом, они используют привычные для них способы поведения, поэтому вполне естественно, что эти отношения вызывают у них определенные, зачастую знакомые переживания.

«"Это" – то, что объединяет людей и дает им повод иметь дело с чем-то. "Это" – то, что удерживает группу вместе. <...> "Это" подразумевает всеобъемлющую тему, которую исследует группа» (*Schneider-Landolf M., Spielmann J., and Zitterbarth W., 2014, p. 121*). Модель «Я» – «Это» относится к работе с темой (запросом) каждого участника и связана с анализом и исследованием проблемы участника. «Это» – «Мы» предполагает поиск общего в индивидуальных темах и запросах, при этом сохраняя уникальность запроса и вызова каждого.

Если в работе группы упор делается на «Я» и «Мы», то участники получают преимущественно аффективный опыт. Если же акцент сводится к «Теме», то процесс становится похож на учебный или деловой, когда идет обсуждение задачи в рабочем ключе. Если начинает доминировать какая-то одна из вершин треугольника, то группа приходит в состояние дисбаланса и эффективность коучинговой работы снижается. Поэтому одна из задач коуча – отслеживать динамику и, с одной стороны, «разворачивать» участников к тем или иным утерянным вершинам треугольника, с другой стороны, способствовать исследованию возникшего дисбаланса.

³ Перенос: представляет собой регрессивное воскрешение в контексте группы непродолженных эмоциональных отношений раннего детства, возникает невроз переноса здесь-и-сейчас. Бессознательные конфликты, импульсы влечений, объектные отношения направляются в переносах не только на руководителя, но и на участников группы. Развивается целая сеть взаимодействующих между собой переносов, их глубина зависит от уровня регресса группы (Притц А., Выкоукаль Э., 2009, с. 27).

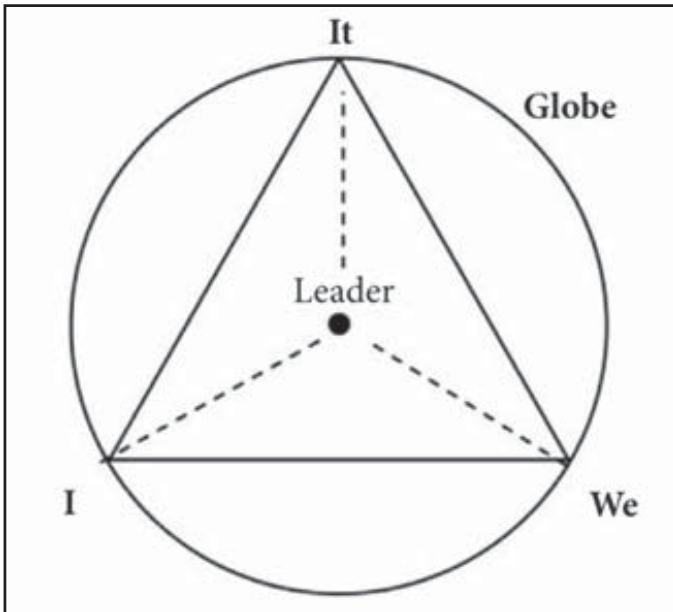

Рис. 1. *Четырехфакторная модель Руфи Кон*

На «Я» участников, и «Мы» группы интересно посмотреть через призму *концепции групповой матрицы*. Понятие «групповая матрица» было предложено З. Фуксом и определялось как фундамент всех отношений и всякой коммуникации, в которых участник оказывается узловым пунктом. Фукс описывает групповую матрицу как «гипотетическую паутину коммуникаций и взаимосвязей в группе; общую и разделяемую всеми основу, которая в конце концов определяет смысл и значимость всех событий и на которую опирается все вербальное и невербальное общение» (Thornton C., 2016, p. 64). Понятие групповой матрицы коренным образом меняет понимание сознания в группе. В процессе взаимодействия между участниками в группе создается новое, разделяемое и совместно созданное групповое сознание. Это означает, что каждый человек в группе является одновременно и самостоятельной личностью, и частью чего-то большего. То, что озвучивается в группе, имеет персональное значение и в то же время потенциально является выражением того, что разделяется всей группой. Такой подход дает новое видение коммуникации в группе. Коммуникация – это не только слова, это все, что происходит в группе (Foulkes, 1973). Важный навык психодинамического коуча – помогать группе наблюдать и исследовать эту коммуникацию во благо группового и индивидуального развития.

Концепция переноса, которая изначально рассматривалась как основное препятствие терапии за короткое время, превратилась в самый мощный фактор психодинамической терапии. «Перенос создает промежуточную область между болезнью и реальной жизнью, через которую возможно осуществление перехода из одного состояния в другое. Это новое состояние принимает все симптомы болезни, но оно как бы представляет искусственно созданную болезнь, во всех проявлениях доступную для врачебного вмешательства» (Бурлачук, 2007, с. 110).

В групповой ситуации возникает множество переносов, и все они влияют на динамики процесса⁴, а эти динамики, в свою очередь, способствуют развитию переносов. В группах существует три направления переноса: 1) перенос на центральную фигуру (ведущего, терапевта, коуча), и это похоже на невроз переноса в психоанализе; 2) перенос на участников группы, которые становятся важными агентами изменений, например, участники группы постоянно замечают друг у друга те недостатки, которые свойственны им самим; 3) перенос на группу, когда участник переживает других участников не как отдельных друг от друга личностей, а как лишенный контуров, диффузный, но мощный доэдипов объект, напоминающий идеализированный образ родителей, почти материнский объект в его различных эдиповых и доэдиповых составляющих (*Schlapobersky, 2016*).

Таким образом, возможность получить опыт пребывания в динамической группе в рамках группового коучинга позволяет каждому участнику группы более осознанно исследовать себя и свое поведение в группе, увидеть взаимосвязь между внутренними переживаниями и выбираемыми способами поведения и взаимодействия, вернуть свои проекции и познакомиться со своими «слепыми» пятнами, увидеть в режиме реального времени, здесь и сейчас, как разыгрывается персональный запрос и оформляется персональный вызов.

Работа с индивидуальным запросом в группе

Групповой коучинг – это коучинг, который организуется для участников, объединенных общей темой развития. В этих группах идут те же динамические процессы, что и в любой другой группе, но в рамках группового коучинга есть шанс исследовать взаимосвязи этих процессов с темой группы и запросами участников. «Коучинг – это не просто разговор, а скорее "разговор с намерением", направленный на поддержку нового осознания и движения к действиям для достижения целей, которые они перед собой поставили. Как правило, групповые коучинговые беседы заканчиваются запросом на коучинг – полевой работой, задачей, позволяющей подтолкнуть подопечного/клиента к новым знаниям и действиям, или вопросом, над которым человек будет размышлять» (Бриттон, 2015, с. 118).

В работе с индивидуальным запросом участника можно использовать разные методы, но, как правило, все эти методы придерживаются единой психоаналитической логики. Основное условие – это четкое следование сеттингу и использование свободных ассоциаций. **Пошаговая методология** группы сфокусирована на одном участнике, представляющем свой кейс.

⁴ Изначально Фукс и Энтони описали эти динамики процесса как специфические для группы факторы. В своей книге Шлапоберский рассматривает заимствованные у Фукса и Энтони резонанс, отзеркаливание, взаимность (обмен), усиление и конденсацию и добавляет валентность Биона (*Schlapobersky, 2016*).

Рассказ участника – с этого начинается работа с индивидуальным кейсом и запросом, участник описывает свою ситуацию и сложность, которая представляет для него интерес. Не всегда эта сложность или запрос на работу формулируются сразу четко и однозначно. Зачастую первая работа с запросом может быть направлена на определение и называние этой сложности. И здесь фраза «признание проблемы – половина успеха в ее разрешении» как нельзя кстати. Рассказ участника группы вызывает отклик у остальных: одних этот рассказ мобилизует, другим он кажется сложным и скучным. При прослушивании истории у участников группы появляются свои воспоминания, чувства, состояния и мысли, которые будут использованы в работе далее.

Услышав историю, участники имеют возможность задать *уточняющие вопросы*. Важно, чтобы вопросы действительно работали на уточнение полученных фактов, а не направляли автора истории к какому-то выводу или содержали в себе фантазии участников.

Возможность для *ассоциаций и чувств* идет следом. Автор ситуации, как правило, не участвует на этом этапе. Если работа идет очно, то его можно попросить отвернуться и просто слушать. Это полезно как автору, так и группе, которая имеет возможность сосредоточиться на задаче ассоциирования и не отвлекается на эмоциональные реакции автора. Исследование бессознательного возможно благодаря методу свободных ассоциаций, приходящих в голову мыслей и фантазий, которые свободно сообщаются и обсуждаются в группе. Ключевая установка, которая дается участникам группы, – «свободно говорите обо всем, что приходит в голову, не взирая на то, насколько абсурдным это может показаться». Техника свободных ассоциаций основана на идее, что мысль человека следует в направлении, которое является для него значимым. Свободные ассоциации на самом деле несвободны, а направляются бессознательным.

После этапа свободного ассоциирования автор ситуации возвращается к группе и *предоставляет обратную связь*. Как правило, участнику всегда полезно услышать обсуждение своей ситуации другими, это не всегда комфортно, но именно в этом здоровом дискомфорте будет лежать задача развития.

Далее, наступает этап полноценного использования силы группы. Автор ситуации на этапе уже способен конкретизировать свой запрос и озвучить конкретный вопрос для группы. *Группа переходит в позицию экспертов*, и каждый по очереди предлагает автору вопроса свой ответ или рекомендацию. После чего автор ситуации благодарит группу за работу и делится тем, что он берет в работу.

Методы, которые придерживаются психоаналитической логики и позволяют работать с индивидуальными запросами: балинтовские группы, action learning группы или группы обучения действию, групп-аналитическая институциональная супервизия. Проективные инструменты, такие, например, как рисунок, метафорические карты, являются инструментами-помощниками на этапах представления кейса и свободного ассоциирования.

На этапе работы с кейсом участника коучу может быть полезна **концепция параллельного процесса**, которая часто используется в психоаналитических супервизиях и позволяет более глубоко понять скрытую часть клиентского материала, представленного супервизантом. «Отслеживание параллелинга в процессе супервизии способствует развитию динамики отношений между супервизором и супервизируемым терапевтом и значительно продвигает последнего в понимании того, что происходит между ним и его клиентом, что, в свою очередь, способствует повышению качества психотерапевтической помощи» (Бусыгина, Силкин, 2015, с. 184). Вот пример этого процесса: один из участников рассказывает историю, группа слушает и поневоле начинает чувствовать динамику этой истории. Чувства героев этой истории начинают проявляться в чувствах и эмоциях членов группы. Так история, пропитанная обесцениванием или завышенными ожиданиями, будет разыграна и в самом обсуждении этой истории. Участники группы будут восторженно говорить о заслугах одних персонажей и недооценивать других или предъявлять к ним определенные, зачастую завышенные, требования. Они могут на какое-то время потерять способность фантазировать и перейти в режим оценочных суждений, детального анализа ситуации, поиска виновных. Когда эти переживания выражаются участниками группы и осознаются посредством группы, это дает рассказчику более глубокое понимание своей истории.

В основе параллельного процесса лежит работа механизмов переноса и контрпереноса, а также проективной идентификации. Применяя концепцию параллельного процесса к коучинговому процессу, можно сказать, что каждый участник, представляя свой запрос и ситуацию, волевым образом предлагает группе своего рода «эмоциональный бульон», слушая и напитываясь которым часть группы начинает идентифицироваться с кем-то или чем-то в этом рассказе, другая часть атаковать то, что появляется в группе, или защищать. Рассказ и предлагаемый вызов оживает и воспроизводится в группе. То же самое происходит и с коучем, если он обладает достаточным уровнем эмпатии. «Клиенты неосознанно выбивают нас из нашей зоны комфорта. <...> Одним из показателей приближения к истинному запросу клиента является неизбежное, возможно, еле заметное возрастание его тревоги, пристрастности, усиление эмоционального фона сессии коучинга <...> Работать с настоящим клиентом в коучинге означает принять вызов настоящего со всем его эмоциональным напряжением в самой коучинговой сессии» (Россохин, 2021, с. 177).

Таким образом, параллельный процесс не только обогащает работу с запросом участника, но и демонстрирует идею о том, как люди переносят отношения, определенные сценарии поведения с одной межличностной ситуации на другую, не осознавая этого.

Роли коуча в групповом коучинге

На разных этапах в зависимости от задач и потребностей группы коучу приходится быть в разных ролях. За основу для определения этих ролей берется тройственное обозначение роли ведущего в групповом анализе Шлапоберского (*Schlapobersky, 2016*).

Коуч как организатор группового процесса. В данной роли он заключает контракт на работу с организацией, группой и конкретными участниками, а также следит за соблюдением этого контракта и находится на границах разных систем. Роль организатора предполагает осуществление динамического администрирования⁵ по нескольким направлениям. Барбара Эллиот (Эллиот, 1995) выделяет четыре направления для динамического администрирования:

1) Действия по отношению к отдельным участникам. По сути это большой этап подготовки, который организуется непосредственно перед групповым коучингом. Так, например, каждый участник группы знакомится с правилами участия в группе, условиями входа в группу и выхода из нее, информируется о добровольном участии, соблюдении конфиденциальности и необходимости иметь запрос. Наличие индивидуальных интервью с каждым участником позволяет исследовать мотивацию участника и его готовность к работе, ожидания, реакцию на условия работы группы, его любопытство к собственной внутренней жизни, способность работать с другими людьми и инвестировать себя и свое время в работу с проблемами других.

2) Действия по отношению к группе. Если это групповой коучинг в организации, то это работа на границах организационной системы и группы. Важно провести соответствующую работу с заказчиком организации. Как правило, это люди, которые платят за коучинг, не являются участниками группы, но имеют свои ожидания от работы. Понять их ожидания, определиться со способом донесения этих ожиданий до участников группы, найти взаимосвязь ожиданий организации с ожиданиями участников группы – все это требует времени и определенных навыков. Ответить на вопрос о составе самой группы, например, в каких иерархических отношениях находятся предполагаемые участники группы, как будет влиять их статус или близкое знакомство на работу этой группы.

3) Действия по организации пространства. Если это очная группа, то это выбор подходящего для коучинговой работы помещения, организация пространства внутри этого помещения (стулья, освещение, температура и пр.). «Здесь идея как бы такая: вы делаете что можете из того, что у вас есть, но при этом восполняете недостатки за счет особого внимания к деталям» (Эллиот, 1995). Детали расстановки и организации пространства будут разными в зависимости от возможностей помещения,

⁵ Фукс З. использовал выражение «динамическое администрирование» для описания действий ведущего, направленных на установление и поддержание группы как целого (Барбара Эллиот, 1995).

но независимо от того, где это все происходит, предельно важно, чтобы никто не мешал и было удобно.

4) Действия, связанные с тем, как ведет себя коуч. Задача коуча – охранять границы, разделяющие группу и внешний мир, участника и группу. Граница между группой и внешним миром образует физическое и психическое пространство группы – «динамическую матрицу» по Фуксу. Работая с группой в организации, коучу непросто быть на этой границе, ведь заказчиком на коучинг выступает организация в лице топ-менеджмента или руководителей отдела, а клиентами являются сотрудники из разных отделов. Все они имеют свою историю отношений, находятся в определенном организационном и культурном контексте, и все это создает определенное напряжение и сопротивление, с которым коучу важно научиться работать. Поэтому на этапе подготовки актуальны вопросы по созданию и поддержанию безопасных условий взаимодействия, например, кто и в какой роли выступает, каковы правила и формат работы (сеттинг), какая задача решается и каким составом, какой информацией коуч может делиться с организацией-заказчиком, а какая информация останется между ним и группой. Чем прозрачнее будет ситуация, тем безопаснее она будет для всех ее участников. Граница между участником и группой очерчивает психическое пространство индивидуума. Следование групповым правилам и нейтральная (профессиональная) позиция коуча по отношению ко всем участникам группы позволяют выдерживать эту границу. Внутренние границы отдельного участника группы – это границы между субъективной и объективной реальностью, сознательным и бессознательным. Находясь в группе, коммуницируя с другими, получая обратную связь, участник имеет возможность исследовать свою субъективную реальность и сопоставлять, отделять ее от объективной реальности.

Коуч в роли участника вносит свой вклад в работу группы, осознавая свои собственные ассоциации и чувства в отношении материала. Группа или материал конкретного участника могут вызывать сонливость, или подавленность, или состояние, при котором нет возможности думать и осмысливать, или же может внезапно возникнуть чувство тревоги без видимой причины, или чрезмерная активность и желание заботы или конкуренции. Находясь в роли участника, коуч должен задаваться вопросами относительно своего состояния и поведения и анализировать, что за этим стоит. Способность коуча отслеживать свою динамику в роли участника реализуется в третьей роли – роли психодинамического коуча.

Коуч в роли психодинамического коуча характеризуется доброжелательной нейтральностью и абстиненцией по отношению к участникам группы, то есть пробужденные импульсы должны быть признаны (например, желание помочь и исцелить), но не реализованы (Притц, Выкоукаль, 2009).

В этой роли коуч создает *переходное пространство*, которое способствует эксперименту, открытости и конфронтации с другими, исследованию себя и окружающей реальности, выработке новых смыслов. С точки зрения Винникотта, жизнь человека может быть представлена трехуровневой моделью: внешняя реальность, внутренняя

реальность и промежуточная зона непосредственного опыта. Переходное пространство – это совершенно особая область, пространство между внешним миром реальности и внутренним миром фантазий каждого человека. Переходное пространство образуется за счет холдинга (от англ. *holding* – «удерживание») и контейнирования – основных навыков поддерживающих профессий, к которым также относится коучинг. Винникотт использует понятие «холдинг», говоря о материнской заботе и поддержке. Именно забота и преданность матери, чутко реагирующей на все нужды ребенка, хорошо понимающей его желания и страхи, является ведущим фактором развития отношений (Winnicott, 1982). Контейнирование тесно связано с понятием «холдинг». Обе идеи относятся к развитию на ранних стадиях, различие – в фокусе внимания: холдинг направлен на все переживания, контейнирование же в большей степени позволяет переработать неприятные эмоции, опыт разочарований и наделить этот опыт смыслом, который адекватен реальности.

Действия коуча, которые, по мнению Кристин Торнтон (Thornton, 2016), позволяют организовать холдинг-среду и контейнер для группы: вносить ясность в понимание того, что есть чувства, мысли и действия; быть толерантным к эмоциям и чувствам участников; развивать толерантность у участников, говоря о том, что все чувства и эмоции являются нормальными и разрешены для проявления; перерабатывать эмоциональные переживания участников в осмысленные составляющие; помогать участникам понимать свои переживания и придавать им определенный смысл, этот процесс помогает группе переносить фрустрацию.

В роли психодинамического коуча происходит анализ множественных переносов и контрпереносных чувств, на базе этого богатого материала выстраиваются и предлагаются группе продвигающие интерпретации. Интерпретация – «содействие превращению чего-либо неосознаваемого в осознанное посредством называния его в тот момент, когда оно стремится вырваться наружу» (Fenichel, 1945, p. 25). Интерпретация не всегда приносит группе и участнику тот самый инсайт и продвижение, порой она вызывает сопротивление. Для правильного использования интерпретаций можно обратиться к некоторым советам Карла Роджерса, которые будут уместны и для работы в формате группового коучинга (Роджерс, 2002, с. 255–256): в любой интерпретации лучше использовать термины и образы самого клиента; всегда лучше иметь дело с установками, которые уже были выражены, интерпретировать скрытые установки весьма опасно; если интерпретация не принимается, то дискуссии вокруг этой интерпретации бесполезны; если был достигнут подлинный инсайт, клиент произвольно старается расширить границы своего внезапного осознания, охватывая новые сферы и области своего бытия. Если ничего подобного не происходит, консультант может быть вполне уверен, что это он, а не клиент достиг инсайта.

Множественные переносы участников можно наблюдать через динамику процесса: взаимность (обмен), резонанс, валентность, отзеркаливание, усиление (конденсация) и сгущение (Schlapobersky, 2016).

1) В группе постоянно происходит обмен информацией, который вызывает у участников разный отклик – от отрицания до взаимопонимания и резонанса внутри группы. Разворачиваясь в когнитивной плоскости, обмен приводит к трансформации эмоциональной ситуации в группе.

2) Резонанс – общее, разделяемое большинством участников чувство или представление, приводящее к более глубокому взаимопониманию, – возникает тогда, когда участники рассказывают друг другу истории и в этих историях они видят цепочку родственных связей.

3) «Валентность» – термин, заимствованный из физики и указывающий на большую или меньшую готовность индивидуума принять участие в деятельности, связанной с базовым допущением. Валентность – это склонность человека неоднократно занимать одну и ту же неформальную роль в группе. Каждый человек обладает валентностью к конкретному базовому допущению: «способностью к мгновенному и непроизвольному объединению одного человека с другим для разделения и взаимодействия на основании базового допущения, будь то зависимость, борьба/бегство или образование пары» (Лоуренс, Бэйн, Голд, 2020, с. 105).

4) Отзеркаливание позволяет участникам видеть свои страхи, конфликты и желания в других членах группы как в зеркале, иначе говоря, распознавать себя в других. Через идентификацию с другими, проекцию своих переживаний, интроекцию и проективную идентификацию человек сталкивается с представлением о самом себе, переживает аспекты своего Я так же, как Я других (Nitsun, 1998). Фукс отводил отзеркаливанию центральное место. Особо важным в этом процессе является то, что распознавание отвергаемого человеком в других и обработка этого на примере многих участников группы эффективны даже тогда, когда он только слушает. Зеркало как объект и метафора показывает позитивные и негативные свойства личности, обеспечивает подтверждение собственной личности, разделяет переживания самого себя и переживания рефлексирующего Я (Thornton, 2016). Отзеркаливание происходит четырьмя способами: а) увидеть, распознать, признать и принять; б) идентификация с чужим опытом, этот аспект зеркального отражения тесно связан с процессом проекции – «это как у меня» или «я чувствую то же самое»; в) видеть себя через взаимодействие с другими в группе, отзеркаливание в этом случае приходит через обратную связь от других участников группы; г) переживание сильных взаимных чувств между членами группы, например сильной симпатии или антипатии, эти чувства являются результатом переноса. Позитивное отзеркаливание в группе будет служить своего рода клеем, негативное отзеркаливание, которое зачастую возникает при а- и б-типе, будет источником разных препятствий, с которыми будет иметь дело группа.

5) Сгущение – процесс накопления и активизации (высвобождения) бессознательного материала в группе через метафоры, ассоциации и символические идеи. Сгущение определяет интенсивность эмоциональной ассоциации, а усиление описывает диапазон распространения.

Наблюдение за всей коммуникацией в группе и вокруг этой группы становится для коуча важным источником получения бессознательной

информации для работы с запросами участников и объединяющей темой группы. Поэтому задача психодинамического коуча достаточно противоречивая: с одной стороны, ему важно способствовать свободно текущей дискуссии и поддерживать необходимый уровень неопределенности, не стремясь доминировать, с другой стороны, нужно придавать форму опыту группы, формировать дискурс через предложение своих интерпретаций.

Завершение

Опыт вторичной социализации человек получает, осваивая профессиональную роль, пребывая в профессиональных группах и выстраивая отношения по вертикали и горизонтали с другими людьми. В профессиональной и бизнес-среде человек продолжает корректировать и развивать свои социальные навыки, исследовать аспекты своего лидерства и следования лидерству других, формировать профессиональную идентичность. Современные организации всячески стремятся помочь своим сотрудникам в решении этих задач, потому что каждая организация нуждается в стабильной и качественной вертикальной и горизонтальной коммуникации, устойчивых лидерах и вовлеченных сотрудниках.

Психодинамический групповой коучинг может стать не только прекрасным дополнением к менеджерским программам развития, чем он сейчас и является, он может занять по праву свое место в портфеле инструментов организационного развития. Преимущество группового коучинга – в синергии, которая возникает за счет комбинации трех составляющих: 1) работа с индивидуальным запросом участника посредством группы и возможность получить палитру взглядов и решений своей проблемы; 2) работа каждого участника над собой, своей эффективностью и запросом на протяжении всей жизни группы через работу с запросами других; 3) опыт непосредственного пребывания в динамической группе, который позволяет каждому участнику исследовать свои переживания в группе и их влияние на поведение и способы взаимодействия с другими людьми. Однако для того, чтобы группа выступила ценным ресурсом для развития, коучу важно понимать, как она функционирует, и уметь использовать это знание во благо группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурлачук Л. Ф. Психотерапия: Учебник для вузов / Авт. Л. Ф. Бурлачук, А. С. Кочарян, М. Е. Жидко. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2007. 480 с.
2. Бусыгина Н. П., Силкин А. И. Параллельный процесс в супервизии: история понятия и объяснительные модели // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 5. С. 182–204.
3. Лоуренс Г. В., Бэйн А., Голд Л. Д. Пять базовых допущений // Журнал «Свободные ассоциации». 1996. Т. 6. Часть 1 (№ 37); Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2020. Т. 1. № 2.

4. *Притц А., Выкоукаль Э.* Групповой психоанализ. Теория – техника – применения / Пер. М. М. Сокольской, научная и общая редакция Д. М. Шанаевой. М.: VERTE, 2009. 504 с.
5. *Роджерс К. Р.* Клиент-центрированная психотерапия // К. Р. Роджерс. М.: Апрель Пресс, Эксмо, 2002. 512 с.
6. *Россохин А. В.* Изменчивая неизменность психоаналитического кадра // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2021. Т. 2. № 3.
7. *Россохин А. В.* Супервизии в коучинге // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2021. Т. 2. № 4.
8. *Эллиот Б.* Стенограмма лекции для вводного курса IGA. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://groupanalysis.narod.ru/elliott2.html> (дата обращения: 19.05.2017).
9. *Cohn R. C.* The theme-centered interactional method: Group therapists as educators / R. C. Cohn // Journal of Group Psychotherapy and Process. 1970. Vol. 2(2). P. 19–36.
10. *Fenichel O.* The psychoanalytic theory of neuroses // O. Fenichel. New York: Norton, 1945.
11. *Foulkes S. H.* The group as matrix of the individual's mental life / S. H. Foulkes, 1973.
12. *Freud S.* An outline of psychoanalysis // S. Freud. New York: Norton, 1949.
13. *Freud S.* Recommendations to physicians practicing psychoanalysis // S. Freud in J. Strachey (Ed. and Trans.). London: Hogarth // M. Gordon. Baltimore: National Educational Press, 1972. 220 p.
14. *Kets de Vries M. F. R. & Cheak A.* Psychodynamic Approach. Faculty & Research Working Paper & INSEAD, Fontainebleau, 2014.
15. *Kilburg R. R.* When Shadows Fall: Using Psychodynamic Approaches in Executive Coaching // Consulting Psychology Journal: Practice and Research. 2004. Vol. 56. №. 4. P. 246–268.
16. *Nitsun M.* The Organizational Mirror: A Group-Analytic Approach to Organizational Consultancy, Part I – Theory // Group Analysis – The Journal of Group-Analytic Psychotherapy. 1998. Vol. 31. № 3. P. 245–267.
17. *Schneider-Landolf M., Spielmann J., and Zitterbarth W.* Handbook of Theme-Centered Interaction (TCI), translated by Joseph Smith. German original edition: Handbuch Themenzentrierte Interaktion (TZI), 3rd ed. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014.
18. *Thornton C.* Group and Team Coaching: The Secret Life of Groups // C. Thornton. Second edition. UK: Routledge, 2016. 304 p.
19. *Schlapobersky J.* From the Couch to the Circle: Group-Analytic Psychotherapy in Practice, 2016.
20. *Winnicott D. W.* Playing and reality // D. W. Winnicott. New York: Tavistock, 1982.

Psychodynamic group coaching

E. V. Dzhabar-Zade

Dzhabar-Zade Ekaterina V., a Master of Psychology at the Higher School of Economics, an organizational psychologist, a psychodynamic organizational consultant, a coach, and a teacher of the Master's program "Psychoanalysis and Psychoanalytic Business Consulting" at the Higher School of Economics, a member of the International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations (ISPSO), a member and a certified professional business coach of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC). Having more than 20 years of experience working with first-line, middle and top-level managers, teams, top talent, internal trainers, coaches, and personnel development experts in large Russian and international companies.

Any organization is structured according to the roles and tasks that are necessary to achieve its goals. The psychological state of people in an organization can become a serious obstacle to the realization of these roles and tasks and can threaten the organization's integrity and viability. Psychodynamic coaching helps people, groups and organizations see and establish contact with this psychological side of business, namely, to understand their experiences and explore the unconscious assumptions that influence their decisions and behavior. Being aware of unconscious emotional processes and revealing their meaning helps people better understand their underlying motives, gain self-confidence, release energy and get the opportunity to choose consciously.

A person is considered to be a socially oriented being in a psychodynamic approach. They are undoubtedly characterized by biological unity, but their fundamental psychological quality is the group. Each person is defined by the world they live in, and this world is represented by different groups and communities. The relationship of a child with its mother is the first social relationship, and a family as a group turns out to be the first social environment where everyone finds their identity. The experience of primary socialization continues in kindergarten, school, sports section, higher education institution, etc. A person makes their conclusions about how the world functions, how relationships are built, they get their experience of leadership and follow the leadership of other people, the experience of distributing roles and staying in certain roles that are taken consciously and/or unconsciously. Therefore, when it comes to developing interpersonal interaction and leadership skills, the group format of work has a clear advantage over the individual one. There are other people in each client's request for coaching, and most of the clients' challenges are about the sphere of interpersonal or group interaction. Loss of confidence, inability to take leadership, low efficiency, communication difficulties, burnout, etc., occur in the presence of important others, these important others look, think, draw conclusions, form an attitude, evaluate. Therefore, in a group, everyone has a chance to meet their challenge in the presence of another person, to test this challenge with another person, to get feedback, and most importantly, to see what's behind the curtain of the other person and find out what he/she really sees, how he/she relates to it and why. This article will be useful for coaches who work in a psychoanalytic way individually and would like to expand their practice through working with groups. The presented material may also be relevant to experienced professionals who work in the format of group coaching, but are looking for ways to deepen their practice by gaining additional knowledge in the field of individual and group psychology.

Keywords: psychodynamic group coaching, group coaching, psychodynamic coaching, group dynamic, organizational development.

Биологическая реакция «Замри» как новая группа базового допущения

Д. С. Одинокова, Е. В. Олесова

Одинокова Дарья Сергеевна – HR-эксперт, психоаналитически ориентированный бизнес-консультант, психодинамический организационный консультант, ментор и коуч; член Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК); магистр психологии (НИУ ВШЭ).

Олесова Екатерина Вячеславовна – психолог, психотерапевт, психоаналитически ориентированный бизнес-консультант; член Совета и сертифицированный коуч Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК), член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO).

Группы базовых допущений, описанные Бионом еще в 1961 году, – это уникальный феномен, позволяющий нам шире взглянуть на взаимодействие людей в реальных или метафорических группах. Однако в большинстве научных работ, посвященной вопросам и проблемам взаимодействия в группе, мы редко видим более трех групп тех времен. Одновременно с этим общество и история не стоят на месте, появляется большое количество триггеров тревог, которые, трансформируясь в коллективное бессознательное, по сути своей должны создавать новые базовые допущения. Так как события последних лет нанесли большой травматический урон обществу, то в свете этих событий особенно актуальным становится изучение новых паттернов поведения в группе. Данная статья предлагает свой взгляд на систематизацию групп базового допущения, феномен рабочей группы и возможность существования нового базового допущения «Замри» (baFr).

Ключевые слова: группа, Бион, рабочая группа, группа базовых допущений.

С рождения до смерти человек является частью общества. Самая известная фраза на этот счет – «Человек по природе – животное общественное» – принадлежит Аристотелю и появляется в его трактате «Политика». В «Персидских письмах» Монтескье развивает эту мысль и говорит, что люди «представляют сами собою целое общество». С момента возникновения социологии как науки вопросом места личности в социуме

занималась целая плеяда ученых. Например, в начале XX века Кули говорит, что личность каждого человека формируется на основе реакций других людей и создается через тесное взаимодействие один-на-один или в первичных семейных и соседских группах. Мелани Кляйн (Кляйн, 1930) развивает данную мысль до первичного контакта младенца с материнской грудью, который в процессе развития переходит в контакт с семейной группой. Динамический подход определяет группу как коллектив людей, который объединен задачей, что создает предпосылки для распределения ролей (Левин, 2001).

Это научное наследие логичным образом отражается в работах Биона (Бюн, 1961), который сделал предположение, что личность не может рассматриваться вне контекста группы, даже если находится в одиночестве: всегда будет проявлять элементы групповой психологии, так как большинство людей проводят значительную часть своей жизни, работая и/или взаимодействуя в группах во имя какого-либо результата. По мнению Биона, члены группы относятся к группе так, как если бы она была материнским телом, подобно тому как ребенок относится к груди у Кляйн (Кляйн, 1955). Бюн утверждает, что группа, в сознании составляющих ее индивидов, слишком близко подходит к очень примитивным фантазиям о содержимом материнского тела. Взрослый должен установить контакт с эмоциональной жизнью своей группы. Эта задача представляется такой же грозной, как отношения с грудью для младенца, и неспособность выполнить требования этой задачи проявляется регрессией: член группы испытывает значительные трудности в выполнении своей задачи «установить контакт с эмоциональной жизнью группы» – непомерная сложность задачи напоминает трудности младенца в установлении контакта с «эмоциональной жизнью» груди – неизбежная неспособность компетентно выполнить эту задачу проявляется в его регрессе (Бюн, 1952).

Когда перед группой встает задача, ожидается, что участники будут работать на благо этой задачи. По мнению Биона (Бюн, 1961), каждая группа, какой бы случайной она ни была, собирается, чтобы что-то сделать. Для одних членов группы – это приятный опыт, для других – мучительное испытание. Однако эмоции могут маскировать ответ на более важный вопрос: достигла ли группа того, ради чего она собралась и что она намеревалась сделать? Достаточно легко произнести фразу «работать в группах», но трудно понять, действительно ли группа «работает» и выполняет свою первичную задачу – задачу, которую учреждение или его часть должны в любое время выполнить, чтобы выжить (Райс, 2014).

Бюн считал, что в момент выполнения группой первичной задачи возможно расщепление: группа функционирует либо через рациональное и достигает рабочей цели, либо через психотическое и достигает специфических личных целей. Таким образом, у Биона основу функционирования группы составляют два различных менталитета: «менталитет рабочей группы» и «менталитет базового предположения» (Бюн, 1961). Эти два термина относятся к двум фундаментальным способам восприятия и мышления и определяют способность членов группы взаимодействовать в рамках цели, ради которой они собрались.

Первый тип был назван Бионом «рабочей группой» (work group, w). «Менталитет рабочей группы» описывает готовность членов группы выдерживать напряжение и разочарование, исходящие от группы, для достижения общих целей. Соответственно, рабочая группа – это группа, которая сформировалась для достижения какой-то цели или первичной задачи путем логического, рационального мышления. Она ставит задачу, осознает, что работа требует сотрудничества и компромисса и что работа приносит разочарование, боль и конфликт. Ее участники вовлечены, активно взаимодействуют, понимают задачу, развивают свой опыт, понимают, к кому за чем обратиться, разграничивают личные процессы и групповые процессы, объединены, мобилизуют ментальную активность высокого уровня на благо членов группы, что демонстрирует зрелость их психических процессов и обычно позволяет сдерживать, трансформировать и организовывать психотические тревоги.

Второй тип называется группой базовых допущений (basic assumption, ba). Если рабочая группа связана с понятием первичной задачи, то группа базовых допущений – с понятием первичного риска и защиты. Деятельность рабочей группы затрудняется, отвлекается, а иногда и поддерживается некоторыми другими видами психической деятельности, которые имеют общий атрибут – мощные эмоциональные побуждения. «Менталитет базового допущения» описывает состояние группы, полностью погруженной в свои собственные эмоции: беспокойство, страх, ненависть, любовь, надежду, гнев, вину, депрессию. По мнению Биона, деятельность рабочей группы обязательно активирует феномен базового допущения, который всегда сосуществует с деятельностью рабочей группы и может стать доминирующим. Если рабочая группа не может или не умеет справляться с явлениями базовых допущений, то ее функции ослабевают под их давлением. В рамках данного феномена группа начинает отклоняться от выполнения рабочей задачи, так как она бросает вызов, несет риск и вызывает тревогу. Группа становится дезорганизованной и эмоционально напряженной. Групповое функционирование меняется: желая осуществить первичную задачу, участники одновременно пытаются эту задачу не осуществлять, так как чувствуют риск, неуверенность и шанс показать свои неприглядные стороны. Любой защитный механизм приводит к тому, что уровень действий или активности сильно снижается – это бессознательный процесс. Например, концепция Л. Хиршхорна (Хиршхорн, 1999) про связь первичной задачи, первичного риска и неспособности справиться с тревогой первичного риска, которая приводит лидеров групп к неспособности в итоге принимать простые очевидные решения и адекватно действовать.

Согласно его видению, риск, с которым необходимо справляться лидеру и команде, приходит с рынка, а базовая задача лидера состоит в контейнировании, в способности контейнировать тревогу, связанную с риском (Хиршхорн, 1999). Если перефразировать, то можно сказать, что рыночные риски проникают внутрь организации и создают угрозу первичной задаче и тревогу, которыми необходимо управлять. И от того, насколько лидер в состоянии справиться с этой тревогой, зависит, спровоцируют

ли они групповые или индивидуальные защитные механизмы, которые в итоге могут быть направлены против выполнения первичной задачи и активировать феномен базовых допущений: группа разовьет социальные защитные механизмы, укоренятся и станут нормой дисфункциональные принципы и практики, которые в свою очередь усилят тревогу еще сильнее.

Бион писал, что базовое допущение – это способ группы не фокусироваться на выполнении первичной задачи здесь и сейчас силами тех, кто есть в группе. Это бессознательная фантазия, активизирующаяся в членах группы, как только группа формируется с какой-либо целью, и заключающаяся в том, что цели группы могут быть легко и непринужденно достигнуты без каких-либо изменений, переговоров или напряжения со стороны участников – без необходимости работать. По сути, этот механизм позволяет группе избегать контакта с реальностью задачи (состав группы, сложные условия, недостаточные ресурсы, угрозы внешней среды) и реальностью своего эмоционального отклика на эту задачу (страх, тревога, неуверенность и т. д.).

Допущение является «базовым», поскольку это общее для всей группы допущение (Бион, 1961) о ее целях, которое укрепляет единство группы и формирует ее дискурс и мировоззрение. Оно также является «базовым» в том смысле, что возникает из первичной мотивации, то есть никогда не исчезающего инстинкта нахождения в группе, реальной и/или интернализированной.

Если описать взаимосвязь между рабочей группой и группой базовых допущений, то, по мнению авторов данной статьи, она может описываться следующей формулой (схема 1).

Схема 1. Формула рабочей группы

$$WG = \frac{1}{\lim_{n \rightarrow \infty} (P1D1 \cdot P1D2 \cdot P1Dn \cdot \dots \cdot PnDn)},$$

где **WG** – рабочая группа; **PD** – примитивные защиты участников группы от тревоги. Например, расщепление, проекция, проективная идентификация, интроективная идентификация, отрицание, идеализация, обесценивание и т. д.; **n** – количество участников в группе и/или количество их примитивных защит.

Так как примитивных защит у каждого члена группы может быть множество, а группа не ограничена по количеству участников, то **n** стремится в бесконечность.

При более детальном рассмотрении можно сделать вывод, что знаменатель дроби – не что иное, как схематическое описание группы базового допущения. Эмоции, страхи и защиты каждого члена группы, взаимодействуя друг с другом, активируют то или иное базовое допущение.

Поскольку в конкретный момент времени группа может находиться только в одном базовом допущении, то и дробь в формуле только одна.

Поэтому можно сделать следующий логичный вывод: состояние рабочей группы обратно пропорционально силе базового допущения, действующего на группу в конкретный момент времени. Или, простым языком, чем сильнее в группе взаимодействие примитивных защит участников, чем быстрее они преобразуются в групповые защиты, тем сильнее конкретное базовое допущение группы и тем дальше группа будет от состояния рабочей группы. Е. Шаповалова в своем анализе организационного развития (Шаповалова, 2017) подтверждает, что при попадании участника в группу его примитивные защиты от тревоги будут только расти.

Наша формула подводит к ключевому выводу – состояние рабочей группы недостижимо. Это некий абстрактный конструкт, аксиома, состояние, к которому группа будет стремиться, но никогда его не достигнет. Потому что, как только в группе будет участник, его примитивные защиты попадают в знаменатель дроби. Следовательно, результат дроби никогда не будет равен единице, но будет вечно стремиться к ней. А значит, и состояние рабочей группы недостижимо, и группа может только вечно к нему стремиться.

Если функционирование в рабочей группе невозможно, то оно происходит в рамках групп базовых допущений, виды которых мы рассмотрим ниже.

Бион при жизни выделил три основные группы базовых допущений. Его последователи продолжили этот список и довели это количество до девяти.

Базовое допущение «зависимости»

Зависимость чаще всего можно увидеть в человеческих отношениях – реальных или воображаемых – между одним лидером и последователем или группой последователей. Нет ничего удивительного в том, что зависимость является центральным переживанием человека, поскольку наша зависимость от других в младенчестве и раннем детстве больше, чем у любого другого биологического вида. При базовом допущении «зависимости» фокус на выполнении первичной задачи и внутреннем взаимодействии людей в ходе ее выполнения замещается фокусом на лидере: группа организует себя таким образом, что создает или ищет лидера, который может полностью удовлетворить ее потребности, и, «переложив все свои заботы на лидера... сидит и ждет, что он решит все их проблемы» (Бион, 1961). Группа впадает в пассивное беспомощное состояние, демонстрирует потерю критического суждения, следует за человеком или идеей, чье руководство и доброта не подвергаются сомнению, или ведет себя так, как будто их лидер всемогущий и способен решить любую проблему. Для группового поведения становятся характерными избегание ответственности и развития, искаженная обратная связь. Любая попытка лидера разделить ответственность и отрицания своей руководящей роли фрустрирует группу. С одной стороны, признание полномочий руководителя

в принятии решений может быть одной из основ упорядоченного, целенаправленного поведения группы сотрудников. С другой, крайним примером может быть массовое самоубийство членов культа по указанию лидера. Более распространенными являются примеры пассивности членов группы, которые продолжают ждать указаний, даже когда ясно, что нужно делать.

В психотерапевтических группах Блон (Блон, 1961) заметил, что, когда в данной группе делались интерпретации относительно ее основного предположения, группа отвергала интерпретацию, становилась фрустрированной и менее структурированной. Если терапевт не выполнял ожидаемую роль, группа выбирала самого больного члена в качестве замены терапевта, и самый серьезный «случай» становился незаменимым лидером группы. Объяснением стало, что члены группы, спровоцированные завистью и конфликтом из-за зависимости, переходят от поиска лидера, который будет полностью заботиться о них и решать все проблемы, к поиску полной противоположности лидера, требующего наибольшей заботы и которого нужно поддерживать, кормить и убаживать, как младенца. Другими словами, группа не только обнаруживает потребность быть ведомой идеализированным, всемогущим лидером, но и может нуждаться в брошенной, беспомощной фигуре, чтобы зависеть от нее.

Для описания ощущений и атмосферы, царящих в группах базовых допущений, предлагаем обратиться к мифологии. Для всех описанных мифов Древней Греции, о которых пойдет речь в данной работе, их героев и исторической терминологии будет использоваться словарь Марча (Марч, 1998). В греческой мифологии олицетворением баД может служить миф об великом Аяксе – греческом герое-полководце, участвовавшем в Троянской войне на стороне царя Менелая и известном своими огромными размерами и силой: Гомер в «Илиаде» пишет, что его рост составлял более 5 метров, а его коленная чашечка была по размеру сравнима с диском для метания. Он был одним из самых грозных греков, сражавшихся под Троей, и считался вторым после Ахиллеса, который был его крестным отцом и завернул в свою львиную шкуру при рождении, что сделало ребенка таким же неуязвимым и оставило только одно слабое место – правую подмышку (по аналогии с пятой Ахилла). Среди прочих достижений Аякс восемь раз сражался с Гектором, величайшим из троянских героев, где победил два раза и шесть раз сразился вничью. Греческая армия не принимала решений об атаке, пока не было известно об исходе сражения, хотя могла бы в это время перебить увлеченных зрелищем врагов. В результате в одной из битв к Аяксу перешел меч Гектора, как символ его лидерства и преимущества над всеми героями Троянской войны. После убийства Ахиллеса Паросом было объявлено, что его доспехи, изготовленные самим богом-кузнецом Гефестом, достанутся величайшему из оставшихся в живых греческих героев. Единственным, кто осмелился поспорить с Аяксом за это звание, был Одиссей: хотя он и признавал, что Аякс был сильнейшим полководцем в греческой армии, Одиссей утверждал, что его хитрость и стратегический ум ценнее для лидера.

Последователи изменили Аяксу и выбрали Одиссея новым главой армии, отдав тому доспехи. Отвергнутый бывший лидер сошел с ума и покончил жизнь самоубийством, бросившись единственным слабым местом – подмышкой – на тот самый меч.

Базовое допущение «парности»

Парность можно увидеть в том, как мы соединяемся с другими в надежде на взаимную поддержку или продолжение рода. Бион рассматривал парность как воплощение «воздуха надежды» (Бион, 1961), то есть веры в то, что у группы действительно есть будущее, каким бы плохим оно ни казалось. Он считал, что основой этого чувства надежды и ожидания является ощущение внутри группы, что пара может вдохновить на создание «чего-то» – спасительной идеи или действия или даже человека, – что поможет им выйти за пределы текущего тупика или трудностей, тем самым спасая их от конфликтов и напряженности, которые могут стать неуправляемыми. Оно способно сдерживать тревоги и неопределенности, что может быть генеративным и очень продуктивным.

При базовом допущении «парности» фокус деятельности смещается в будущее вместо фокуса на здесь и сейчас. Вместо того чтобы заниматься тем, что актуально сегодня, группа фокусируется на потенциальных событиях в будущем, после которых должна будет начаться активная деятельность. Группа создает или ищет лидера, который является чем-то или кем-то еще не рожденным. Его приход обещает спасти их от отчаяния, открыв блестящее будущее, не похожее ни на какое другое, вызванное либо великой идеей, либо обещанием утопии. В каком-то смысле группа впадает в эдиповые фантазии, наполняется интенсивной надеждой и радостным ожиданием грядущего. При этом надежда группы на пару означает, что участники считают, что могут просто пассивно сидеть и ждать, когда придет спасение.

Мне кажется, нет более яркого олицетворения баР в мировом культурном и религиозном наследии, чем Новый Завет и история рождения и жизни Иисуса Христа. Именно с этим образом в том числе связана специализированная рабочая группа для данного базового допущения, о чем пойдет речь в следующей главе.

Базовое допущение «бей-беги»

Борьбу с бегством в жизни можно увидеть в том, как мы противостоям людям или убегаем от них в ситуациях, которые кажутся нам сложными или угрожающими. Борьба и бегство, как правило, доминируют в групповом взаимодействии в ответ на конкуренцию, разногласия или угрозы. Они могут быть реальными или воображаемыми и могут рассматриваться как внутренние или внешние по отношению к группе. Борьба и бегство могут проявляться, когда разные члены группы признают, что они по-разному воспринимают ситуацию. Например, вновь сформированные группы обязательно проходят через фазу разногласий и конфликтов. Это

может быть важной частью процесса обучения, в котором участники понимают не только цель группы и свой потенциал, но и получают больше информации о других членах группы, с которыми им предстоит сотрудничать. Если же борьба и бегство просто жестко противостоят воспринимаемым угрозам или проблемам лоб в лоб, то процесса обучения или развития не происходит. В результате это поведение часто воспринимается как единственно возможное для выживания и становится самоцелью, заменяя собой реальную цель группы.

При базовом допущении «Бей-Беги» вместо фокуса на внутреннем состоянии (располагаемые ресурсы, состав команды, план действий) возникает фокус на внешнем, например, формируется образ внешнего врага. Группа создает или ищет враждебного параноидального лидера, который поддерживает идею о том, что внутри или вне группы есть враг, от которого необходимо защищаться или спасаться (Гринберг, 2018), переходит в параноидальное, агрессивное состояние и заряжается энергией от идеи борьбы, преодоления угрозы или выживания.

Прекрасным олицетворением *baF* являются дошедшие до наших дней древнегреческие истории о спартанцах. Находясь на современной территории греческой Лаконии, Спарта была одним из самых известных городов-государств Древнего мира. Она не только оставила след в наших исторических записях, но и сама ее культура легла в основу современного языка, а слово «спартанский» отражает образ их жизни – простой, базовый, суровый, всегда готовый к отпору врагу. Придя к власти в конце VII века до н. э., пишет Л. Печатнова (Печатнова, 2020), Спарта посвятила себя войне и дипломатии, сознательно пренебрегая гуманизмом, искусством, философией и литературой, и создала самую мощную сухопутную армию эллинского мира. Спартанские солдаты возглавили греческую коалицию во время Греко-персидской войны, став легендарными благодаря героической последней битве при Фермопилах и окончательной победе греков при Платее. Звезда Спарты продолжала расти и в следующем веке: победа над Афинами в длительной Пелопоннесской войне и кратковременная гегемония над всей Грецией и даже над частью Малой Азии. Однако именно постоянные военные действия в сочетании с суровым и иногда бесчеловечным подходом к собственным гражданам привели к ее падению. Лендон в своей книге описывает чрезвычайно жестокую систему воспитания воинов, когда в семь лет спартанского мальчика забирали от матери и воспитывали в казармах под присмотром старших, где их пороли, чтобы привить им уважение и послушание, плохо одевали, чтобы сделать их выносливыми, и морили голодом, чтобы сделать их устойчивыми к голоду (Лендон, 2005). Спартанцы строго тренировались и проходили эту систему обучения до 20 лет, когда им разрешалось вступить в общину и, таким образом, стать полноправными гражданами. Каждый член общины должен был обеспечивать себя определенным количеством продуктов питания и неукоснительно тренироваться. Девушки, хотя и не проходили военную подготовку, должны были тренироваться физически. Это включало бег, борьбу, метание диска и копья, езду на лошадях и вождение повозок. Младенцев обоего пола, которых старейшины Спарты

признавали неполноценными, могли убить. Дискриминационная политика по отношению к больным жителям и слабым детям не позволяла Спарте нести потери, и поэтому одно или два тяжелых поражения подрывали военную мощь Спарты, что в конечном итоге привело к закату этой империи.

Базовое допущение «единства»

В 70-е годы в статье «Лидерство: Личность и группа» П. Турке обосновал свою теорию и добавил четвертое базовое допущение: «единства» или «тождественности» (Basic assumption of Oneness (baO)) – деятельность, в которой члены группы стремятся встретиться во всемогущем союзе, оставляя себе пассивную позицию, и ощущают свое существование, благополучие и целостность только посредством объединения (в единстве) с группой (Турке, 1974). Лидер здесь может выступать в роли той самой кляйнианской всемогущей груди для членов группы и давать им ощущение единства и превосходства над остальными. Время воспринимается как бесконечное, члены группы проваливаются в чувство «океанического единения» и «сохраненной включенности». Решение группой не принимается, пока мнение каждого не сможет быть полностью учтено. Любой участник, у которого есть власть или влияние, отвергается.

Примером из древнегреческой мифологии для баО, на наш взгляд, может являться культ Диониса. Дионис, в греческой религии и мифологии бог плодородия и вина, был одним из самых важных богов Олимпа и был связан с различными религиозными культами. Его изображали в виде бородатого мужчины в полный рост, в виде зверя, а также в виде нежного, женоподобного юноши. Он был сыном Зевса и Семелы, воспитанным нимфами на горе Нис, где изобрел искусство виноделия. Став мужчиной, Дионис странствовал по многим землям, обучая людей культуре виноградной лозы и мистериям своего культа. Его сопровождала свита из сатиров, и нимф. В честь Диониса проводилось множество праздников; наиболее известны Малая, или сельская, Дионисия (в конце декабря), Большая, или городская, Дионисия (в конце весны), Антестерия (в начале весны) и Ленея (зимой). Характерным для него было экстатическое поклонение и впадение в транс ради духовного единения. Женщины принимали в культе самое активное участие. Поклонники через музыку, танцы и питье, а также через поедание плоти и крови жертвенных животных пытались слиться с природой. Считалось, что Дионис не только может освободить и вдохновить человека через вино и экстатическое безумие, но и наделить его непосредственно божественным творчеством. Таким образом, Дионис стал считаться покровителем искусств. Из музыки, пения и танцев на праздниках культа Диониса развилась греческая драма.

Базовое допущение «мне»

В противоположность предыдущему базовому допущению в 1996 году в книге «Свободные ассоциации» Г. Лоуренс, А. Бейн и Л. Гоулд описывают новое допущение, основываясь на опыте тавистокских group relation conferences: «Мне» (Basic assumption of Me-ness (baM) – групповое взаимодействие, которое подчеркивает обособленность каждого участника и противоречит идее «единства». Между членами группы существует неявное, скрытое бессознательное соглашение быть не-группой. Члены группы ведут себя так, как будто группы не существует. При этом базовом допущении индивид находится в группе, только пока группа его ни к чему не принуждает и пока его пребывание там позволяет ему обслуживать личные интересы. Как только это перестает быть возможным, группа перестает быть важной для индивида и он выходит. Г. Лоуренс предполагал, что появление подобного допущения – это ответ на попытки индустриализованного общества принудить индивида к чему-либо.

Древнегреческие ггаи прекрасно иллюстрируют атмосферу baM. Они были седовласыми дочерьми морских богов Форкиса и Кето и сестрами горгон, Ехидны, Сциллы и других морских чудовищ. Их звали Дейно (ужас), Энио (война) и Пемфредо (тревога), ключевой их задачей было охранять месторасположение горгон и других своих родственниц. В мифологии они олицетворяли белую пену моря, которая скрывает тайны и опасности морского берега, например подводные рифы (горгон – др. греч.). Сестры терпеть не могли друг друга, но и покинуть друг друга не могли, так как у них был один глаз и один зуб на троих. Персей украл их во время поисков Медузы Горгоны, заставив ведьм открыть местонахождение их сестры.

Все последующие описываемые базовые допущения пока не получили широкого распространения и признания. Тем не менее их важно описать для целей данной работы.

Базовое допущение «групповой поруки»

В 1997 году Р. Романо представил еще одно базовое допущение: «омерты» или «круговой поруки» (L'assunto di base di omertà, Basic assumption of Conspiracy of Silence (baCoS)). В основе взаимодействия группы лежит потребность сохранить некий секрет, который не должен узнать внешний мир. Причем сам секрет может не существовать в реальности, а быть расплывчатым и нечетким или бессознательным объектом, порождающим определенное эмоциональное состояние группы. Проявлением этого базового допущения в группе является молчание в смысле цензуры, отказа от упоминания, избегания произносить вслух, недоговаривания. Это молчание направлено не против группы, а является патологическим способом защиты: это не атака на контейнер, а сложный способ его сохранения. Когда какой-либо участник покидает группу, то в ней циркулирует ощущение, что человек исчез и никто не знает почему. Хотя на самом

деле группа считает, это лидер группы устранил участника за нарушение договора: если член организации предал омерту, он должен быть уничтожен. Когда новый участник присоединяется к группе, тревожность группы растет, так как новичок бессознательно считается «шпионом». Для принятия в группу может быть необходимо пройти сложный ритуал посвящения. То же касается участников, которые отсутствовали некоторое время, а затем вернулись: они должны пройти процесс признания и подтверждения своей верности секрету. Лидер группы должен оставаться скрытым, никак не выдавать себя и нести на себе функции возмездия по отношению к предателям. Основные эмоции в группе – это подозрение, чувство вины и скрытый гнев.

Иллюстрацию к баCoS нам может дать та же древнегреческая мифология и ее Элевсинские мистерии, которые были ежегодными церемониями посвящения культа Деметры и Персефоны и праздновали возвращение Персефоны из подземного мира на землю живых, что символизирует погребение семян зимой и возрождение на земле растений и жизни весной. Из всех мистерий, отмечавшихся в древнем средиземноморском мире, эти считались самыми важными. Например, Цицерон считал (законы II, XIV, 36), что именно мистерии помогли возвыситься древним Афинам из варварского и дикарского образа жизни до состояния цивилизации, дали их гражданам образованность и утонченность. С его же слов в обряде инициации в мистерии участники познавали начало жизни и обретали силу не только жить счастливо, но и умереть с лучшей надеждой. Обряды, культовые поклонения и верования, гимны и танцы держались в тайне, поскольку считалось, что они объединяют поклоняющегося с богами и содержат обещания божественной силы и наград в загробной жизни.

С 300 года до н. э. Элевсинские мистерии стали общегреческими, единственным требованием для членства было отсутствие убийств и знание греческого языка. К посвящению допускались мужчины, женщины и даже рабы.

В Элевсинских мистериях участвовали четыре категории людей:

- жрецы;
- те, кто достиг просветления и узнал секреты величайших мистерий Деметры;
- проходящие церемонию впервые;
- другие люди, которые уже участвовали хотя бы один раз.

Несмотря на такую широкую распространенность и открытость мистерий, мы до сих пор не знаем, что же на самом деле в них происходило. Только посвященные знали, что содержат священный ларец и калатос – корзина с крышкой. Их содержимое, как и многое другое, связанное с мистериями, до сих пор неизвестно и, вероятно, будет неизвестно всегда, так как это была самая секретная часть мистерий и тем, кто был посвящен, запрещалось когда-либо говорить о событиях, происходивших во время посвящения. Наказанием была смерть.

Базовое допущение «высокомерия»

В 1999 году М. Сарно в рамках своего исследования элементов, которые способствуют идентичности психоаналитика, и защищенного симбиотического пространства между пациентом и аналитиком, выделил два новых базовых допущения: базовое допущение «высокомерия» (L'assunto di base Arrogance, Basic assumption of Arrogance (baA)) и базовое допущение «трусости» (L'assunto di base Cowardice, Basic assumption of Cowardice (baC)).

Первая из них была выделена при исследовании процесса внутри психиатрической лечебницы, при котором группа практикующих врачей считала, что цель оправдывает средства: с пациентами не заключался психоаналитический контракт, средства оказания медицинской помощи были неясными и просто облегчали симптомы, а на отношение к пациенту как к личности не оставалось времени. Цели лечения навязывались в одностороннем порядке, методы лечения не обсуждались с пациентами. Этика переставала лежать в основе клинической практики, независимо от медицинской специальности, а достоинство пациента (вне зависимости от этических, моральных, религиозных и политических границ и пределов) не учитывалось. Вывод исследования был неутешительным: если базовое допущение высокомерия преобладает, это приводит к поклонению и идеологическому возвеличиванию теории (психодинамики, когнитивной терапии и т. д.), что делает клиническую сцену пустынной и отстраненной. Если переложить это исследование с медицинской сцены на общую, то при базовом допущении высокомерия группа нацелена на достижение некоего признанного и разделяемого группой абсолютного «добра» вне зависимости от процесса и «стоимости» его достижения. Лидер группы символически представлен теоретической аксиомой, которую безусловно разделяют все участники. Основными эмоциями являются, с одной стороны, высокомерие и чувство превосходства, а с другой – бессилие и гнев.

Если мы снова обратимся к древнегреческой мифологии, то миф о Прометее может нам служить иллюстрацией baA. Прометей был титаном с даром предвидения и покровителем хитрости, которому было поручено вылепить человечество из глины, что он и сделал с помощью Афины, которая вдохнула в глиняные статуи жизнь. Его попытки улучшить жизнь своих творений любой ценой привели его к конфликту с Зевсом. Сначала он решил хитростью дать людям удивительные таланты, которые сравняли бы их с богами: умение летать, острый нюх, огромную силу, умение отрачивать конечности заново и т. д., но посланец Олимпа Эпимитей передал эти дары животным. Чтобы прокормить и обогреть беспомощных подопечных, Прометей обманом похитил с Олимпа мясо во время пира и подарил его людям, а затем похитил божественный огонь с небес и отнес смертным, спрятав в полем стебле. С одной стороны, он руководствовался самыми лучшими побуждениями – он считал, что жизнь людей должна быть не хуже, чем жизнь богов. С другой – принеся все эти дары, он не научил людей ими пользоваться. Кроме того, в наказание за мятежные действия Зевс приказал создать Пандору (в дальнейшем жену верного

помощника Эпимитея) и все виды человеческих страданий. Прометей же был арестован и привязан к горе, где орел вечно должен был питаться его регенерирующей печенью. Только спустя много лет Геракл освободил старого титана от пыток. У событий мифа есть и другая сторона – когда Прометей выкрадывал огонь, он подбросил на пир на Олимпе то самое золотое яблоко с надписью: «Прекраснейшей», спор из-за которого в дальнейшем привел к Троянской войне.

Базовое допущение «трусости»

Второе выделенное Сарно (Сарно, 1999) допущение представляет противоположный полюс описанного в предыдущем абзаце. Сарно описывает свой контрперенос от наблюдения за такой группой как чувства гипотетического младенца, мать которого, столкнувшись с муками темноты и засыпания, покинула бы сцену и младенца, не гарантируя, что ночь закончится и их разлука будет преодолена.

В рамках исследуемой медицинской группы проявлявшееся допущение характеризовалось атмосферой подозрительности и тревожности, в которой история болезни пациента становилась целью медицинского вмешательства, а не средством его излечения. Врачи искали спасения в регрессе без возможности развития и небрежном отношении к пациентам, что привело к созданию опасной и вредной рабочей среды. Она была похожа на структуру внутреннего мира, описанного Фрейдом в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (Фрейд, 1922), когда он говорит о токсичных шлаках/объектах, препятствующих формированию мысли.

Если переложить это исследование (так же как и предыдущее) с медицинской сцены на общую, то при базовом допущении «трусости» группа будет посвящать свою деятельность расследованиям и постоянным поискам алиби и непреодолимых сложностей для любого проекта, который по определению не будет реализован. Лидер будет представлен теоретическим вредным идеалом, не подходящим по определению к первичной задаче группы. Например, в кейсе Сарно больница была представлена как бизнес-компания с фокусом на эффективности и результативности использования финансирования вместо фокуса на излечении и заботе о пациентах.

Иллюстрацией баС могут, как ни странно, служить похождения бога Зевса и реакция на них богини Геры в Древней Греции. Зевс славился тем, что был систематически и постоянно неверен своей жене, сестре-близнецу Гере, на которой в свою очередь женился исключительно хитростью, так как она ему отказывала. Когда Зевс вместо своей первичной задачи по управлению миром выполнял задачу преследования очередной хорошенькой гречанки и появления на свет нового древнегреческого бога, героя или сверхчеловека, Гере доставались две функции: с одной стороны, придумать оправдание нелюбимому мужу, чтобы защитить свою честь, с другой – преодолеть хитрости Зевса, чтобы выследить и наказать соперницу. При этом Гере же доставались все эмоции, связанные с ненавистью, подозрительностью и тревогой, которые производили эти отношения.

Базовое допущение «несвязности»

Эта теория особо интересна, так как автор не дополняет уже имеющиеся исследования, а как бы противопоставляет свою работу исследованиям Биона. В 2003 году Э. Хоппер первый раз описал в своей статье базовое допущение «несвязности» (Хоппер, 2003): агрегации/массификации (Basic assumption of Incohesion: Aggregation/Massification (ba I: A/M)), которое затем развил в 2009 году. По его мнению, это допущение исходит скорее из социальной, нежели инстинктивной метапсихологии, и предполагает, что беспомощность и страх аннигиляции предшествуют появлению зависти, тем самым подчеркивая важность процесса травматизации. Травмированные люди с примитивными защитами от страха аннигиляции и олицетворяют собой процессы агрегации и массовизации. По мнению Хоппера, понимание процессов протекания данного базового допущения может быть полезно в групповом лечении тревожных пациентов, а также в понимании динамики травмированных социальных систем, начиная с семей и заканчивая организациями и обществами. Он считает все предложенные до него новые базовые допущения несущественными, потому что, на его взгляд, эффективность и результативность рабочих групп проявляется в их социальной *связности*, которая выражается в интеграции их систем взаимодействия, солидарности их нормативных систем и в согласованности их коммуникационных систем, а также во многих других измерениях их организации, таких как групповое мышление, чувства и различные аспекты лидерства. Поэтому его базовое допущение *несвязности* будет являться мостом между психоанализом групп и социологией, так как каждое из трех основных допущений, концептуализированных Бионом, является источником несвязности в группах и группоподобных социальных системах и выражается в биполярной динамике колебания состояния группы между агрегацией и массовизацией (т. е. группа представляет собой либо агрегат, либо массу).

Термины «агрегат» и «масса» взяты Хоппером из ранней социологии и антропологии. Хотя масса кажется более сплоченной, чем агрегат, на самом деле эти две биполярные формы одинаково бессвязны. Они переходящи и неспособны поддерживать совместную работу. Агрегат – это простое социальное образование, которое не является социальной системой, и ее члены практически не соотносятся друг с другом и не имеют никакого осознания себя как членов определенной социальной системы (Хоппер, 2009). Они часто молчат в течение длительных периодов времени и всеми силами не коммуницируют друг с другом, например избегают взглядов. Масса – это социальная система, которая также не является группой. Однако если агрегат характеризуется слишком большой индивидуальностью, то масса характеризуется слишком малой индивидуальностью и растворением в себе. В то время как в агрегате люди избегают взглядов друг друга, в массе они смотрят друг другу в глаза или сосредотачиваются на объекте, который их объединяет. Молчание массы коренится в общем чувстве благоговения и удивления. Люди чувствуют, что они общаются без слов или с помощью лозунгов и жаргона. Хоппер

считает (Хоппер, 2009), что данное допущение происходит от страха аннигиляции и характерных форм защиты от него. Он иллюстрирует процессы этой группы игрой слов: аббревиатура *ba I: A/M* может читаться как «*I am!*» – «Я существую!», что является подтверждением личной идентичности в процессах, при которых ощущается угроза своей идентичности или существованию.

Последовательность процессов группы в данном базовом допущении следующая: сначала группа становится «агрегатом» в ответ на страх уничтожения, проявляющийся в психических процессах деления и фрагментации. Затем, в качестве защиты от тревог, связанных с агрегацией, группа, группа, скорее всего, станет массой в ответ на страх уничтожения, проявляющийся в психических процессах слияния и смешения того, что осталось от «я» с «другим». Процесс перехода от агрегата к массе включает «истерическую» идеализацию ситуации и лидера, идентификацию с ним и самой группой, а также с отдельными ее членами, что приводит к чувству псевдоморали и иллюзиям благополучия. При этом при первом чувстве тревоги и групповой защите от массовизации маятник качается назад, и группа возвращается к агрегации. Таким образом, групповая социальная система, в которой преобладает страх уничтожения, скорее всего, будет характеризоваться колебаниями между агрегацией и массовизацией – биполярными формами несвязности. При этом колебания редко бывают тотальными и полными. Хоппер вводит понятия «субгруппировка», которая характеризует первые фазы перехода от агрегации к массовизации, и «контргруппировка», которая характеризует первую фазу перехода от массовизации обратно к агрегации.

Лидер в *ba I: A/M* выступает в двух ролях: «одиноким волк» на стадии групповой агрегации и «чирлидер – лидер группы поддержки» на стадии групповой массовизации.

Несмотря на то что в своих работах Хоппер (Хоппер, 2003, 2009) подчеркнуто отстраивается от работ Турке и Лоуренса, на наш взгляд, это допущение – не что иное, как комплексное описание и доказательство существования базовых допущений «единства» и «Мне».

С точки зрения древнегреческой мифологии об *ba I: A/M* могут рассказать взаимоотношения олимпийцев с момента сотворения мира до момента установления порядка на Олимпе. Первой богиней, олицетворявшей собой массовое состояние всего сущего в мире, была Евринома. Она создала небо, землю и воду, а также змея Офиона. От их связи появилось яйцо, которое после высидивания лопнуло, и появились все отдельные сущности: горы, деревья, камни, реки, ручьи, насекомые, животные и т. д., которые все были частью мира. Другой версией этого мифа является появление из хаоса богини земли Геи, которая, будучи стадией массовизации и, соответственно, «всем», произвела на свет Урана, который пролил на нее семя в виде дождя. Отчего Гея начала бесконечно плодородить, создавая из себя отдельные сущности-агрегаты мира в виде детей-титанов. Уран видел в титанах угрозу своей власти, поэтому поместил их всех обратно в мать Гею (стадия массовизации из-за страха уничтожения). Во время очередного соития предводитель титанов Кронос изнутри

Геи отсек серпом фаллос Урана и выкинул его в море. После чего все титаны снова высыпали из Геи обратно представлять по отдельности все элементы сущего, а из фаллоса Урана родилась Афродита, способная управлять массами и объединять с помощью любви. История родителей повторяется у Кроноса и его сестры-титанши Реи. Она рождает новых богов-олимпийцев, которые олицетворяют еще более мелкие элементы сущего (например, Посейдон – повелитель моря вместо всей воды (Уран) и океана (титан Океан)), а отец из страха уничтожения их проглатывает и «массовизирует» уже внутри себя. Отдав Кроносу вместо последнего ребенка камень, Рея спасает Зевса, который из страха быть проглоченным отцом рассекает живот отцу (по другой версии – опаивает рвотным лекарством) и помогает заново появиться на свет своим братьям и сестрам – так называемым старшим олимпийцам.

Базовое допущение «замри»

Группа базовых допущений, о которой пойдет речь ниже, является концепцией авторов данной статьи и базируется на публичных реакциях пользователей социальных сетей на стрессовые события. Чтобы говорить о реакции «Замри» в контексте базовых допущений, давайте разберемся в самом понятии и его проявлениях.

В книге «Стресс как внутренняя игра. Как преодолеть жизненные трудности и реализовать свой потенциал» Д. Хортон и Э. Ханзелик исследуют гипотезу о том, что «Бей-беги» не могут быть единственными реакциями на стресс. Они выделяют третью реакцию – реакцию оленя на ослепляющие его фары – «замри». Биологический вид, будь то человек или животное, застывает, парализованный страхом. Давление падает, пульс и дыхание замедляются.

Д. Хортон и Э. Ханзелик (Голви У., Ханзелик Э., Хортон Д., 2019) описывают свою фантазию о возникновении такой реакции на психоэмоциональном уровне: младенец галлюцинирует о наличии в комнате смертельной опасности – монстра, который хочет его съесть. Убежать ребенок физически еще не может, кричать опасно – монстр сразу его найдет. Остается только один выход – замереть, чтобы не заметили. В дальнейшем, при научении ходить, ребенок развивает реакцию «беги», чтобы спрятаться в комнате родителей.

По мнению авторов, уже во взрослом возрасте эта реакция выражается в застревании в неэффективных паттернах поведения, отказе от поиска выхода в трудных ситуациях и от действий, когда они необходимы. Это деструктивный паттерн.

Бланшард, Фланелли и Бланшард (1986) описывают это же поведение у диких и домашних крыс. Причем если дикие крысы, реагируя на отдаленные стимулы, замирали, переходя к вокализации, прыжкам и атакам на более коротких оборонительных дистанциях, то оборонительное поведение лабораторных крыс было значительно снижено в процессе одомашнивания, и они были склонны замирать и на близких дистанциях.

Ройлофс, Хагенаарс и Стинз (2010) пошли дальше в своих исследованиях и доказали, что спонтанная реакция человеческого тела на сигналы социальной, а не физической угроз включает в себя поведение, которое имитирует реакцию замирания у животных. Более того, реакция «замри» на социальную угрозу была выше у пациентов с повышенной тревожностью. То есть чем тревожней был участник, тем сильнее снижались его пульс, давление и частота вдохов. Была найдена прямая корреляция замораживания и тревожных расстройств, таких как посттравматическое стрессовое расстройство и социальная фобия.

К. Ройлофс продолжила свои исследования и в 2017 году пришла к выводу, что «замри» является переходной стадией, которая позволяет организму перегруппироваться и оценить ситуацию перед активным действием: побегом или атакой. Замирание является не пассивным состоянием, а скорее парасимпатическим торможением активной двигательной системы. Ее исследования подтвердили ее гипотезу, что реакция замирания в ответ на социальную угрозу сильнее проявляется у людей с высокой тревожностью, паническими расстройствами, психологическими травмами и расстройством привязанности. На ее взгляд, изучение оборонительных защитных реакций и их нейробиологических основ необходимо для углубления понимания человеческой устойчивости к стрессу и ее взаимосвязи с событиями раннего периода.

Социальная сеть является примером группового взаимодействия, так как любое действие в ней попадает в фокус внимания и отыгрывания подписчиков участника, совершившего действие, и приводит к ответным реакциям в формате проставления оценки посту или комментария на него.

Ниже будут приведены примеры озвучивания реакции «замри», которую обнаруживает у себя тот ли иной участник большой группы в социальной сети.

1. Женщина, более 40 лет, проживает в Тель-Авиве.

Я думаю, что надо составить какую-то петицию, обращение к психотерапевтам. Мы столько лет им платили за то, что они нам рассказывали, что мир базово безопасен, что можно расслабиться и не жить каждую минуту ожиданием беды. Что можно прекратить запасть самое ценное на черный день и постоянно ожидать этого черного дня. Что можно уже расслабиться и начать есть вкусное, носить красивые платья и пить чай из тонкого фарфора. ... И вот что я по этому поводу думаю: ИМЕЙТЕ СОВЕСТЬ! ВЕРНИТЕ ДЕНЬГИ!

2. Женщина, менее 40 лет, проживает в Москве.

То, что я замираю, я осознала на спортивной тренировке, когда мне тяжело было что-то делать, я переставала дышать. И я нашла полную корреляцию с тем, как я реагирую на травмирующие события и на события, от меня вообще не зависящие. Я перестану дышать, замираю, боюсь двинуться, чтобы не стало еще хуже. Сильно раньше это замирание заканчивалось тем, что я просто переставала что-то делать. Сейчас я замираю ненадолго, просто испытываю ужас, дикий страх, но довольно быстро делаю вдох и продолжаю нормально функционировать. Под

«нормально» я имею в виду делать свои ежедневные дела, работать, следить за собой. Но это замирание накрывает меня минут на 10 в день.

3. Мужчина, более 40 лет, проживает в Афинах (пер. с англ.).

Я провел две недели в замирании, ничего не делая... Просто читал новости о пандемии в интернете и смотрел новости о пандемии по телевизору. Мне начала нравиться статистика: инфекции, смертность и т. д. Они пробивали пустоту и омертвление внутри. Каждый день заканчивался одинаково... Ел слишком много и пил слишком много дома в одиночестве... В какой-то момент я решил избегать новостей и больше слушать музыку... Я ел меньше, но пил еще больше.

Затем, примерно через две недели, я был обеспокоен своим положением... Я ограничил время просмотра новостей, начал ежедневно заниматься дома и постепенно заставил себя вернуться к работе, даже из дома...

4. Женщина, менее 40 лет, проживает в Москве.

Если коротко, то до меня относительно поздно докатилось, и первые две недели я была крайне бодра, создавая множество вариантов планов а, б, в, ... ю на работе, в личном тоже активно подбивая запасы и т. д. А вот с третьей недели наступило ранее никогда не испытываемое: я перестала соображать. Вообще. По ощущениям: мозг работал процентов на 20, куда входило «донесла ложку до рта – вот и молодец». Особенно заметно было в рабочей активности, где мой максимум был: открыла файл, смотрю на файл, закрыла файл. Обычно свободный английский превратился в 50% английский, 30% жесты, 20% описание слов через другие, более простые, слова. Крайне пугающее состояние, потому что ощущается натурально как замороженный мозг.

5. Женщина, более 40 лет, проживает в Лондоне.

(НЕ)ВРЕМЯ ЧУВСТВОВАТЬ

Сейчас мы проживаем такого масштаба слом мира, что от количества тревоги, боли, страха, гнева часто единственный уход – в нечувствование. Иногда это единственное спасение, а иногда – вынужденное, потому что к совершенно честной боли прибавляется стыд быть живым.

Женщины это переживают особенно явно – не только благодаря эмпатии, но и социальной роли: обязанности позаботиться обо всех, все предусмотреть, всех удержать на плаву, не пугать детей/мужа/родителей – это состояние «подумай о других» = «не думай о себе». Не чувствуй себя, не бери для себя, не смей хотеть для себя. ... Пусть женщина стойко сносит токсичную среду, недосып, усталость, раздражение, боль, обиду, «не ноя», «не жалуясь» – в защитном онемении. Но удивительное заключается в том, что в этом онемении мы немеем. Замираем. И отрезая от себя одни чувства, отрезаем источник сил – сил, которые нам так нужны именно сейчас, чтобы отстаивать свои ценности, выдерживать удары, быть опорой – не превращаться в ту самую «каменную бабу», о которой писала Людмила Петрановская.

6. Женщина, более 40 лет, проживает в Воронеже.

Почему мы замираем, ужасаемся и триггеримся так сильно?

Когда начинаешь спрашивать конкретного клиента, чего именно он боится, то выясняется очень разное.

Одни боятся ужасного разгула бандитизма. Другие люди в юности вынуждены были жить в огромном количестве ограничений. И чувствуют себя как будто запертыми в тюрьме. ... Кто-то переживал буллинг, особенно если переходил из школы в школу и чувствовал себя чужаком.

Мне кажется, понимание истоков своих страхов и страхов окружающих помогает прийти в себя и перестать прокручивать в голове страшные картинки.

7. Женщина, более 40 лет, проживает в Москве.

Не знаю, что делать с командой. В текущей ситуации наблюдаю на разных командах эффект отрицания – жизнь в розовоединорожье, и вижу, как сильные лидеры находятся в стадии статусу – эмоциональной. Когда харизма леденеет, и они уходят в реактивную реакцию. Эмоции людей – не моя самая сильная составляющая. Хочу помочь им. Но пока не понимаю, как. Ментальность компаний в России про то, что про чувства говорить неудобно. Западная культура открытости она есть история про то, что мы говорим открыто про согласие или несогласие – speak up, но есть еще общестрановая стойкость, «чувства личные могут показать мою слабость, а я же сильный». Один на один можно выводить. Общая часть выглядит как задержали дыхание. Есть вербализация про страх (причем в разных формациях – от того, что боюсь потерять работу, до вселенской истории), дальше только глаголы и про то, что нам нужно сделать, чтобы... спасти, достичь и т. д.

8. Женщина, более 40 лет, проживает в Санкт-Петербурге.

Не знаю я, как жить. Вот прямо сейчас не знаю. Только немного стабилизировалась, села искать киношку под вязание, включила YouTube. Они там на пару с каким-то аналитиком обсуждают, как выжить в случае ядерного удара. Подробно от как падать от вспышки до куда бежать и что брать с собой. И аналитик такой: нуу, это зависит от того, сколько ударов, с какой частотой, на каком расстоянии, как долго – несколько часов или несколько месяцев. Ну и т. д., подробненько так, обстоятельно.

А я сижу в параличе и не могу ничего, потому что какой смысл? Какой смысл что-то вязать, что-то писать, готовить, звонить, зашивать, собираться на работу, если завтра ничего не будет? Хочется отвернуться к стенке и лежать, пока все не закончится.

9. Женщина, более 40 лет, проживает в Москве.

Про замирание знаю из личного опыта. Если я слышу или читаю агрессию на повышенных тонах в свой адрес – у меня столбняк случается: говорить ничего не могу, могу только замереть.

10. Женщина, менее 40 лет, проживает в Курске.

Наверное, первое, что приходит на ум, – это звуки истребителей, новости, рассказы знакомых... и вот я уже замечаю, что все планы растаяли и поблекли, я не хочу выходить из дома, и даже дома хочется лежать под одеялом, замереть и, как в детстве, думать, что если руки, ноги под одеялом, то ничего плохого не случится.

11. Женщина, менее 40 лет, проживает в Москве.

*Если говорить о более буквальном понимании замирания, то у меня од-
нажды вышли из строя ноги. Я сильно хромала и даже ходила с тростью. Было подозрение на рассеянный склероз, но ради эксперимента мне прописали антидепрессанты, и они сработали. В тот момент я должна была принимать важное решение, уйти или остаться, но предпочла замереть. При этом тогда у меня как будто не было возможности проговорить или отыграть и оставалось только соматизировать.*

12. Женщина, менее 40 лет, проживает в Париже.

Я теряю себя, теряю слова, теряю привычки.

Перестала пить горячую воду по утрам, гулять, слушать музыку. ...

Раньше я могла работать с 9 клиентами за день, а потом кормить детей, а потом писать книгу и еще болтать на философские темы. А сейчас могу с 4, а потом держать голову руками и не плакать. Слезы есть. Но их нет. Они застыли. ... Есть уверенность, что справлюсь, что бы ни выбрала дальше. Но нет понимания, зачем.

13. Женщина, менее 40 лет, проживает в Москве.

Не обращайте внимания на несоответствие текста и фото – я случайно стала тут вешать. Ничего снимать сейчас не могу, не хочу. А так «как будто как раньше». Настроение – хуже некуда. Пугает, что к этому начинаешь привыкать ... Любое формальное общение дается с невероятным усилием. Хотя сейчас все с усилием. Читать сложно, кино смотреть тоже неважно. Наверное, надо в этом стараться как-то окуклиться. Попробую варенье сварить из чего-нибудь странного. Как вы держитесь?

Данные высказывания позволяют нам сделать вывод, что реакция «замри» свойственна людям вне зависимости от пола, возраста и места проживания.

Поскольку борьба, бегство и замирание заложены в человеческой психике, они неизбежно присутствуют в любой человеческой группе. Как и у всех животных, хотя и по-разному, они представляют собой первичные реакции выживания перед лицом опасности, тревоги, ненависти, гнева или агрессии. Реакцию замирания можно рассматривать как отдельную психобиологическую реакцию, а можно – как подмножество бегства, а не как отдельное явление: «тихое» бегство, когда человек остается неподвижным, чтобы избежать обнаружения.

Если мы проанализируем публичные высказывания, мы увидим, что описанное состояние замирания не зависит ни от пола, ни от возраста, ни от города и страны проживания. Люди, находясь в агрегированной социальной сети группы, говорят о состоянии, при котором они ощущают:

- отсутствие чувств и эмоций;
- отсутствие физических проявлений эмоций;
- ощущение окаменения и застывания в теле;
- физический отказ некоторых функций тела: паралич, тяжелое дыхание, отказ ног;
- отсутствие желаний;

- потребность сегодня делать запасы на пугающее будущее, но не тратить их на текущие нужды;
- желание не проживать свою жизнь, а куда-то спрятаться;
- снижение когнитивных функций.

Все это совпадает с описанием поведения животных в экстремальных ситуациях, которые предпочитают замереть, пока угроза пройдет мимо. И одновременно с представленными в предыдущем параграфе реакциями людей с повышенной тревожностью на социальные, а не физические угрозы.

Судя по описаниям выше, состояние внутри $baFg$ может быть похоже на $ba I: A/M$ из-за агрегатного состояния. При этом на место страха аннигиляции приходит влечение к смерти. С другой стороны, оно похоже на baM , но вместо устойчивого группового согласия быть не-группой есть стремление найти поддержку в другом и через него «разморозиться».

Если мы обратимся к мифологии Древней Греции, то описать состояние «Замри» лучше всего нам поможет миф о Медузе Горгоне. В современной культуре данный персонаж обычно представлен в виде безжалостного монстра, убивающего взглядом – замораживающего или превращающего жертву в камень. Однако оригинальный древнегреческий миф богат на оттенки. Горгоны изначально были тремя могущественными, крылатыми бессмертными духами-тройняшками по имени Медуза (Медуса), Стенно и Эвриала, которые олицетворяли подводные морские рифы и приходились родными сестрами другим тройняшкам – грайям, которые в первой главе данной работы иллюстрируют базовое допущение «Мне». Из трех сестер Медуза была самой юной и красивой, с золотыми волосами и крыльями. Ее увидел в своих владениях и возжелал бог морей Посейдон. Красавица ему отказала и спряталась в храме Афины, что не помешало старшему олимпийцу войти туда и обесчестить ее. Афина не могла наказать своего дядю за нарушение святости своего святилища, поэтому она наказала Медузу: оторвала крылья, сделала золотые локоны ядовитыми змеями и превратила в смертное чудовище, которое своим взглядом, полным ненависти и горя от несправедливости, замораживало и превращало в камень любого, кто встретится с ней глазами. В греческом мозаичном искусстве ее прекрасное лицо было обвито свернувшимися змеями и украшено парой маленьких крыльев на лбу.

После смерти Медузы из ее мертвого тела родились двое детей: крылатый конь Пегас, символ жизни и славы, и крылатый великан Хрисаор – золотой меч, который иногда считают столпом колосьев, а значит, символом жатвы и урожая.

Этот миф, как ни странно, позволяет нам лучше понять чувства предлагаемого нами $baFg$ – заморозка внутри каждого участника рождается от столкновения с угрозой, горем и несправедливостью. Она заставляет окаменеть внутри и отделиться от других, одновременно находясь с ними в «не-группе» и «не-контакте», как и в сестринском baM . Однако если устранить причину заморозки (Медузу), то на смену ей приходят жизнь и плодородие.

Описание характеристик основных базовых допущений

Базовое допущение (ba)	Защитные механизмы	Симптомы	Эмоциональное состояние группы	Тревоги в группе	Лидер	Миф
Бион, 1961						
«Зависимости» (baD)	Идеализация, избегание ответственности, избегание развития, искаженная обратная связь.	Группа ведет себя как будто их лидер всемогущий, всезнающий и способен магическим образом решить все их проблемы. Либо лидером выступает самый слабый и зависимый, о котором группа должна заботиться.	Беспомощность и благоговение.	Тревога сепарации. Любая попытка лидера разделить ответственность, отрицание руководящей роли – фрустрирует группу.	Социопат, нарцисс, мазохист. Хорошие части индивидов проецируются на выбранного лидера, а плохие – отрицаются. Лидер становится объектом идеализации, богоподобной фигурой, наделенной абсолютной, магической, властью.	Греческий миф о великом Аяксе и его роли в Троянской войне.
«Образованные пары» (baF)	Расщепление, проекция, отрицание, сексуализация.	Участники группы ведут себя так, как если бы они встретились для того, чтобы объединиться и создать что-то новое. Либо ожидают появления и прихода внешнего лидера, которого пока не существует.	Оптимизм и полное надежд ожидание. Вот-вот. Азарг.	Эдипальные тревоги.	Парный лидер, соблазняющий образом будущего. Мессия. Лидер, которого еще нет.	Иисус Христос в Новом Завете.
«Бей-Беги» (baF)	Расщепление, отрицание, отреагирование вовне, проекция, идентификация.	Участники собрались, чтобы при встрече с враждебным внешним объектом либо бороться (разрушать его), либо бежать вслед за лидером. При этом каждый из них менее важен, чем сама группа.	Агрессивность, враждебность и страх. Жалобы на усталость, перенапряжение.	Садистические и маниакальные тревоги.	Истерик, параноик, маньяк. Ожидается, что он будет осознавать угрозы и распознавать врагов, а также побуждать членов группы к храбрости и самопожертвованию. Единично принимает решение об атаке или бегстве.	Спартанцы.
Турке, 1974						
«Единства» (baO)	Идеализация, идентификация, групповая проекция.	Члены группы стремятся встретиться во всемогущем союзе, оставляя себе пассивную позицию, и ощущают свое существование, благополучие и целостность только посредством объединения с группой. Желание раствориться в группе.	Неповторимость, уникальность, групповое всемогущество, вдохновение.	Тревога сепарации.	Лидером выступает сама группа, как символ хорошей материнской груди. Либо лидерскими функциями наделяется провождник к этой груди.	Кульст Диониса.

	Г. Лоуренс, А. Бейн и Л. Гоулд, 1996					
«Мне» (baM)	Расщепление между «я», «мы» и «группой». Избегание ответственности, избегание развития, отрицание.	Между членами группы существует неявное, скрытое бессознательное соглашение быть не-группой. Групповое взаимодействие подчеркивает обособленность каждого участника и противоречит идее «единства».	Тревога, страх, желание «урвать свое».	Тревога слияния и потери собственного «Я».	Каждый член группы ощущает себя лидером своей подгруппы. Общий лидер не существует.	Греческий миф о Грайях.
	Р. Романо, 1997					
«Групповой поруки» (baCoS)	Расщепление, групповая идентификация.	В основе взаимодействия защита секрета от внешнего мира. Цензура, отказ от упоминания, избегание произносить вслух, недоговаривания Для принятия в группу, необходимо пройти сложный ритуал посвящения и доказать свою приверженность секрету.	Поддержка и защита общего секрета, страх, гнев, невозможность личного проявления, подозрение, чувство вины и скрытый гнев.	Тревога раскрытия, потери, мания преследования, страх перед изменениями.	Бессознательный секрет, хранимый группой. Периодически функциями лидера наделяется анонимный «мститель», который уничтожает «предателей» идеи и группы.	Элевсинские мистерии.
	М. Сарно, 1999					
«Высокомерия» (baA)	Расщепление, отрицание, интеллектуализация, обесценивание.	Группа нацелена на достижение некоего признанного и разделяемого группой абсолютного «добра» вне зависимости от процесса и «стоимости» его достижения. Участники внутри группы непогрешимы и уникальны, участники вне группы обесцениваются, их желания, эмоции и цели не признаются. Этика (вне зависимости от этических, моральных, религиозных и политических границ и пределов) не существует.	Высокомерие, надменность, гнев.	Тревога разоблачения. Поменяться с жертвой местами.	Разделяемая группой аксиома либо научный руководитель, представитель, изобретатель или защитник «аксиомы», разделяемой и полезной для всех участников группы.	Греческий миф о Прометее.
«Трусости» (baC)	Регресс, эмоциональное выгорание, замораживание.	Группа посвящает свою деятельность исследованиям и постоянным поискам алиби и непреодолимых сложностей для любого проекта, который по определению не будет реализован. Максимальная защита от подозрений внешнего мира, воспитанная беспомощность. «Лучше я ничего не сделаю, чем сделаю и буду за это наказан».	Усталость, апатия, слабость, отчужденность.	Садистические и маниакальные тревоги	Разделяемая группой аксиома либо научный руководитель, представитель, изобретатель или защитник «аксиомы», которая находится в прямом конфликте с первичной задачей группы.	Отношения греческих высших богов Зевса и Геры.

Э. Хоппер, 2003						
«Несвязности» (ba I: A/M)	Защита от аннигиляции, расщепление, фрагментация, групповая проекция, групповая идентификация.	Группа колеблется между состояниями агрегата (члены практически не соотносятся друг с другом и не имеют никакого осознания себя как членов определенной социальной системы) и массы (члены группы растворяются в ней и в друг друга, не существует отдельных участников). При достижении одного состояния группа сразу начинает переход к другому, фиксации состояния не случается.	На этапе агрегата: фрагментация, заморозка, отчужденность. На этапе массы: растворение, идеализация лидера и группы.	Тревога аннигиляции.	Лидер – «одиноким волком» на стадии групповой агрегации и «чирлидер – лидер группы поддержки» на стадии групповой массовизации.	Появление олимпийских богов.
Одинокова, 2022						
«Замри» (baFr)	Расщепление, избегание развития, регресс, эмоциональное выгорание, замораживание.	Группа с одной стороны разделена на каждого участника в своей оболочке-заморозке, с другой стороны, участники стремятся разделить эту заморозку с другими. Есть ощущение одновременного нахождения в группе и обособленности от нее.	Беспомощность, откладывание на потом, фрагментация, заморозка, отчужденность, потеря контакта с телом, вина, стыд за свою беспомощность.	Влечение к смерти, страх аннигиляции, страх наказания.	Лидер либо создает угрозы, от которых замирает группа, либо лидер – каждый участник для себя в отдельности.	Греческий миф о Медузе Горгоне.

В представленной выше таблице (табл. 1) описаны основные характеристики каждой из описанных групп базового допущения. Первый столбец содержит название и шифр каждого базового предположения, во втором – кратко перечисляются основные примитивные защиты, которые используются каждым членом группы. Третий столбец описывает поведение участников в группе, как оно наблюдается и отыгрывается вовне, как ощущается внутри. Четвертый и пятый столбцы описывают основные эмоции и тревоги, разделяемые членами группы. В шестой колонке приведен лидер каждого допущения, причем он не всегда может быть представлен конкретным членом группы. Седьмой столбец предлагает аналогию с тем или иным мифом. Таблица выстроена в хронологическом порядке от первых допущений, описанных Бионом, до последнего, описанного в данной статье. Важно отметить, что данная таблица является результатом анализа информации, не имеет целью строго зафиксировать любые проявления групп базового допущения в плане индивидуальных/групповых защит, группового опыта, эмоций, тревог и функций лидера, а является общим систематизирующим и описывающим инструментом.

Заключение

Группы базовых допущений – это уникальный феномен, позволяющий нам шире взглянуть на взаимодействие людей в реальных или метафорических группах.

Мы склоняемся к тому, что описанный Бионом феномен рабочей группы – это не более чем описание идеального недостижимого состояния группы, которое невозможно в силу того, что любой человек обладает своим личным набором примитивных защит, которые обязательно проявятся в группе и «вступят» в реакцию с примитивными защитами других участников. В рамках данной статьи была предложена формула рабочей группы, которая подтверждает данную гипотезу.

Можно утверждать, что наша гипотеза, что в последние несколько лет при активации негативных факторов, например влияния пандемии, спецопераций или санкций, люди не справляются с тревогой и могут «замирать», при этом оставаясь частью группы – сообщества своих контактов в рамках социальной сети – подтверждается.

К сожалению, при отсутствии единых критериев для выделения конкретного базового допущения невозможно на сто процентов утверждать о наличии или отсутствии нового отдельного вида. Но можно со стопроцентной уверенностью сказать, что существует еще одна реакция базового допущения – замри, которая ярко проявилась в свете событий последних трех лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Голви У., Ханзелик Э., Хортон Д.* Стресс как внутренняя игра. Как преодолеть жизненные трудности и реализовать свой потенциал / Пер. с англ. О. Медведь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 272 с.
2. *Левин К.* Динамическая психология: Избранные труды / Пер. с нем. и англ. Е. Патяевой, Д. Леонтьева. М.: Смысл, 2001. 572 с.
3. *Лоуренс Г. В., Бэйн А., & Голд Л. Д.* Пять базовых допущений / Пер. с англ. Е. Джабар-Заде Е. // Журнал клинического и прикладного психоанализа, 1(2), 2020. С. 101–127.
4. *Печатнова Л.* История Спарты. Период архаики и классики. Гуманитарная академия, 2020. 640 с.
5. *Шаповалова Е. В.* Психодинамический подход к организационному развитию // Журнал клинического и прикладного психоанализа, 1(1), 2020. С. 126–146.
6. *Bion W. R.* Group Dynamics: A Re-View // The International Journal of Psychoanalysis, 1952, 33. P. 235–247.
7. *Bion W. R.* Experiences in Groups and Other Papers. London: Tavistock Publications, 1961. 198 p.
8. *Blanchard R. J., Flannelly K. J., & Blanchard D. C.* Defensive behaviors of laboratory and wild *Rattus norvegicus* // Journal of Comparative Psychology, 100(2), 1986. P. 101–107.

9. *Felice G., Vita G., Bruni A., Galimberti A., Paoloni G., Andreassi S., Giuliani A.* Group, basic assumptions and complexity science // *Group Analysis*, 52 (4), 2018. P. 1–20.
10. *Freud S.* Beyond the Pleasure Principle (The Standard Edition) / Authorized translation from the second german edition by C.J.M. Hubback. New York: Liveright Publishing Corporation, 1922. 55 p.
11. *Hirschhorn L.* The primary risk / *Human Relations*, 52 (1), 1999. P. 5–24.
12. *Hopper E.* Traumatic Experience in the Unconscious Life of Groups. London: Jessica Kingsley, 2003. 240 p.
13. *Hopper E.* The theory of the basic assumption of incohesion: aggregation/massification or (BA) I:A/M // *British Journal of Psychotherapy*, 25(2), 2009. P. 214–229.
14. *Klein M., Heimann P. & Money-Kyrle R.* (editors). *New Directions in Psychoanalysis*. London: Tavistock Publications, 1955. P. 440–477.
15. *Klein M.* Fruhstadien des Odipuskonfliktes und der Uber-Ich-Bildung, 1930. Paris: *La psychanalyse des enfants*, 1959. 143 p.
16. *Lendon J. E.* *Soldiers and Ghosts: A History of Battle in Classical Antiquity*. Yale University Press, 2005. 481 p.
17. *March J.* *Cassell's Dictionary of Classical Mythology (Greek and Roman)*. London: Cassell & Co, 1998. 831 p.
18. *Rice T. R. & Hoffman L.* Defense Mechanisms and Implicit Emotion Regulation: A Comparison of a Psychodynamic Construct with One from Contemporary Neuroscience // *Journal of the American Psychoanalytic Association*, Volume: 62 issue: 4, 2014. P. 693–708.
19. *Roelofs K., Hageaars M., Stins J.* Facing Freeze: Social Threat Induces Bodily Freeze in Humans // *Psychological Science*, November. 2010. Vol. 21. no. 11. P. 1575–1581.
20. *Roelofs K.* Freeze for action: neurobiological mechanisms in animal and human freezing. Donders Institute for Brain Cognition and Behaviour and Behavioural Science Institute, 2017. P. 372.
21. *Romano R.* L'assunto di base di omertà // In: *IPA Conference on Psychoanalysis*. London: International Psychoanalytic Association, 1997. P. 21–33.
22. *Sarno M.* Contributo psicoanalitico all'etica psichiatrica / *Rivista di Psicoanalisi*, 45(3), 1999. P. 591–599.
23. *Turquet P. M.* Leadership: The individual and the group // In: *Gibbard GS. et al. (eds) The Large Group: Therapy and Dynamics*. San Francisco and London: JosseyBass, 1974. P. 349–371.

Biological Reaction of Freeze as a New Basic Assumption Group (BaFr)

D. S. Odinokova, E. V. Olesova

***Odinokova Daria S.**, HR-expert, psychoanalytically oriented business consultant; psychodynamic organizational consultant, mentor and coach; master of psychology (National Research University «Higher School of Economics»); member of Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC); certified mentor by CCE.*

***Olesova Ekaterina V.**, psychologist, psychotherapist, psychoanalytically oriented business consultant; member Council and certified coach of Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC), member of International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations (ISPSO).*

In 1961 Bion described a unique phenomenon of basic assumption groups, which allowed us to take a broader view of human interaction in real or metaphorical groups. However, since that time we rarely read in the scholarly literature dealing with issues and problems of group interaction about more than these three groups. At the same time, society and history moved forward, a large number of anxiety triggers were emerged, which, when transformed into the collective unconscious, must create new basic assumptions. Since the events of recent years have inflicted great traumatic damage on society, to study of new patterns of behavior in the group becomes particularly relevant in light of these events. This article offers a perspective on the systematization of basic assumption groups, the working group phenomenon, and the possibility of a new basic assumption, «Freeze» (baFr).

Keywords: group, Bion, working group, group of basic assumptions.

ПРИКЛАДНЫЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Психоанализ и интерьер

А. А. Калдина

Калдина Александра Александровна – магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный психотерапевт, интерьерный журналист.

Символы и метафоры, связанные с жилищем, сопутствовали психоанализу буквально с момента его создания: пациентка Брейера Анна О. свое лечение разговорами шутливо называла «очисткой труб». Может быть, стоит более пристально рассмотреть жилище, архитектуру и интерьер с точки зрения психоанализа? В этой статье проводится теоретический анализ психоаналитических работ классиков психоанализа, а также современных психоаналитических работ, в которых содержится информация о взаимосвязи психики человека с его жилищем, архитектурой, бытом, домашней обстановкой и предметами интерьера. Полученная информация и сделанные на ее основе выводы применяются к сведениям о современных представлениях об интерьере, жилище и среде.

В основе статьи лежит мысль, что любые действия, которые индивид совершает со своим жилищем, любые события, которые происходят с местом, где он живет, а также предметы, технологии и стилевые особенности, которые окружают его, имеют свою интерпретацию, которая всегда имеет отношение к тому, что происходит в бессознательном этого индивида.

Ключевые слова: психоанализ, влечение к жизни, влечение к смерти, материнские символы, психосексуальность, материнская утроба, дом, убежище, интерьер, архитектура.

О смысле и значении архитектуры, жилища, пространства и дома в жизни человека и общества уже давно говорят психологи, социологи, философы. Соответствующие работы есть у Гастона Башляра, Жана Бодрийера, Софьи Нартовой-Бочавер и многих других исследователей. Идея о том, что архитектура как часть культуры и искусства может «лечить», начала звучать еще в 2000-х годах. «Архитектура может стать мощным началом в новой форме психоаналитического лечения. Она может стать сценой

для человеческих снов и желаний, выполняя свой собственный виртуальный анализ» (MacCannell, 2005). Тем не менее эта тема по-прежнему считается малоизученной, а в психоанализе внимание ей уделяется только косвенно.

В работах классиков и современников психоанализа речь постоянно идет о пространстве как об участнике процесса или части кадра, при этом под термином «пространство» обычно подразумевается нечто виртуальное, воображаемое. Но физическое пространство, то есть жилище, дом и интерьер анализанда, тоже отражает его бессознательное и колебания в его психической реальности. Так, мы предполагаем, что метафорический язык жилища и его интерьера, который звучит в психоаналитической работе, не только может и должен подвергаться своей специфической интерпретации, но и способен значительно помочь психоаналитику в его работе, давая обширный материал о пациенте/анализанде и создавая дополнительное поле для исследования бессознательного человека.

Жилище как символ противостояния влечений к жизни и влечений к смерти

В статье «О нарциссизме» Фрейд говорит о выборе объекта: по нарциссическому типу мы выбираем самого себя, то, чем были прежде, или то, чем хотели бы быть (Фрейд, 2018в). Можно сказать, что дом – это объект, и в зависимости от жизненного этапа, работы в психоанализе и возраста он становится воплощением нас самих в одном из трех проявлений или даже во всех трех сразу. Даже до создания интерьера мы выбираем определенное жилье, и у каждого из нас свои требования. Мы наполняем свое жилище множеством деталей, которые всегда отражают нас самих в настоящем, прошлом и будущем. В каком-то смысле это происходит психически, но и физически тоже. Дом – это своего рода Идеал-Я, и индивид устраивает его так, как хотел бы устроить сам себя, его дом будет в совершенстве обладать теми качествами и способностями, которых самому индивиду либо не хватает, либо они для него особенно важны. И эти способности можно найти во всем: конкретных комнатах, функциях, стилистических особенностях, мебели и декоре, планировке, расположении, размерах, здании и местности, в которой это здание находится.

В статье «Неудовлетворенность культурой» Фрейд сравнивает психику человека с городом – Римом. Он говорит о том, что в любом городе старые здания со временем разрушаются и им на смену приходят новые, но вы все равно можете обнаружить руины предыдущих поколений или как минимум встретить их упоминания в книгах (Фрейд, 2018б). Не случайно Фрейд назвал именно город: любое строение, тем более целая инфраструктура, – это всегда дело рук человека, его интеллекта и, конечно, бессознательного. И если город – дом для целого народа, то отдельное здание или квартира – дом для отдельного человека или семьи. В течение жизни мы переезжаем из одного места в другое, делаем ремонт, покупаем новую мебель, но в каждом новом интерьере сохраняются наши самые первые ощущения и впечатления, полученные в родительском доме.

И если поначалу мы жили в условиях, созданных для нас нашими объектами, то позже мы сами начинаем создавать условия для себя и своих детей, опираясь на полученный в детстве опыт. А потому в каждом интерьере мы можем разглядеть самое первое жилище владельца или по крайней мере его собственную репрезентацию этого жилища.

Фрейд прекрасно описывал психическую систему в виде жилого пространства (Фрейд, 2020). Он говорил о том, что в передней (предсознательном) «копошатся душевные движения», которые «страж» впускает или не впускает в гостиную, то есть, если перевести с языка метафор на язык реальности, в сознание. Это очень емкое сравнение описывает типичную ситуацию, в которой гостей действительно приглашают именно в гостиную, но, как правило, не пускают в другие комнаты или, по крайней мере, испытывают неловкость, когда гость оказывается в личных пространствах хозяев. Перед приходом гостей личные вещи владельцев дома часто убираются как можно дальше, наводится порядок, скрываются следы «жизни».

В современных интерьерах пространство выстраивается таким образом, чтобы гости или случайные посетители не могли попасть в семейную зону или, по крайней мере, не увидели ничего лишнего и не потревожили тех, кто находится в уединении. Зато в общей зоне, так сказать, в зоне «сознания», все устроено так, чтобы гости чувствовали себя как дома, а владельцы могли не переживать, что покажут гостям что-то лишнее. Но настоящей искренности в столовой или гостиной вы не увидите. Она прячется в ванной комнате, в гардеробе, на туалетном столике и в ящиках рабочего стола, а также под одеялом. И именно туда жители дома стремятся попасть, и именно там они чувствуют себя в безопасности, могут делать, что хотят, – совсем как «душевные движения» в бессознательном. Эту часть дома никто никогда не увидит, мы найдем хозяев только в «сознательной» части, где они всегда аккуратно одеты, хорошо выглядят и улыбаются. Строго говоря, гостиная не удовлетворяет никаких основных потребностей человека, как спальня, кухня и туалет, а служит связующим звеном между индивидом и внешним миром, принимает те части владельца, которыми он готов поделиться для начала со своей семьей, а затем и со всеми остальными.

Возможно, аналитик, слушая рассказы анализанда о его жилище, может сделать выводы о детстве и самого раннем опыте анализанда, о его душевных переживаниях? Можно ли при помощи психоанализа создать «целебный» интерьер или, наоборот, разрушающий? «Известно ведь, что при помощи избавителя от забот можно в любой момент уйти от гнета реальности и найти убежище в собственном мире, где царят лучшие условия для восприятия ощущения» (Фрейд, 2018б, с. 156). Здесь речь идет о наркотиках как о самом легком способе достичь счастья, но наше внимание привлекает в первую очередь слово «убежище». Ведь что наш дом, если ни убежище? В каком-то смысле родной дом – это тоже наркотик, ведь мы всегда туда возвращаемся, нам трудно расставаться надолго, и становится легче, когда мы внутри. И именно дома нас ждут лучшие условия для восприятия ощущений. О тех, кто не может выдерживать

реальность, Фрейд говорит, что они стремятся поменять этот мир на другой, который бы больше соответствовал их желаниям и представлениям (Фрейд, 2018б, с. 160). Таким образом он описывает отшельников и монахов, а в обычной жизни и собственный дом может стать для нас таким безопасным миром. Фрейд утверждает, что каждый человек хоть немного, но хочет справиться с этой реальностью и создать себе волшебный мир, в котором все хорошо. Речь идет в первую очередь о новой психической реальности, но дом и интерьер могут стать для нас физическим представлением этой реальности. Жизненное счастье ищется в наслаждении прекрасным, что, конечно, не спасает от страданий, но может во многом их компенсировать. Получается, что прекрасный интерьер действительно может служить опорой и объектом, позволяя нам отыгрывать свою психическую реальность во вполне осязаемом физическом мире.

Целое государство считается успешным и здоровым, если все отрасли и структуры в нем работают без перебоев и на пользу человека (Фрейд, 2018б). Именно в таком государстве, в таком обществе люди учатся заботиться не только о пользе и практичности. Окна в квартирах украшены цветочными горшками, появляются парки, скверы, клумбы, которые не разрушаются, рождается понятие красоты, то есть чего-то бесполезного, эфемерного, но очень важного для психического равновесия. Мы хотим видеть признаки чистоты и порядка, для нас чистота – это признак культуры, признак здоровья и спокойствия. И хотя в основе существования и жизнедеятельности человека изначально лежит тяга к беспорядку, этот тонкий баланс между порядком и беспорядком как раз показывает уровень психического здоровья человека. Речь идет не только о стране, но и о доме конкретного индивида, где отсутствуют или присутствуют бесполезные вещи, где есть порядок или нет, где уделено или не уделено особое отношение гигиене и чистоте. Именно подобные культурные стремления толкают вперед общество, причем на любом этапе его развития. Даже древние люди около 170 тысяч лет назад старались выбирать оптимальное место для очага в своей пещере. Это помогало, во-первых, эффективно использовать огонь, во-вторых, не задымлять «помещение» (Kedar et al., 2022).

Именно под влиянием культуры появилась наша потребность в сублимации, то есть в переносе наших влечений в творческую среду. Жилище, таким образом, становится настоящей ареной для сублимации, где все наши желания могут быть исполнены без страха и стыда перед обществом. Но, как сказал Фрейд, «культурный человек возможность счастья променял на гарантированную безопасность» (Фрейд, 2018б, с. 199). Дом дарит нам эту безопасность при условии, что мы будем держать себя в культурных рамках и находить культурные способы выражения своих желаний и получения удовольствия, удовлетворения своих потребностей.

Что касается табу, которые обычно выражаются в запретах, то их также можно встретить в современном быту и интерьерах. Эти «запрещения большей частью касаются стремления к наслаждению и свободе» (Фрейд, 2018д, с. 267). Здесь мы можем вспомнить красивый сервиз, который используется только по праздникам, дорогие предметы декора, к которым

нельзя прикасаться, старые и сломанные вещи, которые нельзя чинить и выбрасывать, потому что они «принадлежали бабушке». Все эти предметы имеют сакральный смысл, выразить в словах который иногда просто невозможно. Запреты могут быть более сложными и глубокими: запрет на комфорт и удобство, на современные технологии, на яркие цвета, на эпатаж, на более дорогие предметы интерьера и т. д.

Желание наложить табу передается нам от предков и часто не имеет никакого практического смысла. И если изначально этим табу преследовалась логичная цель, то со временем она забывается следующими поколениями или не осознается. Фрейд приводит на эту тему пример пациентки, для которой было «невозможно» пользоваться предметом обихода, купленным на Оленьей улице, потому что он напоминал ей о бывшей подруге, которая в девичестве носила фамилию Олень (Фрейд, 2018д, с. 275). По аналогии с этим принципом у нас есть одежда для особых случаев, пачка денег в сейфе «на черный день» и куча коробок в кладовке (вдруг пригодится!). Иногда такое отношение к священным предметам принимает крайние формы, выражаясь, например, в собирательстве. Таким образом мы желаем обезопаситься от злых сил и от наказаний «свыше».

Фрейд сравнивает обычаи наложения табу с симптомами невроза навязчивости, говоря о страхе прикосновения, наслаждение от которого оказывается под запретом. Он говорит также об амбивалентности в отношении табу, когда нам больше всего хочется нарушить запрет, но мы страшно этого боимся. В контексте темы этого исследования можно предположить, что дизайн интерьера помогает взглянуть на эту проблему другими глазами и позволяет бессознательно завоевать свою территорию, отказавшись от лишних запретов и табу, которые влекут к смерти.

Каким именно образом мы физически получаем удовольствие или наказание от интерьера? Фрейд говорит о том, что зона глаз дарит нам особенное чувство возбуждения, связанное с красотой, и то же самое нам дарят прикосновения, которые рожают удовольствие, которое нуждается в удовлетворении и требует еще большего удовольствия (Фрейд, 2018а). Прикосновения усиливают удовольствие и возбуждение, которое мы получаем глазами. Если предположить, что интерьер – это объект, причем идеальный объект, то и он тоже может стать причиной удовольствия и желания получить удовлетворение при помощи глаз и при помощи прикосновений руками. О глазах догадаться нетрудно: любое искусство, например живопись, кино или скульптура, в первую очередь дарят нам приятные ощущения на уровне органов чувств, особенно глаз. Что касается тактильности, то не зря картины и музейные экспонаты в галереях защищены стеклом и ограждениями. Все, что прекрасно, нам хочется ощутить как можно полнее и глубже, хочется дотронуться, чтобы получить еще больше удовольствия.

А вот интерьер дарит нам право не только получать удовольствие глазами, но и возможность прикасаться, получать от этого прикосновения удовольствие и делать это так часто, как хочется. Наслаждение вызывает потребность в еще большем наслаждении, а значит, разнообразие в тактильных ощущениях – залог удовольствия. Справедливо это и для интерьера,

и современные производители мебели и интерьерных материалов заботятся о том, чтобы их клиенты могли получить максимум удовольствия от своего интерьера. Один из самых дорогих и известных производителей диванов в мире, итальянский бренд Edra, славится гипертрофированным вниманием к прикосновениям и удовольствию от них. Один из знаковых продуктов бренда – диван дизайнера Франческо Бинфаре под названием *Pack* (см. *рис. 1*). Он представляет собой стилизованную льдину, на которой дремлет белый медведь из нежнейшего экомеха. Получается огромная мягкая игрушка, с которой приятно обниматься.

Фрейд говорит об ощупывании и разглядывании как о фиксации предварительных сексуальных целей (Фрейд, 2018а). Он говорит, что понимание красивого коренится в сексуальном возбуждении. Задержка на этой сексуальной цели помогает нам направить либидо на художественные цели. Конечно, сюда можно отнести все красивое, необычное и привлекательное, в том числе интерьеры, архитектуру, мебель, декор, искусство, ремесло. В современном дизайне интерьеров существует множество маркетинговых ходов и художественных решений, которые цепляют человека и заставляют его желать прикоснуться и смотреть на предмет бесконечно.

Говоря об ощупывании, мы должны упомянуть, что некоторые участки кожи особенно остро реагируют на прикосновение, и особое влияние имеют температурные раздражения. Фрейд говорит, что, зная это, мы поймем терапевтическое действие теплых ванн (Фрейд, 2018а). И действительно, тепло, особенно от прикосновения воды, действует на нас расслабляюще. Ванна, полная воды, – это первая и главная отсылка к тем ощущениям,

Рис. 1. Франческо Бинфаре, *Pack*, Edra

которые мы испытывали, находясь в материнской утробе. Это удовольствие во многих обществах людям приходилось отвергать либо ставить его на последнее место. Так было, например, в Средневековой Англии, где вода считалась главным переносчиком болезней. Это касалось и жителей бывшего советского пространства, а ценность ванной комнаты как полноценного помещения в доме обозначилась буквально в последние десять-двадцать лет.

Ребенку достаточно просто оказаться в воде, чтобы получить удовольствие, но взрослому требуется разнообразие, игра, есть желание превратить удовольствие от теплой воды в своеобразную мастурбацию. Поэтому современная ванная комната становится все больше похожа на игровую комнату для взрослых, где количество возможных впечатлений растет пропорционально появлению новых технологий и фантазии производителей.

Там же Фрейд рассказывает о механических возбуждениях. Он говорит, что ощущения тряски и раскачивания влияют на кожу, мускулатуру и вестибулярный аппарат, о том, что дети стремятся к играм, связанным с раскачиванием и повторением одних и тех же движений (Фрейд, 2018a). Мерное покачивание в материнской утробе, затем на руках и в кроватке трансформируется в большую любовь к качелям и каруселям, затем к поездкам в поезде и машине, а во взрослом возрасте воссоздать эти ощущения в интерьере помогают кресла-качалки, беговые дорожки, маятники часов, душевые струи и т. д. При этом скрипучие качели портят все удовольствие, резкое торможение поезда или автомобиля раздражает, громкий бой часов может напугать. Ведь в материнской утробе такого не было, там всегда был покой и повторялось одно и то же без раздражителей. А вот если однообразие вызывает слишком неприятные ощущения, напряжение, неудовольствие, то это может быть сигналом психотичности. В контексте интерьера это может быть однотонность, порядок, покой, которые вызывают отторжение, в окружении которых очень трудно жить. Так интерьер и становится либо угнетателем психического состояния и заставляет отказываться себе в удовольствии, либо, наоборот, приходит ему на помощь.

Главный и самый приятный способ раскачивания для взрослых – это, конечно, секс. И важнейшей составляющей для секса можно назвать кровать, частую героиню фантазма о первосцене. В культуре и искусстве часто можно встретить упоминания скрипа кровати как главного свидетельства полового акта. Скрипучая кровать часто рождает ассоциации со стыдом, скрытностью, загадкой, неудобный жесткий матрас ассоциируется с дискомфортом во время секса. Чем больше развивается общество, тем больше внимания люди обращают на удобство кровати и уединенность спальни. Если в былые времена сексом занимались на сеновале или на деревянной скамье и даже в присутствии посторонних людей, то теперь нам важно ощущение полной уверенности в безопасности. Теперь помимо физического комфорта важен и психический, и не только обитателей спальни, но и хозяев других комнат и даже соседей за стеной. Современные производители кроватей и матрасов внимательно следят за

этими изменениями в обществе и реагируют на них новыми технологиями.

В последние десятилетия все жесткое, скрипучее и неприятное покидает кровати. Началом новой эры в мире спальни можно назвать 1978 год, когда итальянский бренд Flou представил вниманию публики кровать Nathalie, созданную легендарным дизайнером Вико Маджистретти (см. рис. 2). Это была первая в мире полностью текстильная кровать, она сразу шла в комплекте с матрасом, подушками, одеялом и постельным бельем. Все было уже идеально подобрано, покупателю оставалось только выбрать расцветку. Nathalie до сих пор производит фурор и часто занимает почетное место на мебельных выставках. Можно предположить, что именно такие кровати вызывают у нас ассоциации с материнской утробой, где всегда мягко, ничего не гремит, не скрипит и не мешает, такое ложе кажется абсолютно безопасным, ведь в нем можно «раскачиваться» бесконечно, и никто не помешает получать удовольствие.

Все эти взрослые проявления влечений к жизни и смерти в интерьере, конечно, родом из детства. И замечать их можно гораздо раньше, чем индивид получит свой собственный дом и научится выбирать мебель. Винникотт говорит, что одни люди живут творчески и им это нравится, а другие не могут жить творчески и потому в ценности жизни сомневаются. Он утверждает, что эти различия напрямую связаны «с количеством и качеством опеки и заботы со стороны социального окружения» на ранних этапах жизни (Винникотт, 2017, с. 97). Ребенок заполняет пространство игры продуктами своего творческого воображения (Винникотт, 2017). Физически это пространство можно представить в виде комнаты, а творчество – в виде всего, что ребенок делает в этой комнате. И вот тут стоит

Рис. 2. Вико Маджистретти, *Natalie, Flou*

обратить внимание на комнату и на то, сколько в ней индивидуальности. Традиционно, в кино, например, и часто в реальности, комната ребенка полна игрушек, а комната подростка – одежды, украшений, книг, плакатов, там могут быть спортивные снаряды, музыкальные инструменты, фотографии, декор. Все эти вещи можно называть переходными объектами, которые помогают пережить сепарацию от родителей. Если же комната ребенка или подростка не выделяется из общего интерьера, то это должно вызывать тревогу. Винникотт говорит, что это происходит в ситуациях, когда нарушена надежность окружения. И, скорее всего, это было сделано еще на ранних стадиях развития ребенка, когда его пространство на самом деле никакое не его. Винникотт говорит, что такое пространство заполняется, но вкладывать в него будет кто-то другой, а не сам ребенок. Это пространство становится ребенку чужим. Винникотт, конечно, в первую очередь рассуждает о психическом пространстве, но его рассуждения отлично вписываются в тему нашего исследования. Вот почему в том числе мы интересуемся тем, была ли у анализанда своя комната или ему приходилось делить пространство, не мешал ли ему кто-то «играть». У взрослых анализандов их интерьеры часто тоже остаются безликими, как будто их оформлял кто-то другой. Это наводит на мысли о формировании ложного Я и о том, что аналитику придется долго создавать вместе с анализандом новое пространство для игры, прежде всего психическое, но начать можно и с физического. Сразу болезненной кажется ситуация, когда у ребенка в латентном и подростковом периоде не было возможности проявить творческие способности в своей комнате. Когда родители вторгаются в комнату без стука или разрешения, заходят туда в отсутствие ребенка, заглядывают в шкафы и ящики, запрещают изменять комнату, убирать из нее или добавлять в нее предметы.

Таким образом, ребенок лишается переходных объектов, надежных объектов, которые научили бы его творчеству, общению, чувству опоры и надежности, уверенности в себе, а главное – сепарации. Винникотт считал, что дети, разрыв с объектом которых в самом раннем возрасте прошел болезненно, становятся «депривированными» и вообще не могут играть. Более того, все чужое, что помещается в пространство ребенка, воспринимается им как угроза или наказание. То есть если комната или просто пространство ребенка подчинены ему и его творческим порывам, то бессознательное получает свою свободу, активизируются влечения к жизни. А если комнатой и оформлением интерьера занимаются родители, то перевес остается на стороне Сверх-Я, активизируются влечение к смерти и ощущение угрозы.

В результате оказывается, что взрослый человек живет в доме, который представляет для него угрозу. Как будто сам индивид – угроза для себя. Он никогда не ответит на вопросы о том, как и зачем он выбрал те предметы, которые есть у него в интерьере. В обстановке никогда не будет ничего яркого, модного, привлекающего внимание. Здесь будет все только практичное, полезное, купленное недорого или вообще выбранное другим человеком. Этот индивид не ездит прогуляться по магазинам, чтобы купить что-то ненужное, ему неинтересно, как устроены интерьеры

других людей, он не обращает внимания ни на красоту своего дома, ни даже на комфорт. А это приводит к тому, что качественно удовлетворять свои потребности он у себя дома тоже не может, а значит, не может получать удовольствие. Как правило, таких людей вообще удивляет, что они могут иметь свое пространство и что-то в нем устраивать. Ограничения во всем не доставляют им неудобств и даже приносят некое подобие удовольствия, ощущение собственной «реальности». Бенно Розенберг объяснял это так: «Именно потому, что принцип удовольствия включает в себя мазохистическое удовольствие, принцип удовольствия может трансформироваться в принцип реальности» (Розенберг, 2018, с. 90). Красивые вещи для интерьера могут их испугать, но со временем могут производить терапевтический эффект, так же как в анализе, когда анализанд в какой-то момент начинает понимать, что ему «можно». Одновременно с тем как обстановка дома у анализанда начинает принимать очертания индивидуальности, он начинает активнее ассоциировать. Чем сильнее алекситимия анализанда, тем заметнее его трансформация и переход от замерзшего состояния к состоянию продуцирующему. И только встретившись в этом пространстве с материнским объектом, он сможет пройти с ним здоровую сепарацию. Рядом с безопасным физическим жилищем может появиться безопасное психическое жилище, и бессознательное, изгнанное из дома, вернется, чтобы восстановить способность мечтать и творить (Howard, 2019).

Говоря об объектах, которые учатся использовать в течение терапии или уже умеют использовать пациенты, Винникотт называет и их дома (Винникотт, 2017). Получается, что не все и не всегда умеют использовать объекты, среди которых дом, и можно предположить, что пациент, прошедший анализ или психотерапию, в какой-то момент захочет обустроить свой дом, сделать ремонт или просто внести изменения и, может быть, даже переехать в новое жилье. Начиная анализ с новым пациентом, мы можем ожидать, что постепенные изменения в его психике будут экстраполироваться на его окружение в будущем.

В интерьерном дизайне вообще всегда стоит вопрос о будущем и о том, чтобы заглянуть в интерьеры на 10–20–50 лет вперед, что неудивительно. Через дизайн интерьеров общество пытается увидеть себя и отразиться в глазах матери, глобально все интерьеры мира – это дети одной матери, имя которой – архитектура.

Жилище как символ материнской утробы и матери

Материнская утроба – это убежище и самый первый дом каждого человека. Находясь дома, мы будто бы возвращаемся в мать, где нам тепло, уютно и комфортно находиться. Если наш дом – это материнская утроба, то мы будем стараться повторить те ощущения, что получали еще до рождения, а также те, что были получены в раннем детстве уже в доме родителей при участии объектов, бытовых предметов, предметов мебели и окружения в целом. Входят в этот список и первые физические ощущения.

«Механическое сотрясение должно быть признано одним из источников сексуального возбуждения» (Фрейд, 2018г, с. 48). В качестве примера Фрейд приводит езду по железной дороге. Первые подобные ощущения в жизни индивида относятся к качанию на руках матери или в колыбельке, а еще раньше в материнской утробе. Призванное успокоить и усыпить ребенка, оно очевидно вызывало огромное удовольствие и наступление сна, его можно приравнять к ощущениям сразу после оргазма, когда тело и разум полностью расслабляются. Сегодняшняя спальня по-прежнему остается для нас вместительным местом сна и удовольствия, напряжения и раскачивания во время секса и засыпания после него.

Выбирая оформление и обстановку спальни, мы стремимся создать ту же атмосферу, что была у нас в младенчестве. У нас остаются воспоминания о тактильных ощущениях, о цвете и свете окружения, разумеется на бессознательном уровне. В мире дизайна существует негласная тенденция, к которой стремится большинство заказчиков, – пастельные тона в той части интерьера, где предполагают отдыхать. Отчасти это может быть связано с типичной обстановкой детской комнаты, а отчасти с тем, что в младенчестве цвета еще плохо различаются и общая картинка воспринимается смягченной, даже если окружение было не пастельным. Возможно, очень яркая или черная спальня говорит о том, что в период жизни с рождения до года младенцу приходилось слишком сильно напрягаться и перевозбуждаться и, чтобы заснуть, ему и его матери приходилось прилагать большие усилия. Кажется, при таких условиях индивид выберет не только кричащие цвета в спальне, но и в целом экстравагантную обстановку в своем доме, а его образ жизни будет далек от размеренного. Ведь именно при таких условиях он способен получить оргазм и уснуть, это залог его удовольствия.

Мы знаем, что ребенок стремится повторять любые переживания, чтобы овладеть ими (Фрейд, 2018). Перечитывает одну и ту же сказку, играет в одну и ту же игру. Но для взрослого новизна является условием наслаждения. Взрослый человек, повторяя вокруг самую первую в своей жизни обстановку, создает идеальную фантазию. Может быть, поэтому нам бывает трудно уснуть в незнакомом месте? И может быть, способность хорошо спать и высыпаться вне своей спальни можно считать сдвигом с мертвой точки. Спальня, превращенная в алтарь для младенческих воспоминаний, сразу бросается в глаза, она всегда полна неожиданных деталей, не принятых в обществе, и кажется чем-то вроде игровой комнаты для бессознательного. В качестве примера можно привести случай, когда индивид предпочитает спать на полу в комнате без мебели и освещения. Это попытка достичь старого удовольствия новым путем. И каждая следующая будет сложнее и оригинальнее, но будет приводить к одному и тому же результату. Знаменитый финский архитектор Алвар Аалто говорил: «Конечная цель архитектора – создать рай. Каждый дом, каждый продукт архитектуры должен быть плодом нашего стремления построить земной рай для людей».

Во «Введении в психоанализ» Фрейд дает описание сна, называя его «потерей интереса к миру» (Фрейд, 2020, с. 104). Засыпая, мы пытаемся

воссоздать то блаженное состояние, в котором находились первые девять месяцев своего существования в утробе матери. Фрейд сводит это состояние к трем словам: «тепло, темно, и ничего не раздражает». И каждое утро мы рождаемся, чтобы снова «увидеть свет», то есть разыграть момент своего рождения. Поскольку засыпаем мы для того, чтобы излечиться от состояния возбуждения и раздражения, чтобы снова почувствовать интерес к миру, очень важно, чтобы обстановка во время сна не раздражала (Фрейд, 2020). Фрейд говорит, что «сновидение является реакцией организма на мешающее сну раздражение». Вот почему сознательно мы считаем идеальной ночь, когда нам ничего не снилось и мы испытывали полный покой восемь часов подряд. Хотя фактически именно сны помогают нам обрести этот покой и не просыпаться от каждого шороха. Выходит, для идеального сна спальня должна быть своеобразным «коконом», идеально повторяющим обстановку в утробе матери. Французский дизайнер Фабрис Жуан это подтверждает: «Сегодня побеждают округлые, гибкие, органические формы. Они одеты в тактильные материалы и мягкий текстиль – люди хотят чувствовать себя защищенными, заключенными в кокон».

Можно предположить, что идеальная спальня по Фрейду – это помещение не очень больших размеров, в котором главное место занимает кровать с удобным матрасом и постельным бельем, окна которой выходят на солнечную сторону, чтобы каждое утро «видеть свет», в которой используются преимущественно пастельные тона, плавные формы, теплые на ощупь материалы и матовые поверхности. В этой спальне должна быть хорошая шумоизоляция, и эта комната должна находиться максимально далеко от других помещений, чтобы в нее не проникали посторонние звуки и запахи и чтобы доступ в нее был затруднен для гостей и других членов семьи. Если взглянуть на современные проекты архитекторов и дизайнеров, то спальни они всегда оформляют и располагают именно по таким принципам. Но чаще всего мы оформляем интерьеры без помощи профессионала, иногда делаем ремонт своими руками или снимаем квартиру, которую оформлял кто-то другой, и получаем совершенно чужой интерьер. Тогда нам приходится наполнять его теми символами, которые нам доступны.

К тому же «идеальный» интерьер предполагает «идеальные» условия пребывания в утробе матери и вне ее в первые годы жизни, а это почти невозможно. Можно предположить, что любые отклонения от этого условного идеала обязательно найдут свое отражение в дизайне интерьера. В любом жилище будут присутствовать раздражители и вообще особенности, которые привлекают наибольшее внимание. Кому-то вообще не нужна удобная кровать, кто-то спит в гостиной на диване, кто-то не может спать в одиночку, а кого-то ничуть не смущают громкие звуки, запахи, холод, жара, свет и так далее. Можно сделать вывод, что если некий очевидный раздражитель не мешает нам спать, значит, он присутствовал в нашей материнской утробе и, конечно, влияет на наше существование, не только в спальне. Отто Ранк говорит, что одно из важных свидетельств того, что травма рождения преследует нас всю

жизнь, – это то, что половину жизни мы проводим во сне, то есть в состоянии младенца в утробе (Ранк, 2019). Там же Ранк уточняет, что все неприятные физические ощущения, которые проявляются во сне, – это всегда отсылки к ощущениям, которые мы испытывали в утробе или покидая утробу.

Спальня создает для нас идеальные условия сна, именно она отвечает за наши сновидения, ее интерьер – наше идеальное существование в утробе матери, в утробе мечты. И если верить, что спальня отражает наши мечты, то можно предположить, что и остальные комнаты, и интерьер в целом – это наша мечта. Можно пойти еще дальше и учитывать наши взгляды не только на сам дом, но и на все, что его окружает и становится частью нашей рутины, частью нашего сна наяву.

Фрейд говорит о снах наяву – что это самые известные продукты фантазии. И сравнивает фантазию с «заповедником» (Фрейд, 2020, с. 435). Действительно, метафоры о доме, жилище в целом относятся и к городской среде тоже. Как правило, «сознание» любого города или поселения живет по принципу реальности, но фантазия этот принцип отрицает. В снах наяву мы можем быть кем хотим, можем делать что хотим и получать то, о чем мечтаем. Сны наяву есть в любом городе, и Фрейд называет в качестве таких «заповедники», «национальные парки», кусочки среды, которую не тронула рука человека. Не зря мы так ценим старинные городские постройки, бережно относимся к старым развалинам и памятникам архитектуры, не зря так популярна идея реставрации и воссоздания, особенно в развитых обществах.

Все, что не подвергается влиянию времени и реальности, – это своеобразный сон наяву, мечта, что-то, что не играет по общим правилам. И если в городе сохранять такие фантазийные места довольно трудно, то у себя дома мы можем устроить свой маленький заповедник. Галерист Россана Орланди говорит: «Все будет трансформироваться. Дома станут "зелеными", рядом с ними будет больше садов и парков – и вместе с тем сами жилища окажутся гораздо проще. Стремление к простоте как общее направление – очевидный тренд». Однако сегодня уже поднимается вопрос о том, что современный город теряет свою эстетичность и все в нем «определяется потреблением, зрелищностью и фантазиями о товарах». По мнению некоторых специалистов, это ведет к созданию нездоровой для психики обстановки (Vanolo, 2021). На смену архитектуре как искусству и градостроению как системе приходят реклама, стихийное заселение и мода, которые не позволяют фантазии действовать самой по себе (D'arcy-Reed, 2019).

Вернемся к тому, какую роль во всем этом играет мать. Фрейд говорит о символизме комнаты или помещения как материнской утробы или человеческого тела в целом (Фрейд, 2020). Он уточняет, что окна и двери – это отверстия в теле, тогда как ключи – символы мужского полового органа. Там же он приводит множество женских символов, среди которых предметы обихода, такие как бутылки, шкафы, чемоданы, ящики, печи. К женским же символам Фрейд относит воду, дерево и бумагу. Это следует не только из рассуждений Фрейда и его ссылок на общеизвестные

факты, но и из клинического опыта. Его пациентка Дора видит сон о комнате, где она спит и где ее внезапно будит отец и говорит, что начался пожар (Фрейд, 2020). Чтобы расшифровать этот сон, Фрейд узнал у пациентки историю о комнате, где она запиралась, боясь быть застигнутой врасплох господином К. В результате выясняется, что Дора тайно мечтает о сексуальной связи с господином К.

Из этого прямо вытекает вывод о том, что дом – это отражение нашего сознательного представления о себе, о своем теле, его потребностях и желаниях, а также бессознательного – о психике. К женским символам вообще относятся не только дома, комнаты, помещения, но и сады, цветы, горы и холмы. Все, что связано с природой, противоположно мужским символам: машины, моторы, техника и технологии, все индустриальное, связанное со скоростью, огнем, разрушением.

Можно предположить, что современная тяга большинства к большим окнам, отсутствию занавесок, идеальному естественному освещению, высоким потолкам и просторным комнатам – это бессознательное желание превратить свое жилье в идеальную утробу, выход из которой очень удобен и прост и не несет никакой травмы и стресса для младенца. Кажется, что идеальный дом – это полностью прозрачное, без перегородок и углов жилище, в котором есть изобилие. И создать такое жилье действительно пытались и пытаются дизайнеры и архитекторы по всему миру. Дома, которые демонстрируют подобный подход в максимально буквальном виде, вы увидите среди работ Константина Мельникова (см. *рис. 3*), Карима Рашида, Филипа Джонсона, Оскара Нимейера (см. *рис. 4*), Захи Хадид и других именитых архитекторов.

Один из важнейших в дизайне и архитектуре материнских символов – это дерево. Выбирая несимметричные и плавные формы, архитекторы обычно говорят, что их создала сама «мать-природа», а прямые линии и симметрия придуманы человеком и потому с точки зрения планеты некрасивы. То же самое касается и дерева, оно – от природы, а ненатуральные материалы все равно никогда не займут основное место в доме, хотя попытки к тому были сделаны, например, школой Баухаус. Современные производители хорошо научились создавать имитации дерева и других природных материалов, и для дома мы часто выбираем натуральные оттенки, пытаясь остаться рядом с природой, с матерью. С другой стороны, желание жить в доме, на сто процентов состоящем из всего женского и материнского, может свидетельствовать о психотичности.

Наше желание окружать себя материнскими символами и отождествлять себя с собственным жилищем можно наблюдать с младенчества. Мелани Кляйн рассказывала, что в ее кабинете есть умывальник и предметы, которые могут пригодиться для игры в нем (Кляйн, 2018). Она говорила, что игры с водой позволяют заглянуть в прегенитальные порывы влечений. Исследуя работу Мелани Кляйн, можно увидеть, что дом становится важным символом человека и часто – матери и женщины с самого раннего возраста. Например, семилетняя Грете упорно рисовала себя и мать в виде домов, а брата и отца в виде деревьев (Кляйн, 2018).

Рис. 3. Дом Константина Мельникова изнутри

Рис. 4. Дом Оскара Нимейера

Пятилетний Курт в игре «обустроивал дом для одиночного владения», украшал и оснащал его, а дом обозначал мать (Кляйн, 2018, с. 144). Еще один мальчик постоянно изображал материнскую утробу через карту местности. Если все это в игре проделывают маленькие дети, то резонно предположить, что взрослые, имея гораздо больше возможностей, продолжают играть, создавая дом своей мечты и обустроивая его, пытаясь таким образом своими руками «слепить» идеальную материнскую утробу и место для формирования Идеала-Я.

Мелани Кляйн говорит, что девочки и мальчики играют в строительство домов, обустройство квартир и путешествия, выражая таким образом желание найти свой дом, то есть мать (Кляйн, 2018). С помощью этих игр они уменьшают свою тревогу быть покинутыми матерью и пытаются успокоить себя и убедить в том, что они не разрушены, что мать не похищена, что она рядом и достаточно хорошая. Дом для девочки, по Кляйн, – это олицетворение собственного тела. С домом же связано и соперничество с матерью, и желание стать хозяйкой дома. А для обоих полов характерен страх быть изгнанным из дома. Мелани Кляйн говорит, что из этой ситуации опасности женщину спасает ощущение того, что ее дом, ее тело, ее ребенок и работа в порядке. Для этого она занимается украшением дома. Строительство домов для девочек символически изображает восстановление материнской, а также собственной утробы (Кляйн, 2018). Мальчик же воспринимает утробу и дом как место борьбы с отцом за мать, поэтому мужской дом, как правило, наполнен фаллическими символами, предметами, которые делают из дома крепость и способствуют скорее не уюту, а защищенности.

Если женщина в своем доме хочет показать, что она лучше, чем ее мать, справится с ролью владелицы дома, то мужчина хочет показать, что он один может защитить свою территорию, не пустит на нее чужих. Из этого следует также и объяснение того, что женщины чаще становятся дизайнерами и декораторами, в то время как мужчины – архитекторами, инженерами, прорабами. Мужчине важно выстроить прочные стены, а женщине – добиться ощущения покоя и уюта внутри этих стен. Мелани Кляйн говорит, что желание женщины украсить свое тело и своего ребенка связано со страхом «продуцировать и поместить в тело матери безобразных детей» (Кляйн, 2018, с. 290). А желание обладать красивым домом – это желание обладать красивым нутром тела с хорошими объектами. Из этого можно сделать вывод, что если состояние дома и интерьера женщину не волнует вообще, то ее отношения с матерью и материнской утробой нарушены, утроба воспринимается как враждебная или опасная. Желание напасть на материнскую утробу появляется вследствие орально-садистических влечений, которым дает старт отлучение от груди, и это одинаково справедливо для обоих полов (Кляйн, 2018). В какой-то момент материнская утроба становится местом, которое укрывает не только пенис, но и другие объекты и становится основой для внешнего мира (Кляйн, 2018).

Кляйн говорит, что мальчику, чтобы быть уверенным в собственной потенции, важно быть уверенным в хорошем состоянии своей утробы (Кляйн, 2018). Чтобы избавиться от страха за потенцию, мальчик занимается игрой в строительство и тем самым заодно восстанавливает свою интроектную мать. Ситуации страха, испытанные на оральной стадии развития или в материнской утробе, приводят к тому, что эта игра продолжается и во взрослом возрасте. В народе существует стереотип о том, что строительство домов – это мужское занятие, даже когда речь идет не о физическом, а об интеллектуальном процессе. Возможно, мы бессознательно видим потребность мальчика в необходимости строить, укреплять

и защищать жилище, в то время как у женщины нет потребности в сохранении потенции и борьбе с отцом, она соревнуется с матерью, и ее интересует то, что внутри, а не то, что снаружи. Естественно, ни мальчики, ни девочки не могут в ста процентах случаев вести себя именно так, как описано выше. На эту тему однажды тонко пошутила Заха Хадид: «Я уверена, что, будучи женщиной, я могу сделать отличный небоскреб».

Каждый в той или иной мере старается обустроить свою «утробу», даже если это не отдельное жилье, а комната, уголок в общежитии, автомобиль. Иногда дом становится виртуальным, «игровым», и ошибочно предполагать, что это только детская игра. Если в детстве мы рисуем домики и селим в игрушечных домах кукол, строим шалаши, то взрослым часто приходится искать другие пути решения вопроса. К примеру, 60% игроков Sims (см. *рис. 5*) (симулятор человеческой жизни с возможностью строительства) – это девушки старше 18 лет (Калашников, 2021), а средний возраст игрока в Minecraft – 27 лет (*Cybersport.ru*, 2021), преимущественно это мужчины.

У известной датской компании Lego есть даже сообщество Adult Fans of Lego, а также имеется целый раздел конструкторов с маркировкой 18+. Игра в «строительство» идеального дома используется как часть арт-терапии в психиатрических клиниках, что помогает пациентам увидеть себя со стороны и физически построить свое идеальное психическое убежище. В такой игре мы можем создать дом, которого у нас никогда не будет в реальности, но который навсегда останется в нашем воображении (*Hanes*, 2019).

Это безопасное игровое пространство становится убежищем для бессознательного, если по какой-то причине создание идеальной утробы становится небезопасным мероприятием в реальности. Такое пространство

Рис. 5. Sims 4

не увидят посторонние люди, не смогут его разрушить, отобрать или проникнуть в него. Такая приверженность виртуальному жилищу свидетельствует о том, что в детстве ощущения «своего» пространства не было и, если пойти дальше, что в материнской утробе ребенку было отчего-то некомфортно находиться. Можно предположить, что домоседами становятся также те, кто только во взрослом возрасте получил доступ к «своему» пространству. «Часто у таких людей в раннем детстве были нарушены отношения с матерью, им не хватало общения с ней, – сказал по этому поводу Андрей Владимирович Россохин. – Если они не получили в тот момент поддержки и от отца, то впоследствии стремление уже взрослого человека почти все время проводить дома может быть связано не только с его желанием спрятаться от реальности, но и с потребностью вернуться к матери и все-таки найти у нее защиту» (Щеглова, 2020).

Дом – это тоже мир и реальность, отношение к которому задает материнская утроба. Мы не можем прийти к анализанду домой, но современные технологии позволяют нам увидеть его интерьер во время онлайн-сессий, которые вообще заслуживают отдельного пристального изучения. К тому же пациенты очень часто рассказывают про свой дом и иногда комментируют то, что окружает их в момент разговора. Понимая взаимосвязь интерьера с бессознательным и учитывая психоаналитические предпосылки в его создании, мы можем делать выводы об индивиде. Интерпретировать реальное проще, чем психическое, особенно на начальном этапе работы. Даже на очных сессиях анализанды берут в руки предметы, меняют позу, иногда переходят с места на место, особенно в период, когда кадр еще не до конца установлен. Иногда они обращают внимание на то, что находится в комнате, и специально показывают это терапевту, иногда начинают говорить о том, что видят за окном. Таким образом взрослые задействуют обстановку точно так же, как маленькие пациенты Мелани Кляйн, и это, как правило, имеет отношение к происходящему на сессии.

Одна из пациенток Винникотта использовала прекрасную метафору, центральную роль в которой играл плед. Она сказала буквально следующее: «Плед – очень удобная вещь, но реальность важнее комфорта, значит, когда пледа нет, может быть куда более важным, чем когда плед есть» (Винникотт, 2017, с. 40). Осознавать, что чего-то нет, для пациентки было крайне важно, жизненно необходимо, ей было нужно, чтобы для этого создавалась соответствующая обстановка, чтобы отсутствие можно было увидеть, прочувствовать, почти потрогать, ведь «потерять можно только реальную вещь». Когда пледа не было, она могла фантазировать о том, что он все-таки где-то есть, но при этом точно знать, что его НЕТ рядом с ней и она не может им воспользоваться. Эта потребность убеждаться в отсутствии чего-либо возникла у нее во время войны, когда ее эвакуировали из родного дома. В эвакуации она надеялась увидеть родителей, не представляя, что они могут быть где-то отдельно от нее. Потребовалось немало времени, чтобы понять, что родителей нет и больше не будет. Это, безусловно, было травматично для пациентки, но именно отсутствие предметов, отсутствие комфорта стало в какой-то момент для нее очень важным, чтобы двигаться дальше, чтобы жить отдельно, чтобы признать

свою сепарацию и свою отдельность. Плед, что удачно для нашего исследования, – это предмет обстановки, предмет интерьера, причем такой, без которого действительно можно обойтись, такие вещи в интерьере ничего не значат, их легко убрать и заменить. И все-таки слишком большое количество таких предметов в интерьере может указывать на сложности в сепарации, на попытку защитить себя, как это делает ребенок, который берет с собой в постель игрушку, чтобы не испытывать одиночества.

Здесь на ум приходят интерьеры, в которых нет пледов, нет декора, нет вообще ничего лишнего. Сегодня эти интерьеры называют минималистичными, кого-то они пугают и кажутся «неуютными», но для многих именно такой интерьер становится идеальным убежищем, в котором спокойно и хорошо, потому что ничто не отвлекает. Пациентке Винникотта явно было бы хорошо в минималистичном интерьере, потому что он без конца убеждал бы ее, что чего-то важного больше нет, нечто нереально, и она могла бы таким образом смириться со своей травмой, прожить ее, зная, что если каких-то вещей нет, значит, они реальны. Возможно, современные аскетичные и минималистичные интерьеры – это такие же попытки признать свой разрыв с родителями, суметь прожить сепарацию и стать самостоятельным человеком. Не зря же говорят, что минимализм – это молодежный стиль, и действительно, его редко выбирают семьи с детьми, скорее одинокие люди или молодые пары. Для них дом – это пока еще арена для отыгрывания расставания с родителями, а не гнездо, в котором рождаются новые ассоциации и новые связи, которым только предстоит пройти сепарацию. А в объявлениях о поиске квартиры вы часто можете увидеть требование «не бабушкин стиль». Интересно, что этот «стиль» определяется именно такой формулировкой, ведь можно использовать слова «без старой мебели», «современный ремонт» и так далее. Словосочетание «бабушкин стиль» очень эмоционально заряженное, потому что в наших ассоциациях бабушкин интерьер всегда наполнен деталями, перегружен предметами, в нем много лишнего и ненужного. Этот интерьер можно назвать другой крайностью, и если минимализм – это северный полюс, то «бабушкин интерьер» – полюс южный. Первый – холодный, сдержанный, помогающий отыграть свои травмы, второй – горячий, переполненный эмоциями и тревогами.

Отто Ранк говорит, что для того, чтобы снова осознать, что мать все-таки существует, пусть и на расстоянии, ребенку помогают ее голос, прикосновения, ее запах и вещи, которые о ней напоминают (Ранк, 2019). Может быть, поэтому, создавая свою идеальную утробу при оформлении интерьера, мы стремимся найти как можно больше способов создать комфортную обстановку, прибегая к тому же принципу и задействуя все органы чувств. Если нам действительно важна связь с матерью и мы хотим ощущать себя в доме как в безопасной утробе, то мы стараемся получать от интерьера массу приятных ощущений: зрительных, тактильных, обонятельных, вкусовых и слуховых. И чем меньше запретов на удовольствия, чем больше внимания к физическим и психическим потребностям, чем меньше давления Сверх-Я и господства влечений к смерти, тем шире становится круг возможностей для создания этих приятных ощущений.

Получается, чем глубже невроз, чем тяжелее состояние психики, тем труднее человеку не просто получать удовольствие, но и создавать для себя комфортную и безопасную обстановку, которая бы удовлетворяла все его потребности. Это может проявляться не только как неспособность организовать жилище, но и удовлетворять базовые потребности или как отказ от их удовлетворения, поведенческим или соматическим способом. В первом случае пациент будет жаловаться на то, что у него, например, нет удобной ванны, протекает кран или унитаз, соседи за стенкой шумят, под окном находится завод, от которого идет дым и неприятный запах, невозможно уснуть из-за света в окно, не получается готовить, еда постоянно пригорает, кровать скрипит, матрас жесткий и так далее. Особенно на это стоит обращать внимание, если подобные проблемы повторяются или преследуют пациента всю его жизнь вне зависимости от места жительства.

Меланхолики, пытаясь отыграть первичную ситуацию, используют не только свое тело, но и все вокруг, в том числе помещения (Ранк, 2019). Меланхолик будет стараться сделать окружающую его действительность менее заметной и менее значимой: затемнять помещение, использовать минимум предметов, вести аскетический образ жизни и мало пользоваться теми благами, которые ему дарит все, что находится вокруг. В доме у этого человека будет пусто, темно, холодно, в ванной не будет зеркала, на кухне будет негде сесть, мебель будет неудобной. Но при этом, скорее всего, будет относительный порядок, так как хаос отвлекает, к тому же в материнской утробе нет хаоса, она идеальна.

Ранк приводит в пример и поведение человека с шизофренией, который, уходя из внешнего мира, не просто отказывается его видеть, а замещает его миром иллюзорным. В этом случае дом становится чем-то отдельным и незаметным, здесь будет вопиющий беспорядок, часто доведенный до абсурда, многие предметы будут сломаны или не на своих местах, мебель и техника будут использоваться не по назначению, а сам владелец помещения может все время спать и есть в разных местах. Для него материнская утроба – это не просто место, куда хочется вернуться, умирая от тоски, но одновременно что-то неудобное, опасное, неприятное. И если шизоид иногда все-таки выплывает на поверхность и пытается как-то приспособиться к реальности, то истинный шизофреник будет все глубже уходить в мечты об идеальной утробе, пока дела с «реальной» утробой будут становиться все хуже.

Рассуждая о культуре, Ранк замечает, что все, созданное человеком, творится по его образу и подобию, что весь мир, который придумал человек, антропоморфен. Он говорит также, что самые первые жилища – пещеры и дупла деревьев, а также захоронения – в яме или гробу, – это, как ни крути, попытка воспроизвести внутриутробную ситуацию. То же самое касается очага или костра или даже храмов, созданных древними культурами. Сюда же Ранк отнес греческие здания с колоннами и готическую архитектуру Средневековья и даже американские небоскребы. Любое здание репрезентирует первичную ситуацию, в которой был каждый из нас. Ранк говорит также о детской комнате, которая «от сумки кенгуру и

гнезда, пеленок и колыбели, расширяется» до детской комнаты, дома, города, страны, в которых должно быть безопасно, уютно и тепло и есть все условия для творчества. Для этого в детских комнатах появляются палатки и мини-домики, в которых ребенок может спрятаться, а в играх между собой дети любят строить шалаши и играть в прятки.

В ходе эволюции мать постепенно заменялась «материей», то есть землей и всем, что на земле находится (Ранк, 2019). Человеку в ходе культурного развития приходилось обуздывать свое желание быть не просто рядом с матерью, но и быть в ней, необходимо было найти возможность удалиться от матери, то есть сепарироваться от нее. Не зря Ранк уточняет, что человек постепенно становился прямоходящим, чтобы удалиться от земли на безопасное расстояние. Тем не менее внешний мир оказался той же самой матерью, так как он состоит из символов и выполняет те же функции, что и мать, только в более завуалированном и отвлеченном, культурно приемлемом стиле. Все ранние человеческие изобретения и занятия заменяют мать: это земледелие, охота, война, строительство, создание предметов обихода и одежды.

В процессе эволюции мы продолжаем отделяться от матери и искать для воссоединения все более завуалированные и сложные способы. Вместо того чтобы охотиться и выращивать еду, мы учимся готовить и создаем все более сложную кухонную технику, вместо жизни в деревне выбираем жить в небоскребе, вместо войны и оружия мы выбираем спорт, азартные игры и конкуренцию на работе. Примечательно, что, пройдя подростковый возраст и насладившись постсепарационным периодом, многие снова хотят «вернуться к маме» и из города переезжают в дачные и коттеджные поселки. Жители больших городов предпочитают заводить своих детей не в центре шумного мегаполиса, а на природе, близко к земле, словно возвращаясь к матери и надеясь на ее помощь. И в целом в мире растет тенденция к более близким отношениям с природой, воссоединению с ней и поиску у нее «помощи» (Schweitzer, 2018).

Жилище как символ стадий психосексуального развития

Фрейд говорит, что наши потребности не меняются со временем, просто пути их претворения в жизнь становятся более сложными, современными и технологичными. В то же время в статье «Будущее одной иллюзии» он упоминает, что некоторые первичные позывы со временем становятся атавизмами и вообще «окультуриваются». Он приводит в пример каннибализм, кровосмешение и выражает надежду, что тяга человечества к убийствам со временем тоже сойдет на нет. Мы видим тому подтверждения в виде отмены смертной казни в большинстве развитых стран. «В этом отношении переход к культуре сострадания есть переход от метафизики знания к метафизике присутствия» (Kulka, 2020). Удовлетворение основных и принятых в обществе потребностей тоже видоизменяется и становится более гуманным, экологичным, продуманным. А ведь изначально любое общество, как младенец, использует самые примитивные способы удовлетворения своих желаний. Источники раздражения,

т. е. его собственные органы, доставляют ему любые приятные ощущения, в то время как кое-что получить не так-то просто, в том числе самое необходимое и желанное – материнскую грудь (Фрейд, 2018б).

Сексуальность индивида начинается с органов – рта, ануса, гениталий, позже они заменяются переходными объектами и объектами. Тем не менее невозможно поверить, что наше желание отыгрывать самые ранние впечатления ограничивается только общением с людьми и сексуальной жизнью. Современные технологии находят массу способов замаскировать и «окультурить», спрятать от наших собственных глаз желания, которые с самого начала было так просто удовлетворить. Иногда невозможно увидеть связь между нашей ежедневной рутинной и теми особенностями психики, которые мы постоянно открыто проявляем. Как же именно впечатления разных стадий психосексуального развития находят свое отражение в интерьере и жилище?

Оральная стадия

Фрейд говорит об оральной стадии прегенитальной организации и называет ее «каннибалистической» (Фрейд, 2018а, с. 258). В этой фазе друг другу сопутствуют сразу два вида деятельности – поглощение пищи и поглощение объекта. Во взрослой жизни отголосками оральной стадии можно назвать удовольствие от насыщения вкусной пищей и от близкого контакта с другим человеком. Эти два вида деятельности до сих пор принято совмещать, они дополняют друг друга. На первое свидание мы идем в ресторан, на праздниках устраиваем застолье, угощаем ужином коллег и бизнес-партнеров. Совместное сидение за общим столом и поедание пищи очень сближает и помогает создать самые близкие отношения. В обществе часто с настороженностью воспринимают того, кто ходит в ресторан в одиночестве, можно предположить, что это бессознательно воспринимается как публичная мастурбация. В прошлом и даже в наше время еще сохраняется обычай, когда вся семья ест после того, как глава семейства прочитает застольную молитву, он же и получает право начать есть первым. В современном доме члены семьи нередко едят по отдельности, вне дома и даже перед телевизором, что также негласно осуждается обществом или воспринимается как нечто неприличное, некультурное.

Идеальное пространство для удовлетворения обеих потребностей в поглощении, о которых писал Фрейд, – это столовая, где все могут одновременно есть и общаться, где нет никаких отвлекающих факторов и очень мало места для проявления каких-либо признаков кроме оральных. Кажется, наличие отдельной столовой – это самый здоровый способ помочь психике перерабатывать отголоски оральной стадии в интерьере. Тренд на выделение столовой зоны в российских интерьерах появился сравнительно недавно, в то время как в Европе никуда и не уходил.

Читая об оральной стадии психосексуального развития у Бержере, мы узнаем, что оральную стадию представляют в равной степени все органы чувств и речь идет не только о рте, как могло бы показаться (Бержере, 2008). Сюда относятся и запахи, и зрительное восприятие, откуда взялось

выражение «пожирать глазами», и процесс дыхания, и говорения, и, конечно, осязания. Все они помогают нам на оральной стадии поместить внутрь себя то, что принадлежит внешнему миру, и сделать частью себя. Любые тактильные и зрительные приятные ощущения, которые мы испытываем и от которых получаем удовольствие, – это воспоминания об оральной стадии развития, когда мать ласкала и гладила нас, кормила грудью, пела песенки и любовалась ребенком, а он отражался в ее глазах и считал ее частью себя. Дом, в котором живет индивид, позволяет все эти ощущения усилить и напомнить о том времени, когда весь мир вокруг был съедобен и «иметь» означало «быть».

Мы уже говорили о том, что современные производители стараются активно удовлетворять потребности заказчика, помочь ему одновременно в раскрытии и в сокрытии своих желаний, и мы могли бы чуть подробнее рассмотреть некоторые «оральные» проявления в интерьере. Их можно найти во всем, даже в оформлении стен. Еще до того, как модные интерьеры захватили российский рынок, вопрос тактильности и приятных ощущений решался ковром на стене, затем эта идея была отринута, как устаревшая и пошлая, мы уже говорили, чем такое отвержение старых традиций могло быть вызвано. Сегодня ковры на стене снова становятся модными, и вместе с ними на сцену выходят текстильные и кожаные обои. Это подается как новинка, но все подобное уже было в использовании века назад, так же как и деревянные панели. Все эти материалы объединяет одно – они теплые, уютные, приятные на ощупь и имитируют мягкость, теплоту и «органичность» материнской утробы. И сегодня те, кто может себе это позволить, выбирают не только обои из приятных на ощупь материалов, но и так называемые фрески и гобелены. Достаточно взглянуть на произведения искусства, созданные брендом de Gournay (см. рис. 6), чтобы увидеть, о чем идет речь.

Если пойти дальше, можно предположить, что большие мягкие кресла и диваны, тяжелые шторы и занавески, необычные на ощупь материалы, сложные формы и изгибы, все, что запоминается и бросается в глаза в интерьере, – это напоминание об оральной стадии, когда хотелось смотреть, трогать и пробовать на вкус. Бержере говорит, что ребенок на оральной стадии все вещи и объекты воспринимает «в качестве пищи» (Бержере, 2008). При оральной фиксации взрослому будет важно, чтобы то, что его окружает, тоже было «вкусным», в том числе для глаз и на ощупь. А это всегда подразумевает эстетику, отсутствие неприятных глазу деталей, запахов, звуков и ощущений и большое разнообразие.

Что это подразумевает в интерьере? В большинстве случаев легкость, мягкость и нежность, отсутствие грубых форм и материалов, слишком ярких и сложных деталей, «аппетитный» вид мебели, то есть ощущения, оттенки, запахи, которые сопровождали наше общение с матерью на оральной стадии. Это в первую очередь относится к условно классическим интерьерам. В 2021 году было опубликовано подробное исследование, в котором рассказывается о том, какая архитектура, включая конкретные приемы и элементы, чаще вызывает у людей благоговение, восторг и радость, и в этом списке лидируют классические приемы (Negami et al., 2021).

Рис. 6. Бренд *de Gournay*

Оральность в интерьере проявляется не только в формах, оттенках и приятных тактильных ощущениях, но и в прикладных вопросах. Современные технологии помогут создать идеальный комфорт. С помощью системы «умный дом» можно настроить шумоизоляцию, климат, приточную вентиляцию, степень освещенности. В таком интерьере практичность может уступать место комфорту. В частности, на полу может появиться пушистый ковер, который будет собирать пыль и нуждаться в постоянной чистке, но зато с ним будет теплее и тише. Очень важно для оральных проявлений и то, что предметы вокруг с трудом поддаются разрушению. Детское желание укунить мать и проверить ее на «прочность» может перейти и во взрослую жизнь, где любые поломки и изменения в интерьере будут восприниматься как опасные и враждебные. Тут кстати будет вспомнить сказку о трех поросятах, а затем вспомнить, что в самые тяжелые времена у людей, которые менее всего чувствуют себя в безопасности, жилище больше всего напоминало каменный домик третьего поросенка.

На примере культуры нашего общества очень удобно исследовать изменения в архитектурных предпочтениях. Страх взрослого человека и страх младенца, агрессию которого не выдерживает мать, материализуется в виде соответствующего дома и интерьера – большого, тяжелого, массивного. С развитием социума, изменениями в подходе к воспитанию и психотерапии меняются и жилища. Если еще 20 лет назад, и тем более раньше, считалось, что хороший дом – это высокий дом с высоким забором и решетками на окнах, то сегодня ситуация совершенно иная. Дома растут по горизонтали, они больше не должны производить впечатление

древнего замка и устрашать наблюдателей. Примерно в то же время, когда начало уменьшаться количество этажей, изменился и подход к остеклению – оно тоже стало расти. Изменился и размер окон, и площадь остекления в целом. Если раньше в большой комнате показателем удобства считалось количество окон, то теперь окно может быть одно, но панорамное или даже с выходом в сад. Остекление теперь располагают по сторонам света, как и сам дом. Если раньше было важно, чтобы дом со стороны казался симметричным (симметрия и склонность к ней – анальная черта по Карлу Абрахаму (Абрахам, 2009а) и все детали были в нем равномерно распределены, то теперь на первый план выходит удобство владельцев дома и внутреннее устройство. Помещения, которые не нуждаются в хорошем освещении, выносятся на несолнечную сторону и остаются без окон либо располагаются в центре здания, а большая часть остекления приходится на солнечную сторону и главные комнаты в доме.

Анальная стадия

Говоря об анальной стадии, Бержере тоже называет две фазы – выделительную и удерживающую – и подчеркивает амбивалентность анальности. Фекальные массы, первые продукты творчества человека, играют роль внешних объектов, которые «могут быть, с одной стороны, отброшены, т. е. отвергнуты, с другой стороны, в той же мере интроецированы» (Бержере, 2008, с. 25). Эта же стадия психосексуального развития характеризуется садизмом, «определяемым как агрессия, направленная на объект и нагруженная удовольствием». Вот и выходит, что в интерьере анальность может проявляться либо попыткой скрыть и спрятать нечто неприемлемое, неприятное, противное, либо, наоборот, выставить это наружу, продемонстрировать. Это относится ко всему интерьеру в целом, так и к его частностям.

В качестве крайностей можно привести два примера – аскетичность, как в интерьере в стиле минимализма, и излишнюю помпезность, как в стиле барокко. И то и другое у большинства вызывает недоумение и становится объектом для множества шуток. В случае минимализма мы часто говорим, что интерьер выглядит словно «в больнице», подразумевая его холодность и пустоту, но главное – чистоту. Именно эта чистота, желание избавиться от «фекалий», показать, что их тут не было и быть не может, указывают на строгую анальность интерьера и того, кто в нем живет. В случае же барокко, которое часто неуместно в современных реалиях с его позолотой и вензелями, мы смеемся над владельцем с его желанием выставить напоказ свое «богатство» и «вкус», бессознательно воспринимая это как демонстрацию фекалий.

Но в первую очередь анальность стоит искать там, где чаще всего идет борьба между грязью и чистотой – в ванной, в туалете и на кухне, и, взглянув на тенденции в дизайне и продукцию современных брендов, мы можем понять, где искать. Кухня – это помещение, где много приятных запахов и ощущений, но в то же время именно это часто самое грязное место в доме, и это создает проблемы для оральности, которая в «идеальном»

интерьере характеризуется комфортом, уютom, сбалансированностью и мягкостью. Именно поэтому испокон веков кухню старались изолировать от жилых помещений, упрятать ее в подвал, вынести на улицу, огородить, а об эстетике этого помещения вообще не задумывались. Хозяйки богатых домов вообще никогда не приближались к кухне, это было просто-напросто неприлично. И сегодня многие стараются держать кухню подальше от жилой части дома и от гостей, хотя мировой опыт показывает, что объединить кухню и гостиную часто бывает очень удобно. В таких случаях применяется множество хитростей, чтобы кухня как будто «растворилась» в помещении и почти перестала быть кухней.

Но настоящий вызов «правильному» аккуратненькому интерьеру и современной степенной кухне – это люксовый бренд кухонной техники Sub-Zero & Wolf (см. *рис. 7*), воспевающий демонстрационную анальность. Основатель компании и изобретатель современного холодильника Вести Бакке искал возможность хранить инсулин для своего сына, а для этого нужна была температура ниже 18 градусов по Цельсию или ниже нуля по Фаренгейту. Отсюда и название, которое дословно переводится как «ниже нуля». Эта профессиональная кухонная техника стоит баснословных денег, имеет гигантские размеры, стоит на кухнях в самых дорогих интерьерах у аристократов и знаменитостей и при этом выглядит довольно устрашающе. Грубые формы, резкие черты, малопривлекательный металл, массивная фурнитура – все это наводит на мысли об огромной кухне ресторана или как минимум чьего-то родового поместья, где для кухни выделяют целый подвал.

Рис. 7. Кухонная техника Sub-Zero & Wolf

Еще 30 и более лет назад во всем мире, и тем более на территории нашего государства, в ванной много времени не проводили, считали ее чем-то вроде «санитарной зоны», где просто должно быть чисто, а из крана течь вода. Что до туалета – он и есть туалет, просто унитаз в маленькой комнатке. И это в лучшем случае, так как в частных домах туалет часто располагался и сейчас располагается на улице и представляет собой очень грязную зону – символ открытой анальности.

Сегодня все меняется, и ванная комната вместе с туалетом стала полноценным членом интерьерной семьи. Теперь ее оформлению уделяют не меньше сил, чем спальне или кухне, а времени в ней проводят все больше, получая удовольствие от процесса использования. Обычным делом становится иметь два санузла даже в небольшой, скажем, двухкомнатной квартире. Кажется нормой, когда у каждого члена семьи есть свой санузел или очень большая ванная для семейной пары и отдельный гостевой санузел. Если в планировках жилых домов полувековой давности туалет проектировался по остаточному принципу где-нибудь с краю, то сегодня ваннанные комнаты увеличились в площади, а совмещенные санузлы больше не кажутся нам чем-то противным и неудобным, в них появляются окна. Люди перестают стесняться своих потребностей, прятать их от гостей и других членов семьи и стараются создавать для себя удобство и комфорт, но при этом «грязь» все равно стараются спрятать.

Фаллическая стадия

Имея в виду уже упомянутые рассуждения, можно сделать вывод о том, что если первые две стадии в первую очередь требуют присутствия какого-то объекта/предмета и удовольствие при этом связано с выделением или поглощением этого объекта/предмета, то на фаллической стадии объект отходит на второй план, а на первый выходит функция, способность получать удовольствие от самого себя и без помощи постороннего. Абрахам говорит, что на этой стадии характер перенимает все самое важное у первых двух стадий и что при благополучном прохождении первых двух стадий индивид не будет впадать в преувеличение этих характеристик (Абрахам, 2009б).

Вообще фаллическая стадия характеризуется появлением стыда и запретными удовольствиями, и именно эти запретные удовольствия в интерьере можно считать отсылками к фаллической стадии психосексуального развития. На этом этапе появляется детское сексуальное любопытство, фантазм о первичной сцене, а также в противовес им рождаются страх кастрации и зависть к пенису. На этой стадии ребенок начинает искать уединения, желает получать удовольствие, которое может оказаться постыдным, и получать его он хочет в одиночестве. Вот об этих проявлениях в интерьере, которые на языке сленга сегодня называют *guilty pleasure*, мы и поговорим подробно.

Удовольствия, которыми мы можем насладиться в интерьере, зависят от уровня жизни и развитости общества, и с течением времени и улучшением качества жизни разнообразие этих удовольствий растет. Английский

священник XVI века Уильям Харрисон возмущался мужчинами-современниками и их разнеженностью: «Как же изменились времена, если даже мужчины хотят спать на подушках, не довольствуясь справным гладким бревном под головой!» (Уорсли, 2016, с. 17). Подушки, по его мнению, полагались лишь роженицам. Сегодня подушки есть у всех, но некоторые радости, которые может подарить современный интерьер, доступны далеко не каждому. Многие мечтают о них, но не имеют нужного достатка или стыдятся позволить себе то, что легко позволяют другие. И можно предположить, что именно эти предметы, технологии и явления достаются нам в наследство от фаллической стадии психосексуального развития.

Сюда относится и то, что не имеет прямого отношения к интерьеру и дизайну, но имеет отношение к жилищу. Например, услуги клининга или домашние животные – роскошь и мечта для множества людей. Казалось бы, нет ничего проще, чем взять кота из приюта или вызвать уборщицу на дом, но некоторые так и не решаются сделать этот шаг. Стыдно перекладывать свои обязанности на других и непрактично заводить животное, которое испортит мебель. Есть и то, что доступно только некоторым везунчикам, например домашний спортзал или кинотеатр, будуар с гардеробной, кабинет, игровая комната. Технологии, которые относятся к системе «умный дом», можно смело назвать *guilty pleasure*. Ведь нет ничего трудного в том, чтобы встать и включить электроприбор кнопкой или самому следить за температурой в помещении. Тем не менее для многих это обыденность, не роскошь, а норма. А ведь относительно недавно в 1959 году на Национальной выставке США в Сокольниках Никита Хрущев, понаблюдав впервые в жизни за посудомоечной машиной и микроволновкой, с сарказмом сказал: «Может, у вас есть машина, которая и еду в рот кладет и проталкивает ее?» Остается только гадать, как быотреагировал Уильям Харрисон, окажись он на этой выставке.

Эти удовольствия, без которых можно было бы обойтись, но с ними все-таки лучше, стоит поискать как раз там, где есть возможность уединиться и заняться чем-то возбуждающим, не предназначенным для посторонних глаз. Это в первую очередь спальня, ванная комната и туалет, хотя проявления фаллической стадии есть в интерьере на каждом шагу.

Вообще стоит обратить внимание на то, как изменилось представление о роскоши за последние 30 лет. Если с момента перестройки «роскошный» интерьер был скорее «выделительно-анальным», то есть все его достоинства были нарочито показными, а недостатки тщательно маскировались, то сегодня в действительно роскошном жилище преимущество на стороне оральных и фаллических признаков. А если над интерьером работает профессиональный дизайнер, а заказчик принимает в этой работе активное участие и является личностью с близким к невротическому уровню функционирования, то в интерьере будут присутствовать и те, и другие, и третьи признаки, но ни одни из них не будут сильно выделяться. «Если человек более или менее разовьет свой характер до такого уровня, который мы определили как самый высокий, он должен будет обладать достаточным количеством нежных и дружественных чувств. Развитие такого рода идет рука об руку с относительно успешным

овладением собственным нарциссизмом и амбивалентностью» (Абрахам, 2009б, с. 51).

Одна из самых знаменитых российских дизайнеров-классиков и художник по интерьерам Марина Путиловская говорит о новой роскоши так: «Самый главный вид роскоши сегодня – это позволить себе жить так, как хочется именно вам, без оглядки на то, что модно, и то, что нравится другим. Это больше не дорогая мебель, не высокие технологии, не позолота, не бренды. Это большое окно в лес или сад с видом на озеро, это возможность перед Новым годом сидеть у камина с живым пламенем, это знать, что твой дом останется таким, каким ты хочешь, спустя 10, 20, 50 лет, быть уверенным в своем жилище и чувствовать себя в нем в безопасности». Еще 30 лет назад эта мысль никому бы не пришла в голову, как не приходило тогда в голову почти никому из наших сограждан обратиться за помощью к психоаналитику или психотерапевту. Сегодня же она транслируется во всех сферах, связанных с домашней рутинной.

Примерно в 2015 году случился внезапный бум на хюгге, скандинавское определение уютного интерьера, приносящего удовольствие. Тогда же свет увидела книга Майка Викинга об этом явлении, где автор говорит: «Хюгге заключается не столько в вещах, сколько в атмосфере и ощущениях» (Викинг, 2018, с. 6). Кажется, теперь, когда цивилизованное общество научилось приобретать предметы, доставляющие удовольствие, оно задумалось о том, как удовлетворить свои желания без этих предметов или по крайней мере не только с их помощью. Так появляются понятия вроде *slow living*, предполагающие размеренную жизнь, без излишеств.

Завершается же фаллическая стадия эдиповым конфликтом, который Бержере называет «первым угрызением совести» или «первым запретом» (Бержере, 2008, с. 44). Там же Бержере называет эдипову фазу «исходным узлом всех человеческих отношений». Именно тогда окончательно формируется выбор объекта и Сверх-Я. Именно на этом этапе ребенок наконец становится готов обратится к замещающим объектам, отказавшись от соблазна матери или отца. Бержере называет это «победой вида над индивидом» и «первым столкновением человека с социальным феноменом». Как раз этот момент имеет в виду Фрейд, когда говорит о «замене власти отдельного человека властью коллектива».

Говоря языком нашей работы, ребенок наконец-то может выйти из своей комнаты и допускается в гостиную, комнату запретов, комнату внешних объектов, комнату, где личные удовольствия уступают место Идеалу-Я, потому что теперь ребенок способен сдерживаться. В реальности дети доэдипового периода и сейчас могут не допускаться в гостиную, когда к родителям приходят гости, а в домах знати до XX века присутствие детей дошкольного возраста во «взрослых комнатах», когда там отдыхает семья и гости, было абсолютно невозможно.

Заключение

Это небольшое исследование призвано стать дополнением к тем психоаналитическим, философским, социологическим и антропологическим работам, которые уже опубликованы и исследуют взаимосвязь человека с его жилищем. Большое и подробное исследование психоаналитической интерпретации всех связанных с жилищем и интерьером особенностей потребует долгих лет работы и эмпирических выводов на основе большой выборки анализандов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрахам К.* Дополнение к теории анального характера (1921) // Абрахам К. Классические психоаналитические труды. М.: Когито-Центр, 2009а.
2. *Абрахам К.* Формирование характера на генитальной стадии развития либидо (1925) // Абрахам К. Классические психоаналитические труды. М.: Когито-Центр, 2009б.
3. *Бержере Ж.* Патопсихология. Психоаналитический подход: Теория и клиника. М.: Аспект Пресс, 2008.
4. *Викинг М.* Нугге. Секрет датского счастья. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018.
5. *Винникотт Д.В.* Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017.
6. *Калашиников С.* 60% игроков в The Sims 4 – это девушки в возрасте 18–24 лет (2021) // Сайт «Игромания». URL: https://www.igromania.ru/news/109122/60perc_igrokov_v_The_Sims_4-yeto_devushki_v_vozraste_18-24 лет.html
7. *Кляйн М.* Психоанализ ребенка. Ижевск: ERGO, 2018.
8. *Ранк О.* Травма рождения и ее значение для психоанализа. М.: Когито-Центр, 2019.
9. *Розенберг Б.* Мазохизм смерти и мазохизм жизни. М.: Когито-Центр, 2018.
10. Средний возраст аудитории Minecraft вырос до 27 лет – игру покупали даже в Ватикане и Антарктиде (2021) // Сайт Cybersport.ru. URL: <https://www.cybersport.ru/games/news/srednii-vozrast-auditorii-minecraft-vyros-do-27-let-igru-pokupali-dazhe-v-vatikane-i-antarktide>
11. *Уорсли Л.* Английский дом. Интимная история. М.: Синдбад, 2016.
12. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Пальмира», 2020.
13. *Фрейд З.* К теории полового влечения // Фрейд. З. Психология масс и анализ человеческого «Я». СПб.: ООО «Издательство «Пальмира», 2018а
14. *Фрейд З.* Неудовлетворенность культурой // Фрейд. З. По ту сторону принципа наслаждения. СПб.: ООО «Издательство «Пальмира», 2018б.
15. *Фрейд З.* О нарциссизме // Фрейд. З. Психоанализ на каждый день. СПб.: ООО «Издательство «Пальмира», 2018в.
16. *Фрейд З.* По ту сторону принципа наслаждения // Фрейд. З. По ту сторону принципа наслаждения. СПб.: ООО «Издательство «Пальмира», 2018.

17. *Фрейд З.* Тотем и табу // Фрейд. З. По ту сторону принципа наслаждения. СПб.: ООО «Издательство «Пальмира», 2018д.
18. *Щеглова М.* Что говорит о нас наш дом. Psychologies.ru, 2020.
19. *D'arcy-Reed L.* (2019) Observing parallaxical identities of place in Architecture – adopting architectural and Psychoanalytical approaches to urban fabrics. *Journal of Architecture and Urbanism*.
20. *Hanes M.J.* (2019) House as a mirror of self: A case study of a twenty-one-year-old female in an inpatient psychiatric hospital. *The Arts in Psychotherapy*.
21. *Howard S.A.* (2019) Building shelter in a chaotic world: the role of empathic imagination in recovery from trauma. *Psychoanalysis, Self and Context*.
22. *Kedar Y., Kedar G., Barkai R.* (2022) The influence of smoke density on hearth location and activity areas at Lower Paleolithic Lazaret Cave, France. *Scientific Reports*.
23. *Kulka R.* (2020) From Civilization of Pessimism to Culture of Compassion: Self Psychological Reflections on Freud's Essay "Civilization and Its Discontents". *Psychoanalytic Inquiry*.
24. *MacCannell J. F.* (2005) FreudSpace: Architecture in Psychoanalysis. *The Annual of Psychoanalysis*.
25. *Negami H. R., Ellard C.G.* (2021) How Architecture Evokes Awe: Predicting Awe Through Architectural Features of Building Interiors. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*.
26. *Schweitzer R. D.* (2018) The Human–Nature Experience: A Phenomenological-Psychoanalytic Perspectiv. *Frontiers in Psychology*.
27. *Vanolo A.* (2021) Shame, guilt, and the production of urban space. *Progress in Human Geography*.

Psychoanalysis and interior

A. A. Kaldina

Kaldina Aleksandra A., Master of Psychology (HSE University), Psychoanalytic psychotherapist, interior journalist.

Symbols and metaphors associated with house have accompanied psychoanalysis literally from its inception: Breuer's patient Anna O called her treatment "chimney-sweeping". Is that now a time to take a closer look at housing, architecture and interior from the psychoanalytic point of view? This article provides a theoretical analysis of the psychoanalytic works of the classics of psychoanalysis, as well as modern psychoanalytic works, which contain information about the relationship of the human psyche with his home, architecture, routine, home furnishings and interior items. The information obtained and the conclusions drawn on its basis are applied to information about modern ideas about the interior, housing and space.

The article is based on the idea that any actions that an individual performs with his home, any events that occur with the place where he lives, as well as objects, technologies and style features that surround him, have their own interpretation, which is always relevant to what goes on in the unconscious of that individual.

Keywords: psychoanalysis, life drive, death drive, maternal symbols, psychosexuality, mother's womb, home, shelter, interior, architecture.

Из корпорации в предпринимательство. Современный взгляд на успешность стартапа сквозь призму границ эдипальной триангуляции

Р. А. Равин, Т. Н. Ежова

Равин Роман Александрович – психолог (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный консультант, мастер делового и бизнес-администрирования (ИБДА РАНХиГС).

Ежова Татьяна Николаевна – психолог (НИУ ВШЭ), организационный консультант, тьютор, фасилитатор, сертифицированный бизнес-коуч, член АПКБК, член ISPSO.

В работе исследуется способность успешных менеджеров сохранять эффективность при покидании корпораций и запуске собственных бизнес-проектов, а именно при смене профессиональной идентичности наемного управленца на роль собственника. Авторами высказывается гипотеза о том, что успешность бывших менеджеров больших корпораций при запуске собственных бизнес-проектов напрямую зависит от способности новой организационной системы снижать уровень тревоги. Продвигаясь от привычного взгляда классической теории на организационные границы, авторы расширяют картину защитных границ за счет исследования потребностей индивидуумов использовать организацию в личных целях защиты от организационной тревоги. Особое внимание авторов направляется на исследование попыток создать личное безопасное пространство за счет развертывания защитных границ эдипальной триангуляции в организационной системе с помощью повторения эдипальной ситуации из первичной семьи. Опираясь на ключевой феномен эдипова комплекса психоаналитической теории Зигмунда Фрейда, авторы предлагают гипотезу, как влияет прочность этих метафорических границ эдипальной триангуляции на способности менеджеров противостоять тревоге в организациях с различными видами организационного дизайна на примере корпорации и стартапа.

Ключевые слова: организационная тревога, границы организации, эдипальная ситуация, эдипов комплекс, Зигмунд Фрейд, эдипальная триангуляция, метафорические границы.

1. Соблазны стартапов

Решение сменить карьерный трек, рабочую среду престижной и безопасной компании на никому не известный стартап настигает многих успешных топ-менеджеров корпораций. Каждый год тысячи людей увольняются с насиженных мест, чтобы рискнуть и стать частью такого привлекательного, сверкающего мира свободы, больших денег и безграничных возможностей. Редкие примеры успеха среди тысячи провалов манят и притягивают. Те, кто смог реализоваться после корпоративной карьеры в предпринимательстве, вызывают уважение, трепет, зависть и желание стать таким же сильным, энергичным, всемогущим и вечно молодым, условным Стивом Джобсом или, на русский манер, Павлом Дуровым.

Некоторые бывшие «белые воротнички», кто наконец-то избавился от сковывавших в течение долгих лет тесных пут корпоративного «спрута», действительно могут выпустить в свет инновационного «единорога». И кажущаяся легкость этого входа в волшебный, магический мир успеха и богатства соблазняет остальных, кто еще остался. Довольно сложно устоять перед искушением этого мира в нарциссическом XXI веке, эпохе красивых картинок и «поучительных» рассказов об идеальной жизни из социальных сетей.

Неудивительно, что значительные 48% всех стартапов в России в 2021 году были организованы бывшими сотрудниками среднего бизнеса и корпораций (*Startup Barometer, 2020*), которые соблазнились мечтами о быстром головокружительном взлете собственных бизнес-проектов. Казалось бы, используя свой реальный бизнес-опыт и знания, управленческие компетенции, высочайшую экспертизу, налаженные связи и понимание рынка, создатели новых предприятий просто обречены на успех. Однако статистика неумолима. Исследования показывают, что в течение пяти лет закрываются 50% стартапов, ужасающие 92% от всего количества запущенных стартапов вообще умирают (*Forbes, 2017*).

Среди на первый взгляд рациональных причин, таких как недооценка рисков, слабое знание новых рынков и потенциальных покупателей, переоценка возможностей привлечения инвестиций, собственных лидерских и управленческих компетенций, очевидным становится вопрос: что способствует неуспеху опытных корпоративных менеджеров при смене контекста? Какие драйверы активируются при смене роли наемного управленца на роль основателя собственной компании?

Авторы в данной работе поставили себе задачу исследовать причины обозначенного выше вопроса с точки зрения бессознательных процессов, протекающих при взаимодействии личности и организации. Целью данной работы является рассмотрение причин, вынуждающих успешных сотрудников покидать корпорации с целью запуска собственного бизнеса, а также выдвижение гипотезы их неуспешности на новом для себя поприще.

Для погружения в данный вопрос в первую очередь необходимо посмотреть на психодинамические особенности корпоративной организации и организации стартапа, а затем на психическое бессознательное личности, работающее в той или иной организации.

2. Психодинамические особенности корпорации и стартапа

Несмотря на многообразие привычных для сферы бизнеса манифестных задач, таких как продвижение на новые рынки или увеличение стоимости компании, первичной задачей для каждой организации, как для любой живой социальной системы является и остается выживание. Для достижения своей первичной задачи организация как единое целое организует свою деятельность через выстраивание сложной системы внешних и внутренних защитных границ от собственного разрушения, так называемой первичной тревоги (*Menzies, 1960, Hirschhorn, 1994*), присущей любой организации и направленной на защиту от дезинтеграции этой организационной системы.

Однако картина была бы неполной, если бы мы не упомянули стремления сотрудников использовать организацию для снижения своей личной и групповой тревоги, вызываемой и усиливаемой необходимостью выполнения первичной задачи, когда они находятся внутри организации как в социальном образовании. Таким образом, можно предположить, что и организация, и люди отдельно или в группах внутри нее стремятся выстроить заново или встроиться в некие существующие защитные границы, неизбежно образовавшиеся в процессе жизнедеятельности любой организационной системы. Опираясь на данное предположение, авторы предпринимают попытку рассматривать различия в функционировании двух разных по организационному дизайну предприятий, опираясь на предлагаемый авторский психодинамический подход защитных организационных границ по двум генеральным линиям.

При этом защитные конструкции можно разделить по объектной направленности, способу применения и уровню, на котором они развертываются:

I. Защитные границы, выстраиваемые организацией.

II. Границы, выстраиваемые сотрудниками, которые используют при этом либо саму организацию, либо собственные защитные границы.

Используя предлагаемую концепцию, исследуем, каким образом происходит развертывание указанных систем защит от организационной тревоги.

2.1. Защитные границы, выстраиваемые организацией

Поскольку природу социальных систем необходимо рассматривать как исключительно человеческую, со всеми присущими человеку свойствами (*Кочеткова, 2018*), ключевым параметром необходимости и прочности защитных организационных границ для нас в настоящей работе будет являться способность этих границ справляться с организационной

тревогой, которую неизбежно генерирует сама организация в процессе своей жизнедеятельности, а также генерируют люди, находящиеся внутри нее. Современная теория организационного поведения ограничивает свой локус контроля только сознательными рациональными процессами, поэтому нас в нашем исследовании будут интересовать скрытые от понимания, бессознательные процессы в вопросах ответственности, лидерства, власти и полномочий, разыгрываемые в контексте организации в целях защиты организации от разрушения. Авторы выделяют следующие три плоскости организационных защит (*табл. 1*).

Таблица 1

Плоскость защиты	Признаки проявления
Структурная, определенно сознательная плоскость	Организационная и функциональная структуры, кадровая политика, система мотивации, бизнес-процессы, нормативы, правила и должностные инструкции, определяющие внутренние границы поведения человека в определенной организационной роли.
Культурная, предсознательная плоскость	Правила не всегда высказаны, но так или иначе осознаются. Именно на этом уровне формируется система организационных защит «свой – чужой». Иррациональное отрицается, есть попытки контролировать поведение человека через эмоциональную сферу, через следующие элементы управления: ценности и миссию организации, формальную и неформальную культуры, отношение к лидерству, нормы поведения сотрудника (как правило, на основе ценностных установок лидера организации).
Способ функционирования, бессознательная организационная плоскость	Система групповых социальных защитных механизмов и групповых отношений, направленных на снижение уровня тревоги отдельного сотрудника и поддержание целостности группы. Проявляется через параллельные конфигурации психической деятельности (<i>Bion, 1961</i>): рабочая группа (фокус на единой цели, сотрудничество, тестирование реальности и т. д.) и группа базовых допущений (регресс, фокус на защите целостности группы).

Используя перечисленные уровни организационных защит в качестве «строительных блоков», организационная система в форме вынужденной меры по сохранению своей целостности выстраивает сложные внешние и внутренние границы, защищающие организацию от разрушительного воздействия внешней среды и от губительных нежелательных действий сотрудников самой организации путем направления локуса контроля за соблюдением внутренних границ этой организации на сотрудников, ее наполняющих.

2.2. Защитные границы, выстраиваемые сотрудниками в организации, используя для защиты организацию или собственные защитные границы

Сотрудник, являясь частью системы и одновременно самостоятельной психической системой, реагирует, по мнению авторов, на все проявления организации в двух плоскостях защитных механизмов (табл. 2).

В попытке снизить уровень тревоги от собственного разрушения как организация, так и люди внутри нее выстраивают и задействуют различные формы защитных конструкций. В случае провала одного уровня защитных границ, одновременно и/или последовательно, в целях защиты от тревоги могут быть задействованы защитные границы на остальных уровнях, вплоть до глубинного психического уровня отдельного индивидуума в организации.

Таблица 2

Уровень защиты	Признаки проявления
Бессознательная социальная плоскость	Члены организации используют организационные защиты (структуру, культуру, способ функционирования) в борьбе против личной тревоги (Menzies, 1960).
Личная плоскость, глубинный бессознательный уровень	Обеспечение защиты от тревоги, вины, сомнений и неопределенности индивидуума внутри организации при помощи «избегания» требований реальности, частичный или полный отказ от применения зрелых защитных механизмов, индивидуальный регресс. Данный уровень запускается вследствие «провала» социально структурированных границ в обеспечении поддержки отдельного человека в его бессознательном стремлении эффективно овладеть тревогой.

Применяя авторский взгляд на гипотезу защитных организационных границ, выстраиваемых организационными системами по вышеупомянутым уровням, исследуем возможные отличия между двумя различными по организационному дизайну системами: корпорации большого бизнеса и стартапа.

Для начала предпримем попытку воспользоваться классической теорией организации, для того чтобы найти схожие черты в этих различных организационных системах на структурном и культурном уровнях.

Ниже в Таблице 3 представлены различия по характерным чертам, присущим большинству организаций (табл. 3).

Используя упомянутые направления характерных черт, организации смогут «отделить и разделить» внешнее и внутренне пространство в рациональном подходе, выстраивая защитные границы организации как на структурном сознательном уровне, проявляющиеся в форме проектирования организационно-функциональной структуры, распределяя ответственность и наделяя определенные роли полномочиями, так и на предсознательном культурном уровне, на котором разворачиваются предсознательные культурные защитные границы организации в виде формирования определенной корпоративной культуры организации, системы ее ценностей и норм поведения.

Таблица 3

Структурные и культурные организации	Корпорация	Стартап
Отделенность границами от внешней среды	Границы четкие	Границы размытые
Организационная иерархия	Властная вертикаль	Горизонтальные связи
Система власти	Власть должности	Лидерство
Совокупность целей	Множество целей	Одна цель
Значимость личного вклада	Винтик в системе	Значимость вклада каждого
Система норм корпоративного поведения	Соблюдение норм	Свобода как норма
Формализация координирования взаимодействия работников	Власть инструкций	Игра
Способы распределения задач	Сверху вниз	Разнонаправленные
Распределение ответственности	Персональная	Функциональная
Модели функционального взаимодействия подразделений	Авторизация руководителем	Без ограничений

Как мы можем увидеть, типология защитных границ, выстроенных по ключевым характерным направлениям современной организации, присуща всем организационным системам в той или иной мере, вне зависимости от сферы деятельности и размера. Однако поскольку в рассматриваемых системах эти черты имеют различное качество, то и защитные границы в системах корпорации и стартапа будут отличаться по степени выраженности, удаленности и прочности.

Применяя современный взгляд классической организационной теории на управление границами поведения людей в корпорациях, можно отметить, что в целях защиты организации от разрушения сотрудникам в больших корпорациях отводится лишь незначительная участь. Единственными условиями существования индивидуума в больших организационных системах являются безусловное принятие сотрудником «правил игры» и интернализация главенства организации в системе объектных взаимоотношений «организация – работник», где в основу будет положено соблюдение доминанты «неравенство найма», следуя которой интересы сотрудника всегда менее значимы, чем интересы организации (Кочеткова, 2018).

Интересно, что, несмотря на подчеркиваемую необходимость признания важности в распознавании и понимании природы человека, подобный рациональный, механистический подход современной классической теории организации полностью очищен, «выхолощен» от психологических аспектов человеческой природы, важнейшими из которых являются особенности бессознательного способа функционирования сотрудников в составе группы и характер выстраиваемых индивидуальных защитных границ.

Обратим наше внимание на противоположную по качеству защитных границ организационную систему – стартап. Если в такой форме бизнеса, как корпорации, границы, как правило, так или иначе выстроены – роль собственника отделена от роли управления, доли управления определены, и есть закреплённая формально иерархия, то в стартапе границы очень часто размыты и основатели не уделяют должного внимания вопросам власти и контроля (Hirschhorn, 1992).

На взгляд авторов, основное, что психодинамически отличает стартап как форму бизнеса от корпорации, – это различия в управлении внешними и внутренними границами в этих социальных системах. Находясь в обрамлении защитных психических внешних и внутренних границ как отдельного индивидуума, так и организационной социальной системы в целом, стартап как система определяет необходимый уровень прочности и достаточной удаленности границ для наиболее эффективного функционирования в отдельно взятый момент времени.

Более того, стартап, как «организация с фокусом на горизонтальные связи, сталкивается с вызовом определения как внутренних границ, которые включают в себя вопросы лидерства и вопросы задачи, так и внешних границ – как организация, которая определяет себя, формируя свою отличительную от других организаций идентичность и способ, с которым она взаимодействует с другими игроками на рынке» (Hirschhorn, 1992). «В стартапах создание правильных рабочих отношений в нужное время

является ключевым показателем результативности, инновационности и эффективности. Однако такие рабочие отношения не появляются автоматически. Это не продукт хороших эмоций и чувств, командного духа или упорного труда. К тому же в гибких организациях отсутствие психических границ создает благодатную почву для непонимания, растерянности и конфликтов» (*Hirschhorn, 1992*).

Возможно, поэтому ключевая задача руководителя стартапа – это не контроль, а контейнирование, сдерживание конфликтов и снижение организационной тревоги, которые разрушают продуктивную работу (*Hirschhorn, 1992*).

Поэтому можно сделать предположение, что организационный дизайн гибких безграничных компаний, таких как стартап, функционирующих при отсутствии метафорических внешних и внутренних психических границ, не способен снизить уровень первичной организационной тревоги, поскольку развертывания организационных защитных границ в трех плоскостях не происходит.

Чтобы снизить уровень различного вида тревог, связанных с выполнением первичной задачи, задача эффективного функционирования организации может сводиться к обеспечению способности социальной организационной системы выстраивать и поддерживать в сознательной, предсознательной и бессознательной плоскости «заданный уровень» жесткости внутренних и внешних границ, в зависимости от типа организационной системы.

Однако, как мы видим из сравнительного анализа корпорации и стартапа, несмотря на различия в качестве защитных границ этих двух организационных систем, сама природа границ в этих организациях парадоксально генерирует тревогу. Ни жесткие границы, присущие корпорации, ни отсутствие или размытость внешних и внутренних защитных границ стартапа не в состоянии полностью устранить организационную тревогу, с которой сталкиваются сотрудники в процессе функционирования этой организации.

Исходя из этого вывода, становится важным рассмотрение способности сотрудников справляться с организационной тревогой, используя организацию как инструмент.

Предлагаемая типология социально структурированных защит индивидуума (*Menzies, 1960*) может быть применена в нашем исследовании различий в построении социальных границ для корпорации и стартапа (*табл. 4*).

Таблица 4

Социальные границы	Проявление тревоги	
	Корпорация	Стартап
Расщепление отношений между сотрудником и Клиентом	Избегание клиента. Клиент – источник тревоги	Ориентация на клиента. Клиент – возможность развития
Деперсонализация, категоризация и отрицание значимости сотрудника	Страх разрушения	Каждый сотрудник – ключевой актив
Отстраненность и отрицание чувств	Чувства опасны	Эмоции + чувства = ресурс
Попытка уничтожить принятие решений ритуальным исполнением задач	Невыносимость ошибки	Высокая толерантность к ошибкам
Уменьшение груза ответственности при принятии решений благодаря проверкам и контр-проверкам	Снижение или отключение личной ответственности за счет ее перераспределения	Безграничная тревога принятия ответственности
Социальное перераспределение ответственности и безответственности по подразумеваемому неявному согласию	Наличие резервных систем. Высокий запас прочности системы	Перераспределение тревоги ограничено
Преднамеренная туманность при формальном распределении ответственности	Перекладывание ответственности в случае провала, присвоение результатов в случае успеха	Четкая ответственность
Уменьшение силы воздействия ответственности передачей ответственностей старшим по должности	Делегирование вверх	Делегирование вверх затруднено
Идеализация и недооценка личных возможностей развития	Страх некомпетентности	Всемогущество
Стремление избежать изменений	Страх разрушения. Спротивление неизвестному	Привлекательность. Высокая толерантность к изменениям

Рассмотрим подробно проявления этих защитных аспектов в корпорации и стартапе.

• ***Расщепление отношений между сотрудником и клиентом***

Представители большого бизнеса, скрывая за инструкциями, распоряжениями и условиями, напечатанными мелким нечитаемым шрифтом, огромную тревогу, связанную со встречей с живым клиентом, полным противоречивых потребностей и требований, негативных эмоций и ожиданий высокого уровня сервиса как формы особого отношения к «клиенту с деньгами», пытаются защититься таким нехитрым способом. Признание обоснованности требований клиента и/или неспособность их удовлетворить, отказать, находясь в определенной организационной роли, вызывает усиление тревоги и бессознательное желание уклониться от любой встречи с клиентом. Возможная идентификация с клиентом и невозможность удовлетворить его, то есть свои «желания» в условиях жестких границ организации, создает формирование паттерна, где клиент является источником тревоги. Добавим в рассматриваемый аспект популярный в современном бизнесе лозунг «clientfirst», чтобы предположить, насколько могут быть сильны амбивалентные чувства при встрече с внешними (а часто схожий паттерн формируется и для внутренних) клиентами организации и насколько высок в этом конфликте может быть уровень тревоги.

Совершенно иначе могут формироваться социальные границы клиентских взаимоотношений в стартапе. Мы можем наблюдать из истории стартапов, что часто организации подобного рода создаются для удовлетворения потребностей отдельного клиента либо производят узкоспециализированный нишевый продукт. Фокус стартапа в данной деятельности направлен исключительно на клиента, стартап не видит свою деятельность отдельно от клиента, зачастую клиент – это его «несущая конструкция». Непрерывно изучая потребности клиента, разрабатывая гипотезы, собирая и адаптируя клиентский опыт, стартап пытается создать новую ценность для клиента и добавленную стоимость для себя, которая в свою очередь для стартапа является единственным способом продлить свою жизнедеятельность. Поэтому признание, что клиент – это единственная возможность развития этой системы, является основополагающим критерием размытости или отсутствия социальных границ во взаимоотношениях с клиентом. Можно предположить, что наличие этих границ, наоборот, будет генерировать высокую тревогу. Однако и подобное слияние с клиентом парадоксально будет вызывать усиление тревоги потери своей целостности и значимости.

• ***Деперсонализация, категоризация и отрицание значимости сотрудника***

Попытка индивидуума справиться с высоким уровнем тревоги, генерируемой огромной, зачастую многотысячной организацией, разделенной

вертикально и горизонтально на множество структурных обособленных единиц, за счет желания «затеряться» в уголках «организационной вселенной» корпорации понятна. Быть невидимым, отказаться от притязаний на реализацию собственных желаний в контексте организации – это желание создать комфортные условия, границы, защищающие от поглощения и разрушения организационной машиной, бесчувственной к желаниям, требовательной к ошибкам и непреклонной в достижении своих целей, зачастую любой ценой.

Малые организационные формы – такие как стартап – наоборот, создаются людьми, основной потребностью которых является стремление реализовать себя, продвигать свое имя, присвоить и монетизировать свои достижения. Жесткие границы корпорации и роли, низкая ценность себя и «прокрустово ложе» ограничений для них губительны и немыслимы, поскольку представление о себе, сияющий нарциссический образ себя бессознательно требует манифестировать себя миру, демонстрировать себя, невзирая на свои успехи или провалы, поскольку основным драйвом является чувство особенности, избранности, всемогущества. Он раздвигает границы настолько далеко, насколько позволяет тревога быть обезличенным внутри каких-либо границ, пока человек неизбежно не встречается с границами другого объекта, возможно, такого же талантливого и достойного восхищения, как и он. Отсутствие или отдаленность границ не могут в таком случае способствовать контейнированию тревоги в столкновении с другим объектом, с его желаниями в удовлетворении его потребностей. Уровень тревоги в процессе деятельности стартапа при этом неизменно растет.

• *Отстраненность и отрицание чувств*

«Многолюдные» корпорации выстраивают свои жесткие границы, желая снизить уровень влияния человеческих чувств и эмоций на достижение запрограммированного результата. Страшно представить, какой мощью, бессознательной разрушительной силой может обладать охваченная эмоциями бесчисленная толпа людей на футбольном стадионе, помещенная в полном составе в формат опен-спейса современного офиса. Поэтому не удивительно, что и индивидуумы внутри больших организаций на своем уровне пытаются отстроиться, отстраниться от проявления ярких эмоций и сильных чувств, как будто опасаясь, что запущенная одиножды цепная реакция разрушительных эмоций ярости, гнева, сексуального влечения разрушит организацию до основания, включая их внутри нее.

Отсутствие подобного мультипликаторного эффекта, усиливающего выраженные эмоции до разрушительного уровня за счет многочисленных отражений в многонаселенных корпорациях, для небольшого по численности стартапа будет являться ключевым фактором. При этом эмоции и влечения становятся движущим фактором стартапа, основным ресурсом, сублимирующим разрушительные влечения индивидуума в трудовую деятельность.

• ***Попытка уничтожить принятие решений ритуальным исполнением задач***

Немыслимое количество инструкций и нормативов, правил и скриптов позволяет снизить до минимума уровень тревоги в принятии решения у сотрудников среднего и низшего уровня корпорации, позволяя им использовать данный инструмент для снижения своей личной организационной тревоги, когда отсутствие возможности сформировать свое личное решение практически исключено. Однако на уровне высшего менеджмента применение скриптов становится невозможным. Возможно, поэтому приближение к уровню топ-менеджмента в крупных корпорациях при карьерном повышении может бессознательно «саботироваться», несмотря на высокий уровень социальной и личной привлекательности руководящей позиции.

Стартап не обременен руководствами и регламентами, поэтому каждое решение на любом уровне вертикальной или горизонтальной иерархии неизменно сопряжено с высочайшим уровнем тревоги неопределенности в правильности или обоснованности решения. К счастью, высокий уровень тревоги, который невозможно снизить за счет использования ритуального принятия решений, сотрудники стартапа компенсируют политической высокой толерантностью к ошибкам, присущей стартапам.

• ***Уменьшение груза ответственности при принятии решений благодаря проверкам и контрпроверкам***

«Психологический груз тревоги, возникающей из-за окончательного решения, принимаемого отдельным человеком, распыляется некоторыми способами так, чтобы уменьшить его воздействие. Окончательный акт взятия на себя ответственности отодвигается во времени при помощи обычной практики проверки и контрпроверки решений на их обоснованность и откладывания действий как можно более долго» (*Menzies, 1960*).

Как мы можем предположить, стартап в силу малочисленности ресурсов для распределения тревоги не имеет. Поэтому весь груз ответственности ложится на плечи сотрудников стартапа, поскольку перекинуть, разделить эту тревогу попросту не с кем.

• ***Социальное перераспределение ответственности и безответственности по подразумеваемому неявному согласию***

Представители крупного бизнеса всегда имеют четко выстроенную иерархию, несмотря на их социальный уровень развития, сферу деятельности и уровень развития человеческого капитала. Поэтому неизбежно выстраиваются отношения «старший – младший», не только по возрасту, профессиональному стажу пребывания в этой системе, но и в рамках неравенства ролей и должностных позиций.

Немногочисленность сотрудников стартапа и плоский организационный дизайн, опирающийся на горизонтальные связи, не выстраивают

защитные социальные границы от тревоги на основе взаимоотношений «старший – младший». Поэтому перераспределение тревоги и снижение ее уровня на высших позициях невозможны. Кроме того, будет интересно рассмотреть уже упоминавшийся аспект, о том, что на практике свыше 40% основателей стартапов вышли из больших корпораций. Они были чрезвычайно успешны и смогли занять высокие позиции в корпорациях. В новом организационном контексте их желания и стремления сосредоточены в монетизации их опыта и умений самостоятельно, демонстрации своего Идеала Я вне корпоративной поддержки. Однако при неизбежной встрече с рутинными и однообразными бизнес-задачами в системе стартапа их желания и импульсы по поддержанию своего образа Идеала Я вступают во внутриспсихический конфликт. Непривлекательность рутинных операций может вызывать сопротивление «опуститься» на уровень рядового сотрудника, что может выразиться в избегании операционной деятельности и халатности в выполнении подобных задач. Можно предположить, что невозможность достижения баланса между стремлениями «сиять и творить» и считать, пересчитывать, проверять, заполнять данными учетную систему, вести учет расходов и совершать множество других рутинных, скучных повторяющихся операций будет вызывать внутриличностный психический конфликт, поскольку собственную тревогу быть «безответственным» проецировать в системе стартапа не на кого, по причине малочисленности этой организационной системы или отсутствия функции операционной поддержки в нем. Все чувства собственной «плохости» остаются в стартапе у субъекта, провоцируя возрастание организационной тревоги, не имеющей возможностей для контейнирования в условиях организационного дизайна стартапа.

• ***Преднамеренная туманность при формальном распределении ответственности***

В рамках корпорации преднамеренная туманность распределения ответственности может быть использована в виде проекции своей неспособности ее выдерживать на подчиненных сотрудников, в форме «Ну вы должны это понимать на своей должности...», разделяя с ними чувство «своей плохости» и избавляясь от собственных негативных проекций (Menzies, 1960).

Стартапу, продолжая размышления Изабель Менгиз, особенно «не хватает стабильных увязок (констелляций) между человеком и его ролями, и становится очень трудно приписать обязанность окончательно какому-то человеку, какой-то роли или комбинации человека и роли». Отсутствие сотрудников, на которых можно спроецировать свою «безответственность», отсутствие структуры и разделения организации границами ролей, задач, полномочий и ответственности, которые бы могли защитить от тревоги, усиливает тревогу ответственности за результат.

• ***Уменьшение силы воздействия ответственности передачей обязанностей старшим по должности***

Обычное употребление слова «делегирование» по отношению к задачам подразумевает, что старший по должности передает какую-то задачу и непосредственную ответственность за ее детальное выполнение подчиненным, в то же время сохраняя за собой общую ответственность руководителя. Однако в крупных корпорациях, особенно в которых присутствуют патологические черты авторитаризма и нарциссизма, происходит прямо противоположное. Сотрудники с «удовольствием» выдавливают задачи, которые они способны решить, но связаны с некими тревогами, наверх, а руководители с «удовольствием» принимают на себя представившуюся возможность их решения в единоличном режиме. Подобный взаимовыгодный обмен между сотрудниками и руководством для первых является эффективным способом избавиться от тревоги, для вторых помимо снижения тревоги ответственности за результат подчиненных через передачу задачи в зону их личного контроля обладает также дополнительными психическими преимуществами. Чувства всемогущества, компетентности, уникальности и значимости у руководителей, которые подкрепляют подобным психическим обменом проекций их подчиненные, передавая бессознательно свои лучшие и наиболее компетентные части Я, соседствуют с выталкиванием вовне, на сотрудников, своих худших проекций некомпетентности, безответственности и беспомощности.

При этом проекции сотрудников на вышестоящих по должности о своей зависимости от них, в передаче им права на принятие всех решений, принимаются руководителями в виде выполнения обязанностей своих подчиненных, основанного на искаженном проекциями чувстве долга.

Трудно представить в контексте стартапа возможность высказывания сотрудников корпораций в стиле «эта задача не моего уровня» или «вы же руководитель, вам и принимать решение», так часто наблюдаемые в контексте больших организаций. Отсутствие в стартапе четкой иерархии или властной вертикали, за которой так привычно сотрудникам прятаться от тревоги принятия решений и ответственности в корпорации, обуславливает невозможность «делегирования» наверх. Поскольку подобная система границ в стартапе не разворачивается, то способность стартапа снижать тревогу ответственности, выдавливая задачи наверх, отсутствует также.

• ***Идеализация себя и недооценка личных возможностей развития***

Корпорации неосознанно поддерживают равновесие между сотрудниками с разными уровнями и умениями. Если в организации только «звезды», кто будет выполнять рутинные повседневные операции? Возможно, поэтому нарушение нормального неравенства найма, в котором «организация всегда превышает сотрудника» (Кочеткова, 2018), ведет к искажению первичной задачи организации в угоду удовлетворения желаний и стремлений сотрудников-«звезд». Возможно, поэтому корпорации сначала направляют свое внимание на создание кадрового резерва внутри

организации, пытаясь снизить тревогу сотрудников при столкновении с вновь прибывшим «блистательным» руководителем извне.

Совершенно другая ситуация будет разворачиваться в стартапе, основателями и руководителями которых будут именно блистательные и успешные в прошлом топ-менеджеры корпораций. Смогут ли они выйти из собственной идеализации и реально оценить свои возможности, приняв на себя необходимость операционной повседневной организационной рутины, – большой вопрос.

- ***Стремление избежать изменений***

Люди в корпорации будут испытывать наибольший уровень тревоги, столкнувшись с перспективой изменений, и будут стараться противостоять им, защищая свои привычные способы защиты от тревоги, то есть свои привычные способы функционирования.

Стартап как система с размытыми или отсутствующими границами находится в условиях перманентной неопределенности. Поэтому можно предположить, что данный вид угроз не вызывает значительного увеличения уровня тревоги.

Мы рассмотрели разницу проявления социальных защит личности в корпорации и стартапе. Следующим рубежом обороны индивидуума в организации в ответ на зашкаливающий уровень тревоги будут выступать его личные, сформированные его личным опытом способности справляться с тревогой. Столкновение сознательного сотрудника и бессознательного сотрудника неизбежно приводит к попытке выстраивания в организационном контексте собственных защитных границ индивидуума, целью которых является ослабление организационной тревоги до переносимого уровня, когда все другие возможности психики были исчерпаны.

Качество индивидуальных границ сотрудника, выраженное в способности снижать организационную тревогу, могло быть заложено в процессе успешного прохождения либидинальных стадий психосексуального развития индивидуума, важнейшим результатом которого является формирование психической инстанции Сверх-Я сотрудника.

Следовательно, направив фокус внимания на изучение успешности прохождения эдипова комплекса, фундаментального ядерного понятия в психоаналитической теории Зигмунда Фрейда, его роли в формировании психической инстанции Сверх-Я, а также исследовав опыт выстраивания метафорических границ в первой социальной системе объектных взаимоотношений – семье индивидуума, можно исследовать причины, побудившие ранее успешных менеджеров покинуть корпорации, и предложить гипотезы, объясняющие их неспособность добиться успеха в собственных проектах.

3. Эдипальная ситуация в контексте организации

Вступая в рабочие отношения с организацией, сотрудник привносит с собой не только свои навыки и умения, свои чувства и эмоции, но и

переносит свои скрытые проекции первичных фигур на фигуры, облеченные властью в организационной иерархии.

Наш взгляд на организационную систему как повторение первичной семьи, семьи как единого целого, способную защитить своими границами, «внутри которых члены семьи отчасти регрессируют, вследствие порождаемой самой структурой "семьи" тревоги» (*Foulkes, 1977*), поможет нам исследовать «принудительное» повторение эдипального конфликта в ситуации переноса и репликации эдипальной ситуации в условиях организационной системы.

В бессознательном пространстве сотрудника при этом может формироваться репликация его эдипальной конфигурации из детства, где отцовскую фигуру могут представлять руководитель и/или собственник организации, а материнскую фигуру представляет сама организация, как сложная социальная система, со всеми ее отделами и департаментами, предоставляющая «безграничные» ресурсы и обеспечивающая материнскую заботу и поддержку.

При этом коллеги сотрудника являются его метафорическими братьями и сестрами, некими сиблинговыми конкурентами за «родительскую» любовь, вместе с которыми сотрудник-«ребенок» замыкает эту гипотетическую триангуляцию.

Подобное происходит и в «треугольнике первичной семьи», где ребенок имеет отношения отдельно с каждым из родителей и находится между ними, что исключает его из родительских отношений, и где развивается эдипова ситуация (*Britton, 1989*).

Сотрудник, бессознательно опираясь на свой детский психический опыт, выстраивает связи между собой, руководителем и организацией, обеспечивая себе защитные границы для своего внутреннего мира. И уже в этом пространстве треугольника, ограниченном тремя элементами, выстраиваются реальные и потенциальные отношения. Таким образом, в этой структуре, имеющей эдипальную природу, для сотрудника происходят как реальные, так и воображаемые события (*Britton, 1989*).

Экстраполируя индивидуальный опыт отношений в семье на организационный контекст, можно предположить, что в бессознательном мире степень прочности границ, а значит, степень чувства безопасности сотрудника в организации обусловлена силой связей сотрудника с его родительскими фигурами, когда он был ребенком, а также качеством отношений с этими фигурами, то есть тем, насколько успешным было прохождение им либидинальных стадий психосексуального развития.

Наши предположения состоят в том, что в случае успешного прохождения эдипальных стадий в своей первичной социальной системе – семье – индивид выдерживает фрустрацию сепарации от материнского объекта в переносных отношениях в организации, выдерживает страх кастрации отцовской фигурой – руководителем этой организации, идентифицируется с этой отцовской фигурой, в процессе которой сам «отцовский объект» теряется, влечение к «отцовскому объекту» теряется, отцовский объект превращается в катарсический объект, высвобождая либидинальные инвестиции, и помещается внутрь себя (*Коротецкая, 2022*).

Поскольку сублимация наравне с идентификацией как с психическим процессом являются формами трансформации эротического либидо в либидо Я, этот процесс происходит через десексуализацию, через отказ от инвестирования либидо в объект – тогда в нашем случае трудовая деятельность не является сексуально окрашенным процессом, направленным на материнский объект организации. Можно предположить, что в случае опыта успешного прохождения Эдипа сотрудник в организации способен встраиваться в бессознательную организационную триангуляцию, то есть через десексуализацию либидо освобождается от иллюзий эдипального соперничества, в котором один из родительских объектов является объектом вождения, а другой становится ненавистным соперником. Как следствие сотрудник приобретает способность занимать третью позицию, то есть способность наблюдать и быть наблюдаемым, обретает способность видеть себя во взаимодействии с другими и учитывать другую точку зрения, не отказываясь от своей, размышлять над собой, оставаясь собою. Таким образом, подобными трансферными отношениями индивид выстраивает/реплицирует защитные границы своей первичной социальной системы в организационный контекст, чтобы затем встроиться в эти привычные для себя защитные границы первичной эдипальной триангуляции, заняв свое место в системе отношений отец – ребенок – мать. При этом сотрудник принимает ограничения организационной среды и следует правилам и нормам, установленным в организации.

Если обратить внимание на свойство Сверх-Я принимать на себя требования, приписываемые родителями, то принятие правил и норм метафорических «родительских фигур» в организации проходит в этом случае естественно и органично, «поскольку эта функция зависит от проекции, то она может быть легко репроецирована», то есть перенесена на появляющиеся в организации авторитетные персонажи (Бержере, 2001). Таким образом, наши предположения о том, что сотрудник, находясь внутри организации, приносит помимо своих знаний и умений собственные проекции на властные фигуры репроецированием родительских образов, может подтверждаться психоаналитической теорией.

Подводя краткий итог, предположение авторов состоит в том, что высокий уровень организационной тревоги будет постоянно требовать разрядки и стимулировать сотрудника задействовать весь набор защитных границ. Начиная с организационных защит, по мере снижения их способности справляться с тревогой, дальнейшее развитие действий по уменьшению воздействия тревоги будет направлено на глубинный психический уровень сотрудника. На этом последнем «рубеже обороны» психики организационная тревога может быть снижена за счет развертывания защитных границ эдипальной триангуляции, качество и прочность которых будут зависеть от успешного разрешения эдипального конфликта в первичной семье сотрудника. Способность и качество всех уровней защит справляться с тревогой будут определять способность индивидуума встраиваться и адаптироваться в организационный контекст корпорации, покидать ее безболезненно и достигать успеха в новой профессиональной

идентичности, а также определять неспособность индивидуума выстроить собственный проект.

В качестве иллюстрации данного предположения были исследованы истории трех мужчин – топ-менеджеров, покинувших корпорации и предпринявших попытки основать свой бизнес. Данные истории были проанализированы через авторскую концепцию защитных границ, рассмотренную в данной статье.

На примере трех героев авторы исследовали способность защитных границ организаций справляться с организационной тревогой по двум генеральным направлениям защиты – организационные и индивидуальные – и выявили различия в способности корпораций и стартапа справляться с тревогой в каждом кейсе.

Клиент № 1 показал, что уровень тревоги в различных системах (и в корпорации, и в стартапе) находится на приемлемом для клиента уровне, исключая направления в границах власти и полномочий, то есть во взаимоотношениях со «старшими» фигурами в организации. Несмотря на смену профессиональной идентичности и покидание корпорации, клиент способен вести эффективную успешную деятельность в обоих организационных системах. Однако напряжение в направлениях структуры власти и иерархии может свидетельствовать о непройденном эдипальном конфликте, который может являться внутренним ограничением для нашего клиента при занятии отцовской позиции руководителя в собственном проекте. Возможно, длительная проработка данного внутреннего ограничения в формате психоаналитического консультирования будет способствовать появлению новых паттернов объектных отношений в контексте собственного проекта.

Клиент № 2 показал, что организационный дизайн стартапа был не способен своими защитными границами сдерживать тревогу для него. К тому же в его истории было повышенное напряжение в направлениях взаимоотношений с системой власти и иерархии, в направлении соблюдения норм и правил, формализации и распределении ответственности, авторизации задач и значимости личного вклада. Подобные симптомы указывают косвенно на непройденный эдипальный конфликт, который клиент пытается вновь и вновь разрешить, реплицируя эдипальную ситуацию в организационный контекст корпорации. Поэтому неудивительно для этого клиента было то, что он не нашел себя в стартапе и достаточно быстро вернулся в формат корпоративного найма, на аналогичную позицию в той же профессиональной сфере, чтобы победить наконец в своем фантазме «отцовскую» фигуру президента корпорации.

Клиент № 3 обозначал свой последний корпоративный опыт как мучительный и сковывающий, и при переходе в собственный бизнес те факторы, которые вызывали тревогу в корпорации, перестали быть таковыми. Таким образом, смена профессиональной парадигмы, следуя гипотезе авторов, является органичным и синтонным решением. Социально структурированные границы организаций, в которых работал клиент, указывали на напряжение в направлениях деперсонализации и снижения значимости клиента, отрицание чувств и страх некомпетентности в корпорации,

которые разрешаются при переходе в стартап. В организационном контексте стартапа по всем направлениям защитные границы достаточно хорошо справляются с организационной тревогой, поэтому смена корпоративной профессиональной деятельности на собственные проекты выглядит обоснованно. Способности клиента справляться с тревогой в любых организационных системах, возможно, могут являться результатом успешного прохождения позитивного эдипова комплекса. Успешная сепарация с материнским объектом, идентификация с отцовской и материнской фигурами, интроекция хороших родительских объектов в бессознательное и их поддержка в течение жизни являются предиктором способностей нашего клиента успешно адаптироваться к реальности.

В заключение следует отметить, что предлагаемый взгляд авторов на проблему неуспешности в реализации собственных проектов топ-менеджеров, покинувших корпорации, является исследованием только одной из множества возможных скрытых в глубинах бессознательного причин. Возможно, вопросы высвобождения значительного объема либидо, ранее связанного корпоративным опытом клиента, а также сложности или недостаточность его инвестирования в новую сферу деятельности, смена профессиональной идентичности и невозможность принятия новой организационной роли, исследование системы профессиональных отношений, вопросы утраты профессиональной идентичности и «работа горя» будут являться важными направлениями исследования проблемы неуспешности корпоративных сотрудников, создающих стартапы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бержере Ж.* Психоаналитическая патопсихология. М., 2001. Вып. 7.
2. Исследование российского рынка венчурных инвестиций. (Электронный ресурс.) URL: <https://vc-barometer.ru/>
3. *Кинодо Ж.* Читая Фрейда: изучение трудов Фрейда в хронологической перспективе. М., 2012.
4. *Коротецкая А.* Семинар А. Грина. [Стенограмма]. М., 2022.
5. *Кочеткова А.* Курс МВА «Организационное поведение». М., 2018.
6. *Соколов М.* Почему взлетает только 1% стартапов – это нормально? // Forbes (Электронный ресурс.) URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/339113-pochemu-vzletaet-tolko-1-startapov-i-eto-normalno>
7. *Bion W. R.* Experiences in Groups. London: Tavistock, 1961.
8. *Britton R.* The Missing Link: Parental Sexuality in the Oedipus Complex, J. Steiner (ed.) The Oedipus Complex Today: Clinical Implications. Karnac., 1989.
9. *Foulkes S.H.* Oedipus conflict and regression // International Journal of Group Psychotherapy, 1972.
10. *Hirschhorn L., Gilmore T.* The New Boundaries of the «Boundaryless Company» // Harvard Business Review., 1992.
11. *Hirschhorn L.* The Primary Risk. What makes Consultancy work? // In Casemore R. et al., 1994.

12. *Menzies I.L.* Social System as a Defense Against Anxiety. An Empirical Study of the Nursing Service of a General Hospital. 1960. <https://doi.org/10.1177/001872676001300201>
13. *Rey J. H.* Schizoid phenomena in the borderline. Patient, Le Boit J. and Capponi A. (eds.) *Advances in the Psychotherapy of the Borderline.* / Jason Aronson: New York, 1979.

From corporation to entrepreneurship. Modern view on startup success through the prism of the boundaries of oedipal triangulation

R. A. Ravin, T. N. Ezhova

Ravin Roman A., psychologist (Higher School of Economics), psychoanalytic counsellor, Master of Business Administration (MBA IBDA RANEPa).

Ezhova Tatjana N., psychologist (Higher School of Economics), psychoanalytic counsellor, tutor, facilitator, licensed business-coach, member of APKBK, member of ISPSO.

The paper explores the ability of successful managers to remain effective when leaving corporations and launching their own business projects, namely when the professional identity of a hired manager changes into the role of an owner. The authors suggest a hypothesis that the success of former managers of large corporations in launching their own business projects directly depends on the ability of a new organisational system to reduce a level of anxiety. Moving away from the conventional view of classical theory on organizational boundaries, the authors expand the picture of defensive boundaries by examining the needs of individuals to use the organization for personal protection against organizational anxiety. The authors particularly focus on exploring attempts to create a personal safe space by deploying the defensive boundaries of the oedipal triangulation in the organizational system through the repetition of the oedipal situation from the primary family. Drawing on the key phenomenon of the Oedipus complex in Sigmund Freud's psychoanalytic theory, the authors hypothesize how the strength of these metaphorical boundaries of oedipal triangulation affects managers' ability to cope with anxiety in organizations with different types of organizational design, using the examples of corporation and startup.

Keywords: Sigmund Freud, Oedipus complex, organizational anxiety, organizational boundaries, transference, defensive boundaries, oedipal triangulation, organizational system.

Влияние образа отца на профессиональное и карьерное развитие

А. Г. Селяев, М. Ю. Стависский

Селяев Александр Геннадьевич – коуч, ментор, фасилитатор, организационный консультант. Более 12 лет управленческого опыта в крупных международных компаниях. Эксперт в построении процессов обеспечения качества разработки программного обеспечения. Сертифицированный скрам-мастер.

Стависский Михаил Юрьевич – магистр делового администрирования, магистр психологии, магистр экономики и финансов, психоаналитически ориентированный бизнес-консультант, супервизор, член экспертного совета национальной Федерации коучей и менторов.

В статье рассматриваются психодинамические аспекты влияния ранних взаимоотношений с отцом на организационный контекст и отношения, которые выстраивают субъекты в профессиональной среде. Разнообразные функции, которые несет в себе образ отца, оказывают влияние на все сферы жизни, включая выбор профессиональной идентичности, карьерное развитие, взаимоотношения с авторитетными фигурами в организациях и бизнесе, успешность в бизнесе и многое другое.

Ключевые слова: психоанализ организаций, образ отца, отсутствующий отец.

Введение

«Отец – это тот, чье появление ставит всех на свои места».
Сибилла Лакан. «Отец»

Вне психоаналитических концепций роль и образ отца могут быть рассмотрены через призму широкого круга аспектов: психофизиологических, исторических, социальных, психологических (семейной и детской психологий, психологии родительства и личности). Сила и могущество образа прослеживаются сквозь времена и пространства, культуры, мифы и религии. К сожалению, обсуждение отличий различных подходов выходит за рамки данной статьи. Мы будем сфокусированы на анализе и использовании только психоаналитических концепций и источников.

Влияние ранних отношений индивидов с фигурами из детства оказывает сильное влияние на будущее индивида, в том числе на выбор профессии, профессиональный и карьерный рост, успехи и неудачи в бизнесе, взаимоотношения с коллективом и лидерами организаций. Поэтому мы можем говорить, что понимание истоков поведения (часто это бессознательные мотивы), определение последствий могут помочь в ежедневной работе лидерам организаций и бизнесов со своими подчиненными и командами. Данная проблематика всегда остается актуальной, и поэтому, будем надеяться, интерес к работам и исследованиям влияния образа отца на взаимоотношения в организациях и бизнесе будет возрастать.

Функции отца в психоаналитическом подходе

Развитие представлений о роли отца в психоаналитической традиции началось в начале XX века. Изначально Фрейд акцентировал внимание на подавляющих, наказывающих репрезентациях отца. Разработка концепции эдипального конфликта (эдипова комплекса, эдипова отца, комплекса кастрации) (Фрейд, 2020; Фрейд, 2015) стала кульминацией этих идей. Позже эти идеи трансформировались, и роль отца стала трактоваться разнообразнее и шире. Но в любом случае во всех источниках можно проследить, что отец представляется как центральная фигура, определяющая психическое развитие человека. Фрейд выделял следующие аспекты восприятия отца ребенком (*Target, Fonargy, 2002*):

- могущественное и богоподобное существо;
- великий человек, объект восхищения и любви;
- объект идентификации;
- человек, осуществляющий заботу, утешающий;
- защитник;
- авторитет, запрещающий и устанавливающий законы (враждебный желанием ребенка);
- угрожающий человек (в случае если нарушаются правила, законы и запреты).

Во второй половине XX века значительно возрос интерес к взаимоотношениям, возникающим между ребенком и его матерью к диаде мать – ребенок. Вопросы зависимости младенца к матери, конфликты в процессе сепарации и индивидуации были затронуты в работах Фрейд А., Малера М. и Кляйн М. Влияние отца в раннем развитии ребенка стало вторичным. Подобное пренебрежение к роли отца стало возможным потому, что условия, при которых изучались мать и ребенок, исключали отцов из поля зрения исследователей.

Дальнейшее развитие теории объектных отношений вернуло внимание исследователей к вопросам значимости отца и его образа для психического развития детей.

Можно выделить постоянные аспекты, концепции, архетипы, в рамках которых развивались исследования роли реального отца и образа отца в психическом мире ребенка. Мы рассмотрим их в следующих параграфах статьи.

Отец как третий в отношениях мать – ребенок

Предполагается, что для развития ребенка должен присутствовать кто-то еще, помимо матери. И отец является тем самым объектом, призванным помочь изменить симбиотические отношения диады и способствовать сепарации и индивидуации ребенка. (Тайсон Ф., Тайсон Р., 1998). Разнообразные авторы исследовали данное влияние и роль отца.

Отсутствие третьего приводит к затруднениям в формировании идентичности ребенка, что в свою очередь приводит к проблемам в развитии. Среди предположений, как именно открывается отец и его образ, есть мнение, что именно мать ребенка открывает ему отца (*Etchengoyen, Trowell, 2002; Diamon, 2003*). Ее установки (сознательные, а часто и бессознательные) относительно отца и его роли формируют отцовскую репрезентацию, даже если он физически отсутствует в семье (долгое и длительное отсутствие, не живет с ними, умер). Дети улавливают, что именно чувствуют их матери по отношению к их же отцам, и развиваются в соответствии с такими установками (*Davids, 2002*).

Отец появляется как дополнительный постоянный второй объект и в реальных отношениях с ребенком. Он помогает сместить агрессивные импульсы ребенка с матери на себя. Тем самым он помогает ребенку пережить потерю первичных отношений с матерью (*Trowell, 2002; Винникотт, 2002*). Воспринимая отца как внешний объект, ребенок получает возможность выдерживать свои агрессивные импульсы, что способствует формированию и образа матери также – как отдельного объекта.

Ранняя подростковая фаза актуализирует диадно-триадный конфликт. Симбиотические отношения с матерью оживляются. Активное развитие идентичности у детей начинается только после того, как будет разрешена связь с преэдипальной матерью раннего возраста. С отцом же формируются отношения другого порядка. Для мальчика отец выступает как конкурент и желаемый объект для идентификации. Отношение к «эдипальным» родителям детства должно быть проработано вновь. Удачное прохождение этого периода (прохождение Эдипа) завершается эмоциональной сепарацией, пониманием отличия себя от каждого из родителей и обретением чувства себя.

Для девочек прохождение Эдипа несколько сложнее. Их развитие в Эдипе базируется на принятии своего неполноценного положения (отсутствие пениса воспринимается как уже совершенная кастрация). Девочка отдаляется от матери и воспринимает отца как любовный объект. Мать вследствие этого становится ее соперницей. Мы можем говорить, что девочка превращается в маленькую женщину.

Фигдор Гельмут (Фигдор, 2021) предлагал рассматривать триаду отец – мать – ребенок как первую, но не единственную форму целого ряда треугольников отношений, влияющих на эмоциональные и социальные рамки в жизни человека:

- родители – дети – воспитатели, учителя, прочие взрослые;
- родители – ребенок – другие дети;
- родители – дети, подростки – друзья и партнеры;

- муж – жена – родители;
- мужчина – женщина – профессия;
- мужчина – женщина – соперник (соперница);
- родители – ребенок – общество;
- индивид – семья, группа – внешний враг, посторонний человек.

Указанные триадные самоопределения влияют на умение индивида соответствующим образом вести себя в рамках различных социальных ролей. Разнообразие треугольников отношений определяет, насколько сложные отношения может выстраивать человек в группах и социумах.

Отец как мужчина

В своих работах Фрейд писал, что правильное решение для выбора объекта гарантируется фигурой сильного отца. В результате симбиотической идентификации с матерью идентичность ребенка (мальчика или девочки) оказывается феминной. И для достижения мужской идентичности мальчик должен идентифицироваться с матерью и идентифицироваться с отцом. В современном психоанализе отмечается необходимость доэдипальных идентификаций с обоими родителями, и каждый должен распознать и подтвердить маскулинность сына. Именно подобная реакция в триаде помогает ребенку в успешном прохождении процесса сепарации-индивидуации (Diamon, 2003). В случае отсутствия отца или его частой недоступности идентификация может быть задержана, и у мальчика нарушается процесс установления уверенного чувства мужественности. Фигура отца необходима девочкам – для успешного развития и принятия своей женской половой роли (Тайсон, Тайсон, 1998).

Г. Левальд и М. Малер указывали на важность взаимодействия детей с отцом как с мужчиной. Идентификация с ним позволяет ребенку избежать опасности поглощения матерью. Предполагается, что отец призван стимулировать раннюю исследовательскую активность ребенка и защищает его от симбиотического регрессионного притяжения к матери (Тайсон, Тайсон, 1998).

Отец как муж и любовник матери

Наличие отца как лица, которое связано с матерью особыми отношениями (супружеские, любовные, сексуальные), должно содействовать развитию представлений об иерархии в семье. Для интеграции внутреннего мира ребенка необходимо наличие и осознание ребенком исключительности отношений отца и матери. Считается, что ребенок должен воспринимать разницу между связями, которые его соединяют отдельно с отцом и отдельно с матерью, а также он должен быть конфронтирован с третьей – соединяющей отца и мать как супругов. Важным здесь является исключение его (ребенка) из этой последней связи. Таким образом ребенок получает способность воспринимать себя во взаимодействиях с другими, развивать идентичность и эмоциональное благополучие (Britton, 2000).

В фантазиях ребенка отец – это тот, из-за которого мать покидает его. И его могут переполнять чувства ненависти к отцу как к третьему лицу, тому, кто отнимает у него мать. Ребенок, чтобы справиться с фактом исключения себя из отношений отца и матери, будет вынужден проецировать свои негативные чувства на отца. Подобное смешение отличительных черт отца с проекциями собственных чувств позволяет выносить собственные разрушительные мысли и чувства (Davids, 2002).

Отец как биологический родной человек

Муж матери может быть биологически неродным для ребенка. Это поднимает вопросы, связанные со значимостью отца «по рождению» перед «приемным» отцом. Что приводит к значению отца как человека, имеющего иные (сексуальные) отношения с матерью, результатом чего и является ребенок. Знание об отце как о человеке, участвовавшем в зачатии, имеет важное значение, поскольку создает у ребенка представление как о потомке различных семей и имеющем свой род. В случае если мать отказывается от помощи мужа, изгоняет его из семьи, целиком устраняя мужскую фигуру из семейных отношений, «присваивая» детей только себе, она лишает их части родословной, создавая из них «символического паралитика, у которого отнята половина тела» (Дольто, 2003).

Если для формирования материнского образа требуются реальные отношения между ребенком и матерью, то в отношениях с отцом этого может не требоваться. И мы можем утверждать, что отцовский образ формируется также матерью, но это создает противоречия и требует дальнейшего размышления (Davids, 2002).

Отец как значимый другой

Хайнц Кохут (Кохут, 2002) рассматривал отношения со значимыми другими как жизненно важные для формирования чувства самости. Для решения этой задачи необходимы селф-объекты – объекты, которые выполняют для ребенка функции поддержки, восстановления и трансформации самости. Этими объектами чаще всего и выступают родители. Выделялись три возникающие в связи с описанной задачей потребности ребенка:

- *грандиозно эксгибиционистская*. В основе этой потребности лежит желание младенца ощущать свое величие и совершенство;
- потребность в том, чтобы *родители «отражали» величие и совершенство ребенка*, восхищаясь ребенком, подчеркивая его уникальность;
- *потребность в идеальном имаго (идеализированных всемогущих, не ошибающихся родителях) и потребность в альтер эго* (в том, чтобы быть похожим на других, в схожести с окружающими).

Родители должны принимать усилия для выполнения селф-объектных функций. Мать, поддерживая грандиозность младенческой самости, отражает ее, восхищаясь ребенком. Отец же должен принимать идеализацию себя ребенком, обеспечивая ему возможность слияния с идеализированным всемогущим объектом. Отцу в этом случае недостаточно

обеспечивать свое присутствие как «мишени для идеализации». Он также должен испытывать удовлетворение от выполнения соответствующих функций (Muslin, 1984).

Дэвид Розенфельд пришел к выводу, что отцовская роль также содержит в себе функцию *расшифровки* опыта ребенка, а также связывания эмоциональных ощущений. Тем самым отец структурирует внутренний мир ребенка и контейнирует детские примитивные страхи. Роль отца в этом особенно важна в доэдипальный период развития. Ее отсутствие чревато психотическими расстройствами.

Отец как компаньон с ребенком в игре и объект привязанности

В середине XX века в результате исследований взаимоотношений детей и родителей стала развиваться теория привязанности – психологическая модель, в которой предпринимаются попытки описать динамику межличностных отношений. В основе теории лежали материалы наблюдений за поведением младенцев и детей, а также этология – дисциплина, изучающая поведение животных (включая людей). Отец-основатель данной теории Д. Боулби (Боулби, 2003; Боулби, 2004) внес значительный вклад в теорию объектных отношений, развивая идеи Мелани Кляйн. Он делал акцент на исключительной значимости качества ранних детско-материнских отношений для гармоничного развития ребенка. В результате данных отношений у ребенка формируются внутренние рабочие модели, которые позволяют отразить в психике ребенка собирательный опыт сензитивности к объекту привязанности.

Д. Боулби в своих исходных положениях понимал роль отца как компаньона в совместной с ребенком игре. Предполагается, что основная задача отца как объекта привязанности в отношениях с ребенком заключается в обеспечении безопасности и стимуляции исследовательской активности ребенка в совместной игре. Как следствие, необходимость отца в жизни ребенка состоит в обеспечении безопасности и поддержки в моменты знакомства ребенка с окружающим миром за пределами матери и отношений с ней.

Отец как высший в иерархии

Взаимоотношения отца и ребенка могут рассматриваться и с позиций участия в воспитании и иерархии. Кочубей Б. (Кочубей, 1993) предложил модель, в которой они рассматриваются в системе координат: участие – пренебрежение, отношение к ребенку на равных – сверху вниз. Возникают следующие комбинации:

1. участие на равных. При сочетании этих параметров отец много времени проводит вместе с детьми и характеризуется как демократичный, заботливый. В качестве примера приводится современная европейская семья;

2. **участие сверху вниз.** В этом случае отец также много занимается с ребенком, но является крайне авторитарной фигурой и придерживается правил жесткой дисциплины;

3. **пренебрежение сверху вниз.** Отец является грубым, презирующим и суровым и не проводит время с семьей и детьми;

4. **пренебрежение на равных.** При сочетании данных параметров можно говорить о феномене «отсутствующего» отца.

Отец как проводник инициации

В классической психологии развития функция отца состоит в том, чтобы помочь ребенку выйти из симбиоза с матерью и открыть окружающий мир. И именно здесь необходима «инициирующая» функция отца (Каст, 2020). Бевензипен описывает эту роль как способность «инициировать процессы развития, подталкивать, быть катализатором изменений в отношениях отца, матери и ребенка». Однако изменения в обществе и культуре приводят к тому, что отец утрачивает функцию связующего звена с обществом (Зойя, 2018).

Образ отца в психоаналитическом подходе

В ПА подходе отсутствует единая классификация отцовских образов. Обычно рассматриваются отношения с «реальным» отцом и их влияние на дальнейшее эмоциональное развитие. Однако можно выделить несколько устойчивых паттернов, имеющих развитие в психоанализе.

Праотец, доисторический отец орды, первобытный отец

В работе «Тотем и табу» (Фрейд, 2017) Фрейд поднимает тему доисторического жестокого и ревнивого отца, первобытного отца, праотца, забирающего себе всех самок и изгоняющего подрастающих сыновей, угрожающих его могуществу. Вся власть в первобытной доисторической орде принадлежала праотцу. В своей гипотезе существования подобного отца Фрейд опирался на работы Ч. Дарвина и Дж. Аткинсона о первичном состоянии человека.

Смерть праотца приходит от рук изгнанных детей, которые, объединившись, убивают его, а затем поедают. Братья испытывали амбивалентные чувства к отцу. С одной стороны, ненависть – как к объекту, запрещающему и не позволяющему взять власть, удовлетворить свои сексуальные влечения. Но также братья испытывали восхищение отцом, любовь к нему как к грандиозной фигуре. Идентификация через интроекцию (поедание) приводит к тому, что фигура доисторического отца становится фигурой бога, тотемным животным, которому стали поклоняться братья. Из образа жестокого, карающего и запрещающего отца он трансформируется в иного – униженного, убитого и принесенного в жертву. После триумфа победы у сыновей появляются раскаяние и тоска по отцу. В дальнейшем

дети накладывают на себя самоограничения в пользу божества. Дабы не повторить судьбу отца, братья отказываются от сексуальных притязаний на женщин рода (инцестуозный запрет).

Мертвый, убитый и символический отец

Фрейд ввел взаимозаменяемые понятия «мертвый отец» и «символический отец» (Фрейд, 2017). Убийство отца и поедание отца изгнанными сыновьями в акте тотемистической трапезы – это желание свергнуть своего отца и присвоить часть его власти. Но, утолив свою ненависть и желание отождествиться с ним, они попадают под власть раскаяния. Мертвый отец становится сильнее, чем при жизни.

Фрейд обсуждает тему убийства отца и как миф, и как вытесненное, но оставаясь на позиции, что убийство отца – обязательное и необходимое требование для возникновения социального порядка. Фрейд считал, что именно отец является виновником перверсий пациентов, подчеркивая, что история об убитом отце будет присутствовать в бессознательном каждого человека. Отцеубийство, совершаемое ордой, приносит не только вседозволенность и террор, но и сожаление и вину. Для предотвращения катастрофы им приходится вводить запрет на инцест, что создает институт экзогамии и вводит идею взаимности, что представляет собой начало зарождения общества.

Лакан продолжил развитие этой темы, подчеркивая, что смерть отца является важным рубежом и влияет на дальнейшее развитие личности (*Rosolato, 1969*). «*Отец вступает в свою функцию отца в психическом только в качестве мертвого отца*» (Винтер, 2021). Отказ повиноваться отцу означает «убийство» отца в качестве всемогущей инстанции. Это символическая операция над репрезентацией отца, которого мы воображаем всемогущим. Так мы избавляемся от мифического отца и находим символического.

Перелберг (*Perelberg, 2009*) представляет «мертвого» отца в истории Эдипа как символического третьего, считая, что сведение «убитого» отца к «мертвому» является попыткой регулировать сексуальность – вплоть до полного отказа от нее.

Термин «мертвый отец» используется и как аналогия с «мертвой матерью» Андре Грина (*Green, 1992*). «Мертвая мать» – это мать, которая жива, но в глазах ребенка она мертва психически, потому что впала в депрессию по той или иной причине, например из-за потери любимого объекта: близкого человека или любого другого объекта, сильно инвестированного матерью. Или из-за нарциссической раны: нарушения отношений в семье или близком окружении. Женщина в этом случае поглощена своим собственным внутренним миром, полным траура, ангедонии и мертвости. Мы можем говорить, что «мертвый отец», так же как и «мертвая» мать, поглощен своими внутренними страданиями и не способен предоставить заботу и опору для членов своей семьи и особенно – детей. Такой отец не способен проявлять все свои мужские функции, что приводит к различным нарушениям у его потомства.

Эдипальный отец

Отец для З. Фрейда являлся в первую очередь эдипальным отцом, к которому ребенок-мальчик испытывает одновременно и агрессивные, и нежные чувства. Присутствие сильного отца определяет правильное решение сына, когда придет время выбора объекта противоположного пола.

Ж. Лакан (Лакан, 2002) выделял три стадии эдипова комплекса:

- на первой стадии (также называемой стадией зеркала) отец не появляется как отдельная структура, а воспринимается братом. Между ребенком и «братом» происходит соревнование за диадические отношения с матерью;

- на второй стадии отец появляется уже в образе всемогущей фигуры. Здесь проявляется запрет на диадные отношения между матерью и ребенком. Присутствие отца ослабляет воображаемую связь между ребенком и матерью;

- позитивная идентификация с отцом возникает на третьей стадии. Ребенок желает стать похожим на отца и отказывается от желания стать отцом.

- В работах М. Кляйн (Растин, Растин, 2020) отец на ранних стадиях эдипова комплекса представляется как фигура, заменяющая мать. Дети в страхе потерять основной объект любви используют отца как замену. Процесс разделения либидо между родителями (комбинированная родительская фигура) позволяет развивать объектные отношения и снижает уровень депрессивных чувств, возникающих во второй половине первого года жизни.

В анализе фигуры отца Ж. Шафер (Шафер, 2020) противопоставляет праотца и эдипова отца. Последний не является носителем табу (они остаются в архаичной области и более не вызывают священный ужас), но он вносит запреты эдипового комплекса. Он внушает страх наказания за инцестуозные желания, порождая совесть, мораль, внутренние границы.

Патернальная депривация, отсутствующий отец, изгнанный, аннулированный и запрещенный отец, минимум отца

Психическая депривация (Лангмейер, Матейчик, 1984) – феномен, который возникает вследствие определенной жизненной ситуации, при которой субъекту не предоставлена возможность удовлетворения некоторой основной психической потребности в достаточном объеме и в течение относительно длительного времени. Эмоциональная депривация может возникать в случае недостаточного общения ребенка со значимым другим, с самого рождения ребенка или уже после рождения – как прерывание сильной эмоциональной связи. Подобное становится возможно в случае неполных семей, где отсутствуют отец или мать и другому родителю не всегда можно заметить роль отсутствующего. Поэтому логично можно выделить материнскую и отцовскую (патернальную) депривацию.

В психоаналитической литературе для патернальной депривации используется определение (в некоторых случаях феномен или архетип)

«отсутствующего отца» – отца, не инвестирующего в ребенка эмоционально или даже отсутствующего физически (Лангмейер, Матейчик, 1984). В различных работах рассматриваются истоки его возникновения: феминистические движения, многолетняя борьба за равноправие полов, промышленное развитие в мире, военные конфликты и мировые войны (особенно выделяются первая и вторая мировые войны), политические репрессии. Эти и прочие социокультурные факторы привели к изменениям в образе отца и его функциях.

Мы можем говорить, что формы отсутствия или «недостаточности отца» не эквивалентны (Зойя, 2018). Отцы могут покидать семьи и отказываться заботиться о своих детях, либо их могут изгонять сами матери, отцы могут отсутствовать по причине случайной, мимолетной связи, умирать. Каждая из возможных причин «отсутствия» может приводить к различным последствиям. Причины могут быть как социально одобряемые – трудоголизм, служба в армии во время мировых войн, так и социально не одобряемые – алкогольная и наркотическая зависимость, измена жене и уход в другую семью, отказ от ребенка и дистанцирование от него. Важен не столько способ, каким отец был исключен из семейной системы, сколько последствия: фигура отца для ребенка остается недоступной. Мы можем говорить, что изъятие мужчин (по различным причинам) приводит к тому, что в семьях могут полностью отсутствовать фигуры, выполняющие отцовские функции.

Отсутствие отца в жизни ребенка на разных этапах взросления способно значительно повлиять на психоэмоциональное состояние. В различных психоаналитических школах мы можем обнаружить размышления о том, что отсутствие отца влияет на развитие ребенка, например снижает самооценку и степень овладения агрессией. В период формирования Суперэго у ребенка наблюдается тенденция экстернализовать внутренний конфликт, и именно на этом этапе крайне необходимо присутствие любящего отца, способного смоделировать позитивное отношение к работе, творчеству, настойчивости и ответственности (Коряков).

Херцог (*Herzog*, 2001) предложил концепцию «голод по отцу», рассматривая эмоциональное состояние агрессивной дезорганизации у детей, чьи отцы отсутствуют. Голод по отцу у маленьких мальчиков приводил к расстройству сна и фобиям, у мальчиков постарше – к сверхидентификации с отцом. У девочек на отсутствующего или недостаточного отца чаще наблюдаются депрессивные реакции.

Исследования подростковых самоубийств в Англии выявляют их связь с отсутствием отца в семье (*Campbell*, 1995). Специализированные исследования в Германии показывают, что отсутствие отца больше, чем отсутствие матери, является фактором, толкающим к самоубийству (Зойя, 2018).

Винтер вводит понятие «минимум отца» или «минимального отца» – «его как бы нет, но он все-таки есть» (Винтер, 2021). Автор определяет этим термином тех мужчин, что еще живы, но не хотят иметь ничего общего с семьей своего ребенка и ребенком. Они существуют не потому, что заботятся о своих детях, и не потому, что любят их. Они существуют,

потому что присутствуют два элемента. Первое – существуют «слова матери», которая указывает ребенку, кто его отец. Второе – то, что мать «передает» ребенку волю отца по отношению к нему. Даже если отец не хочет ничего знать о своих детях. «Тот факт, что в данном случае отец выразил свою волю, – это опосредованный способ личного обращения к нему. Это и есть минимальное содержание отцовской функции» (Винтер, 2021).

О превращении отца в исчезающий вид и последствиях данного феномена размышляет Луиджи Зойя в книге «Отец. Исторический, психологический и культурный анализ» (Зойя, 2018). Автор размышляет о том, что психологические функции осуществляются мужчинами все меньше и переходят в руки матерей или иных социальных институтов. Последствия таких изменений катастрофические. Исследования в различных странах показывают, что взамен в семье приходят нищета, маргинальность, пассивность потомков.

Отсутствие отца становится причиной нарушения семейной иерархии, в которой дети должны быть младшими (низшими) по отношению к родителям (старшим и высшим) (Зотова, Летучева, 2021). Вследствие искажения иерархии и недополучения опыта взаимодействия с сильной отцовской фигурой современным отцам становится сложно выполнять свои функции.

Наличие однополых браков (женщин с женщинами, мужчин с мужчинами) ставит вопрос об изменениях в понимании функций и образа отца. В некоторых странах однополые пары заводят детей, используя доноров спермы, или (если разрешено законодательством) берут детей на воспитание из детских домов. В этих условиях стирается грань в образах отцов и матерей. В документах детей отсутствуют графы для подобных ролей. Например, во Франции при искусственной инсеминации графа «Отец» отсутствует вовсе, допускается записывать родителей как «Мать» и «Мать». Причем для гомосексуальных пар подобное пока запрещено (Винтер, 2021). В других примерах родительство вообще отменяет «Мать» и «Отца». В Европе распространена практика, когда родители носят порядковый номер: родитель 1, родитель 2. Или если партнеров в семье несколько, к ним обращаются по первой букве имени: «родитель Е», «родитель Ф», «родитель Ж». Таким образом мы можем говорить не только об «отсутствии» отца, но и также о его «аннулировании». Кроме аннулирования отца мы также можем наблюдать и запрет на его упоминание. Однополые пары имеют право полностью убирать из юридических документов имя донора спермы, тем самым символически запрещая ребенку знать своего отца. В литературе рассматриваются подобные метаморфозы и отмечается, что аннулирование отца и запрет на упоминание его имени влияют на следование основной заповеди отца – «запрет на инцест», что в свою очередь способно значительно влиять на дальнейшее развитие и формирование психики ребенка.

Смешной и униженный отец

Отношение ребенка к своим родителям не может быть только положительным. Но отношение к обесцененным матерями и отцам различно (Зойя, 2001). Если мать оказывается униженной, то ребенок продолжает любить ее, возможно – будет ей сочувствовать. К отцу отношение иное. Дети хотят видеть отца сильным, победителем, несущим знамя добра и любви. Что, если отцы не оправдывают надежд?

В книге «Будущее отца» Жан-Пьер Винтер (Винтер, 2021) предлагает рассмотреть фигуру отца и в неприглядном свете. Он приводит примеры, когда в литературе рассматривается отец, вызывающий насмешки или отвращение, т. н. «униженный отец». Это отец, похожий на клоуна или шута, к тому же плохо играющего. Униженный и презираемый отец – это перевернутое отражение всемогущего Бога. Если применять термины юнгианской школы психоанализа, то это «тень» отца. Для детей такой отец приносит страдания, особенно для сына, который не может простить отцу того, что тот смешон в его глазах. Поскольку отношение к отцу как к сакральной фигуре является естественными, то выставление отца в смешном виде кажется нам святотатством.

Однако понятие сакральности отца носит амбивалентный характер (Винтер, 2021). К тому же обращение того или иного чувства в противоположность – это реалии нашей психической жизни. И поэтому смех над отцом можно рассматривать как результат конфликта между сакральностью воли отца (ставшей бессмертной благодаря фантазму его убийства) и неприглядным, постыдным и смешным воплощением отца в обыкновенном мужчине.

Отец, выставляющий себя в смешном виде, не перестает быть отцом. «Смехотворность» отца есть выражение амбивалентности сына, включающей в себя и любовь, и ненависть – чувства, всегда присутствующие в отношениях между детьми и отцом. Задачей сына является, в конце концов, обрести свое достоинство, обнаружив достоинство отца, отказавшись от части своих претензий. Здесь открывается двойная суть его чувства к отцу – и его принятие.

Идеальный отец, достаточно хороший и достаточно плохой отец

Образ идеального отца – это недостижимый идеал. Для женщин это означает, что им сложно, практически невозможно найти себе партнера, поскольку каждый мужчина сравнивается с идеальным образом отца и практически каждый – обречен проиграть. Мужчины, храня образ идеального отца, постоянно проигрывают ему и отказываются от конкуренции. Это может проявиться и в личных отношениях, и в работе. Также мужчины могут присвоить теневую сторону идеального непогрешимого отца и конкурировать с ней. Цель такой конкуренции – добиться внимания отца и, если не получается выиграть там, где он идеален, выиграть там, где он плох. Также при идеализации отца теневые аспекты его фигуры

могут приписываться себе либо проецироваться на окружающих. (Зотова, Летучева, 2021).

Роль совершенного отца неоднозначна (Липпо, 2006). Достигший большого успеха в своей жизни отец способен подавлять стремление сына к самоактуализации. Излишнее дружелюбие, безграничная поддержка отца приводят мужчин к дискретному восприятию своей жизни, что не позволяет сформировать навыки прослеживания связи между прошлым и настоящим. Излишняя забота, постоянная готовность отца принимать дочь как есть, поддерживать и помогать формируют позитивные отношения между ними, но в то же время формируют у дочери зависимость от отца и несостоятельность в быту.

По аналогии с «достаточно хорошей матерью» Винникотта в литературе используется определение «достаточно хороший отец». В опыте взаимодействия с «достаточно хорошим отцом» можно выделить следующие воспоминания детей (Зотова, Летучева, 2021):

- защищал, проявляя свою силу безопасным образом;
- устанавливал границы и правила, настаивал на их соблюдении;
- хвалил, одобрял гордился и восхищался;
- требовал от ребенка сделать что-то хорошо;
- проявлял нежность и уважение к матери ребенка;
- радовался полу ребенка (девочка или мальчик);
- играл с ребенком, занимался общими делами;
- был предметом гордости.

Новый отец, будущий отец

Концепции архетипических отцов (в которых заложен целый ряд отцовских божеств, стоящих за привычными образами отца) вступают в конфликт с современными социальными изменениями. Эти конфликты формируют образ «нового» отца, носители которого формируют иные интересные отцовские комплексы (Каст, 2020).

В книге «Отец. Исторический, психологический и культурный анализ» Луиджи Зойя ссылается на исследования, указывающие, что в США образ отца переместился от главы семейства к со-parent, к образу, в котором отец разделяет обязанности матери. Однако эти изменения незначительны, поскольку опросы часто выявляют не то, что есть, а идеальные образы в нашей голове, в которые мы верим или хотим верить. Это не означает, что мир меняется. Автор приводит аналогию: «Голова осовременилась. Ноги продолжают стоять на тысячелетиях католичества».

Рассматривая различные ипостаси «отсутствующего» отца, исследователи затрагивают тему биологического аннулирования отца. Мы можем говорить, что первый (биологический) принцип в настоящее время может отрицаться как необходимый и, как следствие, он вытесняется из семьи. В однополых браках также может меняться (нарушаться) и вторая составная часть – социальная. Поскольку в «новых» семьях могут отсутствовать мужчина и присутствовать только две мамы или, как уже приводился

пример, используются номера в качестве определения родителей – «родитель 1» и «родитель 2». В настоящее время нет однозначного ответа, хорошо это или плохо, для этого понадобится время жизни нескольких поколений (Винтер, 2021).

Репрезентации образа отца во взаимоотношениях между сотрудниками и лидерами организаций

Исследования влияния образа отца в большинстве своем охватывают личную сферу. Достаточно много исследований посвящено влиянию образа отца на детей и выбор партнера. Есть ряд работ, исследующих влияние образа отца на становление лидеров, но по-прежнему крайне мало исследований и литературы, уделяющей внимание специфике влияния образов отца на индивидов в рабочей среде. Далее мы рассмотрим некоторые концепции, используемые в психодинамическом (основанном на психоанализе) консультировании и коучинге организаций и групп.

Перенос и контрперенос в группах и организациях

Шандор Ференци в работе «Теория и практика психоанализа» (Ференци, 2000) писал о потребности ребенка перенести потребность подчиняться с отца на иную авторитетную фигуру, в качестве которой могут выступать учителя, начальники и иные обладающие властью люди. Опыт прошлого опыта, прошлых отношений со значимыми фигурами формирует внутренний мир индивида. Проецирование ожиданий и представлений о подобных прошлых отношениях на отношения в настоящем с другими людьми в личной и рабочей сферах в психоанализе принято называть «переносом». Сам перенос как феномен бессознательного не является патологией, но он способен принимать паталогический характер, если восприятие реальности искажено и перенос не может быть скорректирован новым опытом. Контрперенос означает реакции, чувства, образы и импульсы к действию у психотерапевта в процессе работы с пациентами. Позже термины «перенос» и «контрперенос» стали использоваться психодинамически ориентированными консультантами в процессе работы с группами и организациями (Гирнальзик и др., 2019; Ward, 2008).

Перенос и контрперенос являются феноменами нашей повседневной жизни. Не всегда индивид способен провести различие между реалистичными и переносными чувствами переноса и контрпереноса (Винникотт, 2021). Примеры, которые мы можем наблюдать в рабочих группах и организациях, подтверждают это. Например, «нейтральный» руководитель может восприниматься как отторгающий и вечно недовольный и критикующий отец. Тщеславный коллега может восприниматься индивидом как опасный соперник-сibling (Гирнальзик и др., 2019).

События в прошлом, ранние взаимоотношения оказывают влияние на индивидов на протяжении всей жизни. В работах различных авторов рассматривается возможность проживать свои ранние детские конфликты, находясь в группах.

Хайман Спотниц (Белоскокова, 2021) предполагает, что группа может предоставлять шанс пережить прошлый опыт, детство в «семье», одновременно научаясь новым, более зрелым способам коммуникации. Спотниц проводил свои исследования в рамках групповой психотерапии, но мы можем говорить, что подобные процессы присутствуют не только в рамках временных групп, но также и в рабочих группах организаций.

Луис Ормонт (Ормонт, 1998), исследуя структуру переноса, отмечал, что все люди несут в себе образы матери, отца и иных фигур, значимых для них в детстве. С каждым объектом существует недописанный сценарий, и каждый сценарий ищет случая завершиться. Люди пытаются дописать свои сценарии, подвести драму к финалу с любыми доступными фигурами, в том числе на работе – с коллегами, руководителями, подчиненными. Примеряя свой опыт, они переносят на окружающих свой опыт и реагируют на эти «картинки» словно на настоящие фигуры. Группы, в которых они оказываются, служат им опорой в проработке этих сценариев.

Г. Левинсону (Белоскокова, 2021) принадлежит идея психологического контракта между работодателем и сотрудниками – существования неписаного, неясного, но постоянно действующего набора ожиданий каждого участника рабочих отношений. Левинсон выявил взаимосвязь между различными типами переноса у сотрудников в зависимости от типа личности и лидера. В том числе он описывал потребности сотрудников в зависимости и опоре на лидера как на родительскую фигуру, подчеркивая опасность недооценки последними подобных потребностей в организациях и группах. Были выделены три доминирующие психологические проблемы: зависимость, дистанция и изменения. Зависимость предполагает отношение к руководителю как к родительской фигуре, обладающей властью и полномочиями принимать решение. Причем зависимость не является односторонним процессом – это процесс, в котором ожидания присутствуют и у руководителей, и у подчиненных.

Отто Кернберг рассматривал формирование и влияние коллективных переносов в работе организаций. Он отмечал присутствие бессознательного и сознательной зависти к лидеру, которая смешивалась с доэдипальными и эдипальными конфликтами. *«В результате этих тенденций образ лидера превращается в уме последователей в образ человека, который выполняет (и, следовательно, фрустрирует) волшебные ожидания защиты руководства, опеки и личной привязанности и любви»* (Кернберг, 2018, с.154).

Проекции в группах и организациях

Защитные механизмы присущи всем людям. Они формируются в раннем детстве и используются как способ познания мира. В организациях мы часто можем наблюдать такие защиты, как проекция, интроекция, проективная идентификация, регрессия и др. (Белоскокова, 2021; Гирнальзик, 2019).

Исследование и анализ применяемых защит индивидов, групп и организаций является одним из инструментов в психодинамически

ориентированном коучинге. На практике это может быть использовано для задач (Халеле, 2021):

- executive-коучинга;
- оценки руководителей при найме, развитии или кризисном управлении;
- предсказания текучести кадров (приводился пример терапевтического сообщества, где требовалось обеспечить работу персонала в течение не менее трех лет);
- подбора и формирования команд.

В процессе работы в психодинамическом коучинге можно выделить разнообразные проекции, связанные с образом отца, наблюдаемые в бессознательных играх клиентов с авторитетными фигурами в организациях и бизнесе:

1. желание оказаться в подчинении или в партнерстве с мужчинами, напоминающими отцовскую фигуру;

2. недоверие мужской части населения к руководителю, особенно в случаях пренебрежения собственным отцом или замещающей его фигурой (дедом, дядей, отчимом);

3. сотрудники могут бессознательно выбирать себе в качестве руководителей мужчин, исходя из внутреннего образа отца, которые не относятся к ним достаточно хорошо, чтобы попытаться воспроизвести прошлые отношения и взять контроль над ситуацией в свои руки;

4. поиск в руководителе, партнере по бизнесу объекта для ревности. Страх, что найдут кого-то лучше;

5. страх и избегание принятия благодарности, поскольку не привыкли к тому, чтобы отец их хвалил. И потому воспринимают похвалу как то, чего они не заслуживают;

6. структурная распушенность, злоупотребление алкоголем и наркотическими веществами – как необходимость заполнить эмоциональную дыру, оставленную отцом;

7. стремление к чрезмерному очень близкому общению и дружбе с «фигурой отца» в организационной структуре или бизнесе, чтобы чувствовать себя «любимым-нужным» человеком;

8. проблемы взаимоотношений с противоположным полом в профессиональной среде при отсутствии адекватных моделей взаимоотношений между отцовской и материнской фигурами;

9. разочарование в своей работе, бизнесе, коллегах, руководителя из-за сильного отца. Любой руководитель, сотрудник проигрывает грандиозной фигуре отца. Эти заместители фигуры не соответствуют высоким стандартам. Таким «разочарованным» индивидам очень сложно найти достойного руководителя или партнера;

10. сверхинтенсивное ожидание заботы и поддержки от «фигуры отца», что вызывает сильную зависимость и подавление своих интересов;

11. завышенные ожидания в финансовой мотивации, требование особых условий от руководителей, поскольку отец всегда был готов сделать для индивида что угодно;

12. желание находиться в центре внимания руководителей и партнеров по бизнесу, если в них видят «фигуру отца».

Руководители как объекты идентификации

Под идентификацией будем понимать психологический процесс, при помощи которого субъект присваивает свойства, качества, атрибуты другого человека, или, другими словами, образ. При этом, используя образ, субъект преобразует себя целиком или частично.

Добровольное подчинение возможно в случае идентификации сотрудников со своим руководством. И именно этот процесс позволяет лидерам организаций вести сотрудников за собой.

Руководители как объекты для идентификации выполняют функцию «связующего звена». Причем в условиях быстрых изменений в организации или ее окружении возрастает значение привязанности сотрудников именно через руководителей, с которыми они контактируют. Руководители становятся ориентирами, на которых равняются.

Отмечается, что решающую роль для процесса идентификации играет коммуникация между сотрудниками и руководителями, а также предоставление достаточного пространства для развития положительного переноса (Халеле, 2021).

Влияние образа отца на карьерный и профессиональный путь

Влияние образа отца на выбор карьерного и профессионального пути, производительность и работоспособность неоднократно упоминается в психоаналитической литературе, на лекциях и семинарах. Оля Халеле (Халеле, 2021) – психоаналитический психотерапевт и организационный консультант, профессиональный партнер в Тавистокском институте на семинаре по теме психоаналитической диагностики/оценки топ-руководителя, проводившейся для ВШЭ в 2021 году, – приводила пример, связанный с падением производительности. К ней обратилась за помощью компания. Производительность одного из руководителей (Джон) резко изменилась без видимых для окружающих причин. Он входил в список самых высокопроизводительных и результативных менеджеров. Джону предложили другую роль в компании, посчитав, что, возможно, это поможет ему выйти из застоя. Но и на новой позиции он не справлялся с работой. В ходе диагностических интервью выяснилось, что этот руководитель достиг того самого возраста, в котором его отец в свое время был сокращен. После этого негативного события отец не смог восстановиться по службе и его карьера была закончена. Вскоре отец умер. Оля предложила клиенту связать события с отцом и текущим падением производительности. Джон был поражен подобной интерпретацией и связыванием событий, но подтвердил, что увольнение и смерть отца, возможно, негативно влияют и на него. В течение нескольких месяцев после работы с коучем у Джона наметился прогресс, и он постепенно вернул свою работоспособность.

Морин Мердок (Мердок, 2021) ссылается на свой психотерапевтический опыт и пишет, что существуют определенные модели поведения и черты характера, свойственные дочерям во взрослом возрасте. Имея крепкие и теплые отношения с отцом, повзрослев, они продолжают идентифицировать себя с ним. Если дочь в детстве выступала поверенной отца, выполняла функции больше жены, чем дочери, то взрослой, например на работе, она продолжает играть привычную для нее роль. Женщина становится «приближенной» своего начальника – как человека, наделенного властными полномочиями. Она продолжает выступать во второстепенной роли, как дочь своего отца. В этом случае мы можем наблюдать, что женщина не имеет собственной власти, но является прекрасной помощницей мужчины.

Наблюдения за влиянием образа отца приведено в книге Верены Каст «Отцы-дочери, матери-сыновья». Бернардони и Вердер обнаружили корреляцию, что у 8 из 10 женщин с успешной карьерой отцы были академическими учеными и именно они были образцом для подражания, а не матери. Эти отцы старались вырастить своих дочерей независимыми и самостоятельными. Успешные женщины описывали своих отцов как динамичных, активных, интеллектуальных, целеустремленных и либеральных.

Одним из перспективных направлений в психодинамическом коучинге отечественного бизнеса может стать тема передачи бизнеса по наследству. В 90-е годы прошлого века в России были созданы предпосылки для формирования слоя предпринимателей. Спустя 30 лет те, кто начинал тогда, подходят к возрасту 50–70 лет. В этом случае сложно продолжать управлять своим бизнесом, и требуется передача управления – в руки своих детей или наемной топ-команде. Конфликты, возникающие в семьях, переносятся в бизнес и могут приводить к потере доли рынка, продаже компаний и иным потерям. В данном направлении мало работ, но с уверенностью можно сказать, что театры неврозов бизнес-семей переносятся в организации, на сотрудников, и уже последние отыгрывают в рабочих отношениях проблемы владельцев.

Заключение

Анализ психоаналитической литературы позволяет утверждать, что отношения с отцом оказывают сильнейшее влияние на формирование образа отца и в дальнейшем этот образ оказывает влияние на поведение субъекта.

Исследование функций отца, отцовской роли и образа отца в психоаналитических подходах до сих пор более фрагментарно по сравнению с исследованиями влияния взаимоотношений с матерью. Поэтому представляется интересным и важным прояснить взаимоотношения (а также их изменения) между отцом и ребенком в различные «переходные» периоды (доэдиповый, эдиповый и постэдиповый). Особый интерес вызывает трансформация роли отца в условиях изменений текущих социальных процессов. Начиная с Фрейда психоаналитики обращали внимание на то,

какие основные функции несет отец. В данной статье прослежено изучение этого влияния в теории объектных отношений (М. Кляйн, Д. Винникот и др.), селф-психологии Х. Кохута, структурном психоанализе Ж. Лакана, теории привязанности Д. Боулби и системно-ориентированной семейной психотерапии М. Боуэна.

По отношению к своим детям отцы могут выполнять функции в различных ролях: отец как третий, отец как мужчина, отец как муж и любовник матери и др. Выполнение или невыполнение функций позволяет определить паттерны, которые мы можем наблюдать в обществе: отсутствующий отец (изгнанный, аннулированный или запрещенный), смешной и униженный отец, идеальный отец и достаточно хороший и достаточно плохой отец и др. Данные образы отцов оказывают различное, но важное влияние на становление индивида в социальной и рабочей средах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белоскокова-Михайлова Е.* Психоанализ бизнеса. М.: Когито-Центр, 2021. 197 с.
2. *Боулби Д.* Привязанность. М.: Гардарики, 2003. 477 с.
3. *Боулби Д.* Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: Академический проект, 2004. 232 с.
4. *Винникотт Д. В.* Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. 288 с.
5. *Винникотт Д. В.* и др. О контрпереносе. Эра контрпереноса: Антология
6. психоаналитических исследований. М.: Академический проект. 2021. 508 с.
7. *Винтер Ж.* Будущее отца: как изменится его место в семье и обществе? / Пер. с фр. М.: Когито-Центр, 2021. 179 с.
8. *Гирнальзик Т., Катуржевский А., Ломер. М.* Бессознательное в организации. Психодинамика руководства, консалтинга и управления изменениями. М.: Независимая фирма «Класс», 2019. 416 с.
9. *Грин Андре.* Мертвая мать // Французская психоаналитическая школа. Под ред. А. Жибо, А.В. Россохина. СПб: Питер, 2005. 576 с. С. 333–361.
10. *Гулина М.А.* Ипостаси и трансформации образа отца в психоанализе // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 1. С. 129–145.
11. *Дольто Ф.* На стороне ребенка. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. 672 с.
12. *Зойя Л.* Отец. Исторический, психологический и культурный анализ. М.: Независимая фирма «Класс», 2018. 352 с.
13. *Зотова Ю., Летучева М.* Все дело в папе. Работа с фигурой отца в психологическом консультировании. М.: Независимая фирма «Класс», 2021. 344 с.
14. *Каст В.* Отцы – дочери, матери – сыновья. Путь от отцовского и материнского комплексов к собственной личностной идентичности. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. с. 184.
15. *Кернберг О.* Конфликт, лидерство, идеология в группах и организациях. М.: Независимая фирма «Класс», 2018. 424 с.

16. *Кляйн М., Айзекс С., Райвери Д., Хайманн П.* Развитие в психоанализе. М.: Академический проект, 2001. 512 с.
17. *Кохут Х.* Восстановление самости. М.: Когито-Центр, 2002. 368 с.
18. *Кочубей Б. И.* Мужчина и ребенок. М.: Знание. 1993. Вып. 7.
19. *Лакан Ж.* Образования бессознательного. Семинары. Кн. 5. М.: Логос, Гнозис, 2002. 608 с.
20. *Лангмейер Й., Матейчек З.* Психическая депривация в детском возрасте. Прага: Авиценум, 1984.
21. Липпо С.В. Образ отца как фактор самоактуализации личности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. РГПУ имени А.И. Герцена. Спб., 2006. <https://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-01/dissertaciya-obraz-ottsa-kak-faktor-samoaktualizatsii-lichnosti>
22. *Мердок М.* Дочери своих отцов: как разорвать связующие узы. Исследование теневой стороны отцовской любви в мифах, сказках и юнгианской психологии. М.: Касталия, 2021. 296 с.
23. Ормонт Л. Групповая психотерапия: от теории к практике. СПб.: Связанные практики, 1998.
24. *Растин М.* Читая Кляйн. М.: ИОИ, 2020. 352 с.
25. *Соловьев А.В.* Психологический контракт. Критический анализ теории и практики: монография. М.: Проспект, 2021. 272 с.
26. *Тайсон Ф., Тайсон Р.* Психоаналитические теории развития. Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 528 с.
27. Ференци Ш. Теория и практика психоанализа. М.: ПЕР СЭ, СПб.: Университетская книга, 2000. 320 с.
28. Фигдор Г. Развод. Излечение травмы утраты и предательства. СПб.: Питер, 2021. 400 с. (Серия «Психология для профессионалов»).
29. *Фрейд З.* Анализ фобии пятилетнего мальчика // Психоанализ и детские неврозы. СПб.: Алетейя, 2000. С. 143–277.
30. *Фрейд З.* Психоанализ творчества. Леонардо да Винчи, Микеланджело, Достоевский. Москва: Алгоритм, 2016. 256 с.
31. *Фрейд З.* Толкование сновидений. СПб.: Азбука. 2015. (Серия «Азбука-классика. Non-Fiction»).
32. *Фрейд З.* Тотем и табу. СПб.: Азбука, 2017. (Серия «Азбука-классика. Non-Fiction»).
33. *Фрейд З.* Я и Оно. М.: АСТ, 2020.
34. *Халеле О.* Психодинамический подход к оценке топ-менеджеров. 10–11 декабря 2021 г. Семинар: <https://www.hse.ru/ma/psyana/announcements/534329716.html>
35. *Шаффер Ж.* От не-отца первобытного племени к отцу-любовнику и эдипальному отцу // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2020. Т. 1. № 1. НИУ ВШЭ.
36. Campbell D. The role of the father in a pre-suicide state // The International Journal of Psychoanalysis, 76 (2), 1995. P. 315–323.
37. *Diamond M. J.* The Shaping of masculinity revisioning boys turning away from their mothers to construct male gender identity // The International Journal of, 2004. Vol. 85. P. 359–381.

38. *Herzog J.M.* Father Hunger: Explorations with Adults and Children. Hillsdale, NJ: The Analytic Press, 2001. 324 p.
39. *Loewald H.* Ego and reality // The International Journal of Psychoanalysis, 1951. Vol. 32. P. 10–18.
40. *Diamond M.J.* The Shaping of masculinity revisioning boys turning away from their mothers to construct male gender identity // The International Journal of Psychoanalysis, 2004. Vol. 85. P. 359–381.
41. *Muslin H. L.* On the resistance to parenthood: considerations of the self of the father. In R.S. Cohen, B.J. Cohler, S.H. Weisman (Eds.), *Parenthood: A Psychodynamic Perspective*. N-Y: Guilford Press, 1984. 362 p.
42. *Perelberg R.J.* Murdered father; dead father: revisiting the Oedipus complex // The International Journal of Psychoanalysis, Vol. 90 (4), 2009. P. 713–732.
43. *Rosolato G.* *Essais sur le symbolique*. Gallimard, 1969. 368 p.
44. *Target M., Fonagy P.* Fathers in modern psychoanalysis and in society: the role of the father and child development // Trowell J., Etchegoyen A. (eds). *The importance of fathers*. Hove: Brunner-Routledge, 2002. P. 45–67.
45. *Trowell J.* Setting the scene // Trowell J., Etchegoyen A. (eds). *The importance of fathers*. Hove: Brunner-Routledge, 2002. P. 3–20
46. *Ward G.* Towards Executive Change: A psychodynamic group coaching model for short executive programmes. *International Journal of Evidence Based Coaching and Mentoring*. 2008. Vol. 6 (1). P. 67–80.

Image of father influence professional and career development

A. G. Selyaev, M. Y. Staviskij

Selyaev Alexander G., coach, mentor, organization consultant. More than 12 years of management experience in global companies. The IT process management expert. Certified Scrum Master.

Staviskij Mihail Yu., Master of Business Administration, Master of psychology, master of economics, psychoanalytic-oriented business consulter, supervisor, Member of the Expert Council of the National Federation of Coaches and Mentors.

The article discloses psychodynamics aspects of early relationship influence with father on organization context and relationships built in professional environment. The multiple number of different functions, that image of father includes, brings a big impact on all life areas, including professional identification, career grow, relationship build with leads in organization and business context.

Keywords: organization psychoanalysis, image of farther, missing farther.

ПСИХОАНАЛИЗ КИНО

«Кто-то должен умереть»: делегированное (само)убийство как решение депрессивного психоза в фильме Ларса фон Триера «Антихрист»

О. А. Кулик, Д. А. Бочков

Кулик Ольга Александровна – магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный психотерапевт, клинический психолог.

Бочков Дмитрий Андреевич – философ, специалист по современной французской философии и социологии, старший научный редактор АНО «Большая российская энциклопедия», сотрудник Центра медицинской антропологии РАН (Москва).

В данной статье рассмотрены механизмы формирования феноменов делегированного самоубийства и, как мы это назвали, делегированного убийства как способов психически справиться с непереносимыми аффектами депрессии психотического уровня. В целях наглядной демонстрации данных психических решений мы проводим анализ художественного фильма «Антихрист» сценариста и режиссера Ларса фон Триера, представленного им в 2009 году. Делегированное самоубийство и делегированное убийство – это решения, представляющие собой выход из психотического уровня депрессии и реализуемые с помощью работы механизма проективной идентификации, в том числе с участием защитного механизма расщепления Я на «хороший» и «деструктивный» объекты. Если суицид представляет собой меланхолическое решение, поскольку является актингом,отреагированием, поведенческим путем, свойственным пограничным личностям, то в случае психоза мы говорим о категории психоневрозов, особенностью которых является попытка решения внутриспсихических конфликтов путем психической проработки, ментализации. С помощью делегированного убийства или самоубийства достигается удовлетворение потребности в наказании, а аффект вины связывается. Делегированное самоубийство представляет собой акт, в котором индивид посредством проективной идентификации и проекции вынуждает другого человека,

объект, совершить самоубийство, проецируя в него свои садистические и саморазрушительные чувства, – эти процессы также будут проиллюстрированы на примере фильма «Антихрист». Делегированное убийство представляет собой акт, посредством которого, благодаря действию проективной идентификации и индукции бреда, субъект вынуждает объект, другого, убить его (т. е. субъект), предварительно спроецировав в объект хрупкий «хороший» внутренний объект (хрупкую мать), который необходимо защищать от собственной деструктивности. Иными словами, субъект спасает хороший внутренний объект от собственных деструктивных импульсов и ужасающей ненависти ценой собственной жизни. Порой это решение провоцируется выходом из-под контроля собственных садистических чувств субъекта и достигается за счет того, что объект ставится перед выбором: либо он будет убит, либо он должен убить. Говоря прямо: «Если ты не убьешь меня, я убью тебя».

Ключевые слова: психотическая депрессия, психоз, самоубийство, делегированное самоубийство, проективная идентификация, вина, инцест, «Антихрист», Ларс фон Триер, Поль-Клод Ракамье.

Введение

Фильм «Антихрист», который датский режиссер Ларс фон Триер представил на Каннском кинофестивале в 2009 году, взбудоражил аудиторию и членов жюри из-за своей неприкрытой экстремальной жестокости и почти порнографических сцен. В то время как приз за лучшую женскую роль получила актриса Шарлотта Генсбур, воплотившая женский образ в картине, обозначенный в титрах просто как «Она», христианское экуменическое жюри кинофестиваля присудило фильму импровизированную «антинаграду» за вопиющую мизогинию, смешанную с претенциозностью режиссера. Неудивительно, что трикстер и провокатор Ларс фон Триер считает «Антихриста» своим лучшим произведением. Отношения фон Триера со своей аудиторией, часто принимающие форму навязанного зрителям вуайеризма, регулярно попадают в фокус исследований, авторы которых задаются вопросом, как именно датский кинорежиссер управляет аффектами зрителя, превратившегося тем самым в соучастника. Этому погружению способствует экспериментальный киноязык фон Триера, сочетающий избыточную визуальность и сухость кадров, снятых на ручную камеру, постбрехтианская эстетика (Koutsourakis, 2013). Подобная стилистика просматривается и в «Антихристе», в котором Триер соединяет, например, кропотливо выстроенные поэтические кадры в лесу, снятые на замедленной съемке, с «домашними» сценами, в которых ручная камера, не прерывая псевдодокументальную съемку, то фокусируется на определенных фрагментах, то возвращается на изначальный план. Исследователь медиа Никола Эванс прямо заявляет (Evans, 2014), что цель Триера как режиссера – заставить свою аудиторию страдать. Соматическое измерение и, в случае «Антихриста», членовредительство играют немаловажную роль в конструировании аффекта, на что указывают многие авторы

(*Badley, 2013*). В этом Триер следует конвенциям классического хоррора – причинению боли наслаждающимся женщинам – и идет еще дальше, переводя их из регистра метафоры в откровенную демонстрацию страдания. Режиссер не оставляет зрителю выбора: например, в сцене, в которой Она калечит свои гениталии, кадр построен таким образом, что можно либо смотреть, либо закрыть глаза (*Galt, 2016*).

Тема членовредительства вскрывает также психоаналитическое измерение «Антихриста» – Мириам Леонард сравнивает (*Leonard, 2016, p. 344*) сцены калечения ног сына и мужа с трагедией хромого Эдипа. Дэвид Денни называет семью, показанную в «Антихристе», инцестуозной «обратной стороной Эдипа» (*Denny, 2016, p. 171*). Норвежский психолог Сири Эрика Гуллестад также обращает внимание на эту параллель «калечение ноги – Эдип» и анализирует (*Gullestad, 2011*) садизм матери по отношению к собственному сыну. По ее мнению, она получает удовлетворение от его плача и неправильно обувает для того, чтобы он никуда от нее не ушел – чтобы справиться со своей тревогой от сепарации. Крик младенца в лесу – это преследующий ее повсеместно фантазм, возникший оттого, что она не принимает садистические импульсы по отношению к сыну как свои собственные и проецирует их вовне, а они, в свою очередь, возвращаются к ней в виде слуховой галлюцинации (*Gullestad, p. 83*). Другие авторы (*Earle, 2016*), рассматривая обратную сторону членовредительства (селфхарм) с точки зрения теории травмы, полагают, что женщина передислоцировала свою непроработанную психическую травму в соматическое пространство – поэтому она и отрезает себе клитор, так как он виделся ей источником травмы. Следует отметить, что повреждение гениталий зачастую может быть индикатором психотической организации субъекта (*Gullestad, p. 37*). Датский психоаналитик Джуди Гаммельгард, подходя к фильму с лаканианской перспективы, отмечает (*Gammelgaard, 2013*) точку в фабуле (конец четвертой главы), после которой уже нет ни смысла, ни объектных отношений. Остаются только сцены бессмысленного избыточного насилия, связанного с сексуальным, отсылающие к лакановскому Реальному.

Наконец, исследователи настаивают на том, что фильмы Триера необходимо «смотреть» через призму его биографии или, наоборот, что с помощью своих фильмов фон Триер выстраивает свою собственную биографию художника (*Schepelern, 2005*). Последний (на 2022 год) фильм Триера «Дом, который построил Джек» представляет собой ироническую рефлексию о судьбе Художника, в фигуре которого угадывается сам режиссер. Смотреть «Антихриста» и видеть в нем прямое присутствие автора кажется несложным. В 2007 году Ларс фон Триер страдал от очередного затяжного депрессивного периода и не до конца смог оправиться к началу съемок фильма. Депрессия была настолько тяжелой, что режиссер не смог встретиться с претендентами на роли, а впоследствии заявил, что, возможно, не сможет больше снять ни одного фильма. Депрессия (наряду с фобиями и неврозом навязчивых состояний) сопровождает Ларса и его старшего брата на протяжении всей жизни. Режиссеру гораздо больше нравится называть свое состояние «меланхолией»

(Торсен, 2013, с. 71), присущей со времен Ренессанса художникам и творцам. Во взрослом возрасте к депрессии прибавилась тяжелая алкогольная зависимость, что может указывать на невыносимые депрессивные аффекты и попытку от них избавиться хотя бы на короткий промежуток времени. В перерывах в работе его депрессия усугубляется. Любопытно, что во время съемок «Антихриста» состояние режиссера вынудило его отказаться от привычной манеры работы, которую многие характеризуют как маниакальный контроль над всем, что происходит на съемочной площадке, и переложить часть ответственности на оператора и главных актеров (Simmons, 2015).

Из-за неоднозначного женского образа некоторые критики (Brooks, 2009) даже начали подозревать у режиссера страх перед женской сексуальностью, корни которой уходят в отношения с матерью. Журналист Нильс Торсен называет мать Ларса фон Триера, Ингер Хест, «идеалисткой» (Торсен, 2013, с. 16). Он говорит, что все его фильмы в принципе об этом: о тех, кто ставит принципы выше реальности и, пытаясь применить их на практике, превращает все в ад. По словам Ларса фон Триера, его мать была нервным, темпераментным и очень вспыльчивым человеком, страдавшим от повышенного давления. Она пыталась убежать от собственных эмоций в раскладывание пасьянса, все время пыталась держать себя в руках, ежедневно мученически говоря Ларсу, что он сведет ее в могилу, если будет баловаться или не слушаться ее. Ему постоянно напоминали, что из-за него у нее может взорваться сосуд в голове. Помимо этого у нее было множество фобий – она очень боялась заболеть, врачей, больниц, в связи с чем постоянно имела при себе баночку с таблетками, с помощью которых она покончила бы с собой, если бы у нее обнаружили смертельное заболевание. Показательно, что режиссер говорит, что сейчас, будучи взрослым, узнает себя в ее симптомах (Торсен, с. 29). В случае фон Триера интроецированный объект является хрупким, нуждающимся в защите субъекта, объектом, на который совершенно невозможно спроецировать собственную деструкцию, так необходимую для отделения от объекта, который должен родиться в ненависти.

Пролог: акт делегированного самоубийства

«Антихрист» начинается со сцены, в которой крупным планом показано лицо Уиллема Дефо. Он¹ смотрит на Нее, свою жену в исполнении Шарлотты Генсбур; оба героя стоят в душе, на них в замедленной съемке капает вода из душа – капли воды перекликаются с падающим за окном снегом, который мы видим в следующей сцене. Таким же образом на Него будут в замедленной съемке сыпаться желуди, как символ того, что

¹ Мы не просто так используем безличные местоимения при описании мужа и жены, матери и отца. Этот прием использован режиссером как демонстрация того, что у этих мужчины и женщины нет имени (они не обращаются друг к другу с позиции реальности), но также и для иллюстрации того, что эта пара будто бы находится в безраздельной власти Оно: Он, Она и Оно.

природа (Мать-природа) есть зло, что большинство из них было рождено бессмысленно, просто чтобы умереть. Это очень коррелирует с тем, что Ларс фон Триер ощущал себя не выполнявшим функцию рождения объектом. Образ падения появляется в одном из самых ярких детских воспоминаний режиссера. Когда ему было 10 лет, семья взяла его в поездку в горы. Посмотрев на вагончик фуникулера, он представил, что падает в нем вниз, и сказал матери, что, наверно, они бы обрадовались, если бы он был в этом вагончике один, без них. Мать возразила ему, но, по его словам, он ей нисколько не поверил и посчитал ее ответ циничным враньем (Торсен, с. 20). В этом воспоминании вскрываются опасные внутриспсихические конфликты, связанные с собственными убийственными садистическими чувствами и виной.

В прологе мы встречаем два пространства и два скоординированных между собой движения – фрикционные движения отца и матери в душевой и движение Ника в сторону распахнутого окна в детской комнате. Пролог является и главным сюжетным поворотом фильма, и главным его драйвером, определяющим направление фильма, двигающегося к неожиданной развязке в четвертой главе. Это заставляет зрителя по ходу просмотра переосмыслить значения пролога, что приближает его позицию к позиции отца. Топологически это можно обозначить как унификацию пространства. Уже пятый кадр в этой сцене, даже еще до начала секса, показывает зрителю, что есть два разных пространства – горячая душевая с вытяжкой, к которой поднимается пар, и холодная комната со столом, на котором стоят три фигурки, и с открывающимся окном, за которым идет снег; и только потом становится очевидным, что пространство на самом деле одно – за счет того что мать «присутствует» и там, и там, и большой вопрос, с кем у нее крепче связь в тот момент, с мужем или с сыном.

Окно медленно открывается, перед ним стоит стол с тремя фигурами – как будет показано позже, являющимися теми самыми тремя нищими: скорбью, болью и отчаянием, символизирующими депрессию, после прихода которых кто-то должен умереть. Интересно, что эти фигурки также словно намекают на эдипальную триангуляцию Фрейда (Она, Он и ребенок), но в то же время, являясь основными аффектами меланхолии или депрессии, демонстрируют ее недостижимость. Можно подумать, что в данной сцене за манифестным содержанием фрейдовского Эдипа содержится латентное, в виде намека на Эдипа по Кляйн. Он все время будет говорить ей, что все хорошо, не слыша того, о чем Она пытается сказать ему: то, что выглядит нормальным и что ты в силу того, что считаешь себя самым умным, полагаешь нормальным, на самом деле таковым не является.

Важно обратить внимание на то, что эти сцены сняты в замедленном режиме, будто время не имеет власти. Это признак психоза, где Оно подчинило Я и разрушило темпоральность: отныне все события представляются актуальными, а все аффекты проживаются с невыносимой болью и страхом. Эти сцены сопровождаются драматичной говорящей музыкой (ария для сопрано «Lascia Ch'io Pianga» из оперы Георга Фридриха Генделя «Ринальдо») и предстают перед нами частично, раздробленно,

что также отсылает нас к ощущению Я в состоянии психоза: дезинтегрированность и фрагментированность, которые будто невозможно собрать воедино.

То первое появление трех нищих – символов, которые обозначают депрессию и будут показаны как признаки индуцирования бреда, – по замыслу режиссера вновь повторяется уже на второй минуте фильма, в виде изображений в детской книжке, на фоне сцены коитуса родительской пары, где они буквально совокупаются на них. Далее в фильме эти символы поочередно материализуются: олениха, символизирующая скорбь, предстанет перед главным героем с мертворожденным олененком, свисающим у нее под хвостом из вагины, лиса, пожирающая собственные внутренности, символ боли, которую субъект причиняет себе сам, и погребенная заживо ворона, аллегория отчаяния.

Кадр смещается на фон стиральной машины с вращающимся барабаном, что наводит на мысль о запущенном цикле: цикл равно жизнь, жизнь равно движение, которое неизбежно приводит к смерти. И в следующей же сцене мы видим такой же цикл, вращение детских игрушек над кроваткой ребенка, что приводит нас к страшному предположению, что «цикл» ребенка, сына этой страстно занимающейся любовью пары, вот-вот придет к завершению.

Далее мы видим спальню родителей и рацию радионяни, звук которой выключен. Случайно ли? Нам показывают ребенка, мальчика. Он стоит в детской кроватке в соседней с родителями комнате и держит в руках плюшевого мишку, скорее всего, представляющего для него винникоттовский переходный объект. Малыш бьет этим мишкой по рации радионяни, как будто отрицая любую попытку контроля над ним и разрушая правила, не позволяющие ему стать свидетелем родительской первосцены. Нам снова показывают фигурки «трех нищих», мужчин, просящих подаяние, и следующий кадр направлен на ботиночки ребенка – правый и левый ботинки перепутаны. Эта путаница калечит ступни ребенка и, соответственно, лишает его возможности «уйти», но сейчас он босой. После ботиночек мы видим ступню мужчины, который во время секса со своей женой задевает бутылку с водой: бутылка опрокидывается, вода вытекает, предвещая конец.

В этот же момент ребенок выбирается из своей кроватки и смотрит на занимающихся сексом родителей, что является буквальным наблюдением первосцены. Мы видим его улыбку, которая совсем не выглядит детской – в этой улыбке мы можем прочесть то, что ребенок увидел и познал, то, что не должен был, то, что должно было остаться в поле фантазма. Итак, то, благодаря чему его психика могла бы формироваться, стало для него шокирующей реальностью. Взгляд ребенка выдает понимание и осознание того намерения, акта, который он собирается совершить, как будто он получил на это разрешение. Улыбка на его лице выглядит удовлетворенной, выдающей намерение. Это не улыбка ребенка. В конце фильма мы узнаем, что мать, Она, видела, как ребенок идет к окну, залезает на подоконник. Все это мы наблюдаем также замедленно, что предоставляет нам возможность понять, что мать могла бы остановить,

предотвратить гибель своего ребенка, но в этот момент она испытывала оргазм. Здесь мы наблюдаем механизм делегированного самоубийства: это инцест, вину за который мать пытается преодолеть. Ребенок залезает на стол – фигуры трех нищих падают, точнее, он сталкивает их, разбиваясь и разбивая возможность эдипальной триангуляции – все это происходит на фоне неоднократно появляющейся в кадре книги. Судя по сценарию, эта книга, лежащая на столе, – работа американского психотерапевта Аарона Бека «Love is never enough» (*Antichrist*, 2008, p. 3), посвященная проблемам, с которыми сталкиваются супружеские пары. Бек, в частности, известен развитием когнитивной терапии и разработкой тренингов для лечения депрессии; это подтверждает мысль о том, что муж является приверженцем когнитивно-поведенческой терапии.

Мы видим момент, предшествующий оргазму, – эйфория матери, находящейся практически на пике сексуального удовольствия, матери, которая видит, как ее ребенок стоит на подоконнике и совершает последний шаг в своей жизни. Этот оргазм «обоюден»: когда ребенок падает вниз, мы видим его лицо – оно так же, как и лицо его матери, испытывающей оргазм именно в эту же секунду, демонстрирует испытываемое им наслаждение, которое сменяется выражением смирения, спокойствия, удовлетворенности перед лицом неминуемой гибели. Как будто секс, оргазм, влечение к жизни и полет-падение, инцест, смерть, влечение к смерти слились и ощущаются этой парой «мать – сын» одинаково. Что же касается выражения лиц, то их можно прочесть как невероятное наслаждение, так и как ужасающую, шокирующую, непереносимую боль. Делегированный суицид произошел. Ее бессознательное желание выполнено.

По мысли французского психоаналитика Поля-Клода Ракамье, процесс субъективации базируется на работе первичного горя – субъект получает право называться субъектом и вступать в объектные отношения только при наличии фундаментальной способности проделать работу горя по потере первичного объекта, то есть разделить с ним и таким образом увидеть другого (*Racamier*, 1992). Одновременно необходимо принять потерю своего нарциссического всемогущества. Эта потеря первичного объекта на уровне ранних отношений «младенец – мать» станет «прообразом» всех потерь, которые предстоит пережить субъекту в будущем, так как любая потеря – это потеря объекта и она запускает процесс разъединения влечений. Но для того чтобы работа первичного горя стала возможной, мать, как среда, должна быть способна принять деструктивный импульс ребенка, который является влечением к смерти, не разрушиться, переработать его и вернуть младенцу в виде влечения к жизни, ведь объект рождается в ненависти. Что, если мать не смогла этого сделать? Младенец совершал попытки отделиться, выйти из шизоидно-параноидной позиции (в отличие от шизофренического психоза), но мать была слишком хрупкой, она демонстрировала, что разрушается под депрессивными, садистическими импульсами ребенка. Аффекты вины и ненависти могут слиться в плотный узел депрессивного психоза и душить субъект на протяжении всей жизни, вызывая желание найти тот крючок, за который зацепиться, чтобы прекратить эти мучения. В группе риска быть использованными в

виде такого «крючка» оказываются члены семьи человека, страдающего от депрессии, который способен строить отношения только по нарциссическому принципу. Такие отношения могут принимать межпсихический характер и носить проективные черты того, что Ракамье называл «насильственным экспортом». Одной из крайних форм такой экспортизации при отсутствии переходного пространства между субъектом и объектом является делегированное самоубийство – вместо депрессивного субъекта самоубийство совершает другой.

Его принцип описывают (*Hurni & Stoll, 2009*) последователи Ракамье Морис Урни и Джованна Столл на примере нарциссической перверсии. По словам Жанин Шассге-Смиржель перверт очарован разрушением и идеей очищающего самоубийства. Но, продолжают Урни и Столл, на практике перверт оказывается бессильным в разрушении собственного эго, поэтому самоубийство перверт экспортирует, делегирует, доверяет другому, которого считает своим объектом, и наблюдает за (иногда незавершенной) реализацией своих побуждений, получая от этого наслаждение. В свою очередь, мы различаем делегированный суицид первертного нарцисса и депрессивного психотика. Если в первом случае (перверсия, как мы знаем, – защита от психоза) субъект обращается с объектом как с вещью, помойным ведром, сам же при этом не ощущает боли, вкладывая ее всю в другого (*Racamier, 1992*), при психотической депрессии это другое решение, так как психотик видит объект как продолжение себя (*Hurni, 2005*). В случае депрессивного психоза, когда основным аффектом является вина, таким образом делегированный суицид – это попытка психически проработать эту вину. Данным решением Она одновременно причиняет себе невыносимую боль, так как ребенок для Нее не вещь, а продолжение Ее самой и этим Она наказывает себя и в то же время «легитимизирует» свои внутренние боль и вину, привязывая их к реальному событию. Ребенок был босой и смог уйти. Она же, судя по всему, уйти от собственной «хрупкой» матери когда-то попыталась, но не смогла, как и фон Триер, ведь объект рождается в ненависти, а хрупкий объект от этой ненависти разрушается.

В данном акте делегированного суицида мы видим попытку главной героини спроецировать свою боль и вину за инцестуозные, как мы покажем далее, отношения с сыном, которые также реактуализировали Ее инфантильные аффекты вины. С помощью акта суицида своего ребенка мать стремится связать аффект собственной вины и одновременно наказывать себя в попытке разрешить психический конфликт.

Садистическая динамика инцеста

Первая глава («Скорбь») начинается со сцены похорон мальчика, в которой Она идет за гробом в состоянии полной прострации, автоматически подставляя ноги под как будто падающее вперед тело. Она, в отличие от Него, не плачет. Несмотря на обычный режим съемки, все кажется еще более тягучем, чем при замедленном формате, так как звуки отсутствуют. Это тяжелая, пыльная, удушающая безысходность. Создается ощущение,

что мы видим Ее внутреннее восприятие происходящего. Без музыкального сопровождения картинка предстает как будто в трясине или в удушающей пыли боли. Он рыдает, а Она не может даже плакать, Ее лицо выражает лишь пустоту. В какой-то момент Она падает в обморок, и следующая сцена происходит уже в больнице.

Ее психическая игра удалась. Она смогла связать депрессивную вину на реальном событии и получила свое наказание. Теперь Ее пребывание в больнице, под заглушающими боль транквилизаторами абсолютно легитимно. Он заходит к ней в палату с букетом ярко-синих цветов и спрашивает, как Она. В дальнейшем на этих цветах режиссер сделает акцент: когда Он будет говорить Ей о том, что Ее состояние нормально, камера покажет красоту и яркость букета, после чего сместит фокус на процесс гниения и разложения стеблей в воде в прозрачной вазе. Это похоже на попытку привлечь внимание зрителя к тому, что Он в своей уверенности за манифестным содержанием не видит латентного, не смотрит в глубину. Если в прологе вода вытекала из бутылки, как жизнь из их ребенка, то сейчас в ней происходят процессы гниения и разложения. Она что-то говорит ему, и по Ее ответу он понимает или же в очередной раз убеждается, что Она находится под сильным действием медикаментов и имеет проблемы с темпоральностью (восприятие времени нарушено): не понимает, когда Она видела Его в последний раз и сколько времени уже находится в больнице. Она произносит ключевую фразу о том, что Ее лечащий врач, доктор Уэйн, говорит, что Ее скорбь нетипична. Здесь и начинается разворачиваться один из основных конфликтов: Ее скорбь нетипична, с Ней что-то не так. Он самоуверенно заявляет Ей о том, что с Ней все нормально, это нормальный процесс горевания и Он поможет Ей пройти через все эти процессы, через все стадии горя, так как Он знает Ее лучше всех и только Он сможет Ей помочь. Она упрекает Его за завышенное самомнение, за то, что Он считает себя умнее всех, но за этими словами скрывается посыл, проходящий лейтмотивом через весь фильм: Он не просто не понимает Ее, но даже не пытается понять, обесценивая тем самым не только Ее боль, но и все психическое в целом.

Он, будучи психотерапевтом, настаивает на том, чтобы взять собственную жену в терапию – в инцестуозные отношения. Она же говорит Ему о том, что, по мнению доктора Уэйна и по правилам, о которых Она знает, лечение близкого родственника невозможно. Он говорит Ей: «Да, но...» – вовлекая ее тем самым в первертные, садомазохистские отношения, которые впоследствии приведут к трагической развязке. Она пытается объяснить Ему, что виновата в смерти сына, но Он отказывается принимать этот аффект вины, Он игнорирует ее признание. Он настаивает на том, чтобы Она покинула больницу, вынуждает Ее выкинуть дома таблетки в унитаз и, рассказывая Ей о нормальности Ее состояния, законах работы горя, обещает, что проведет Ее этим путем.

Поведение мужа выдает в Нем первертные и нарциссические черты: после похорон, в ходе которых мы видели Его слезы, Он больше не демонстрирует никаких чувств горя и скорби по потере ребенка, полностью переключившись на «спасение» своей жены, при этом важно отметить,

что, называя себя аналитиком, Он постоянно обесценивает чувства и психический мир своей жены, пытаясь доказать Ей, что они ничего не значат: «Пустая болтовня, важны только действия». Все это выглядит как садизм, в котором второй участник не получает удовольствия от мазохизма, так как Она себя уже наказала.

Она упрекает Его в том, что Он никогда не был вовлечен в Ее жизнь и жизнь ребенка. По Ее ощущениям, Она и ребенок никогда не интересовали Его. Он просит провести пример, и Она вспоминает последнее лето, в прямом смысле последнее в жизни их малыша, которое Она провела вдвоем с сыном в их доме в лесу с говорящим названием Эдем. Он аргументирует, что это было именно Ее желание, что именно Она хотела остаться там вдвоем с сыном, писать диссертацию. Она же говорит Ему о том, что свою работу Она так и не закончила, что Его мало интересует, потому что Он этого даже не знал. Такая логика очень напоминает концепцию цензуры любовницы (*Braunschweig & Fain, 1975*). Как будто Он должен был выполнить свою функцию мужчины и разделить мать с ребенком, независимо от Ее желания оставаться в симбиозе с сыном. Позже мы увидим, что Она также была той самой симбиотической хрупкой матерью, которая не позволяла сыну роскоши нахождения себя как отдельной личности и обнаружения Другого.

В приступах отчаяния Она видит себя будто со стороны – мы думаем о деперсонализации, в которой главная героиня ощущает себя фрагментированной, разрушенной, раздробленной на части, но при этом Она как будто получает наслаждение от оргазма. В эти моменты Он, Ее муж, буквально физически учит Ее дышать, как это могла бы делать достаточно хорошая мать, помогая ребенку, преодолевая боль, раскрывая свои легкие внешнему миру, в том числе и внешней реальности. Мы думаем о том, что в момент рождения ребенка, который был отвергнут, вытолкнут во внешний мир, яркий, холодный, враждебный, должен найтись человек, который нанесет ему удар – шлепок, произведет акт, который вынудит младенца сделать первый вздох на другой планете под названием «реальность». В Эдеме Она будет просить ударить Ее во время секса, если Он Ее любит. Мы можем думать, что сформировался материнский перенос. Он же, вследствие своей психической структуры первертного нарцисса, увлекается этим движением проективной идентификации и начинает наносить Ей удар за ударом, с целью заставить Ее вдохнуть этот кислород реальности, выйдя тем самым на доступный Его пониманию путь действий. Он манифестирует желание помочь Ей, но, по нашему предположению, испытывает зависть к Ее способности чувствовать, способности «переживать» жизнь, ведь для того, для кого недоступно почувствовать боль, недоступно и счастье. И садит Ею за это, пытаясь превратить Ее в такого же, как Он.

Каждый момент Ее психической дезинтеграции приводит к компульсивному повторению сексуального акта со своим мужем, который когда-то «стал причиной смерти» Ее сына. Он садистически, «морально» объясняет Ей правила того, что с «аналитиком» сексом лучше не заниматься. Параллельно Он пытается разработать упражнения, иными словами,

актинги, для того чтобы деконденсировать Ее тревогу. Так, Он просит Ее составить список из своих страхов, настаивая на том, что это более продуктивно, чем просто говорить о чем-то (трепаться). День ото дня Ей становится все хуже: пытаюсь вывести психическую боль наружу, Она бьет-ся головой об унитаз. Каждая Его попытка успокоить Ее приводит к компульсивному, жестокому, садистическому коитусу, в котором мы уже не видим занятый любовью, а видим фактически избиение друг друга.

Продолжая попытки «спасти» свою жену, Он предлагает Ей новое упражнение: раз Она не может объяснить Ему, чего Она боится, пусть составит список мест, где Ей страшнее всего находиться. Когда Она говорит Ему о том, что больше всего боится Эдема, их загородного дома, а точнее, леса, окружающего его, Он принимает решение ехать туда, потому что «слова ничего не значат, важны действия», обращаясь к методу экспозиции, который мы также можем расценивать как садистический акт.

С помощью двадцать пятого кадра Ларс фон Триер показывает расщепление: в поезде по дороге в Эдем Она смотрит в окно, в отражении которого мелькает искаженное болью, но в то же время уродливое, пугающее выражение лица главной героини. В вагоне поезда муж предлагает Ей сделать медитацию, представить, что Она ходит по лесу, которого так боится. Он просит Ее закрыть глаза, перенестись в Эдем и описать, что именно Она видит. Она рассказывает Ему о сломанном стволе (фаллический символ) мертвого сухого дерева, с торчащими из него острыми ветками, перед которым Она стоит; он удивительно долго стоит, но уже начинает гнить, что неизбежно. В своих фантазиях Она также видит заброшенную лисью нору в земле, которую мы можем интерпретировать как образ вагины. Она рассуждает, что ствол дерева гниет медленно, но процесс распада уже начался, что мы расцениваем как символическое ощущение героини, будто женское убивает мужское.

Важно отметить, что после этих осознанных видений во время медитации муж сообщает Ей: «Все, что ты могла представить себе в голове, все это ты можешь воплотить в реальность». Иными словами, Он сам подталкивает Ее к уравниванию мыслей и действий, стирая грань между фантазиями и реальностью, что в конечном итоге приведет к кульминации всего массива садизма внутри Нее, который начнет в скором времени прорываться вовне. Несмотря на упражнение в поезде, которое, по замыслу мужа, должно было облегчить нахождение жены в Эдеме, Она вынуждена перебежать мост над речкой по дороге к их дому – Она оказалась не в состоянии перейти его обычным шагом, продолжая свой бег и после моста. Она бежит по земле, и мы видим первый показанный эпизод Ее галлюцинаций: Она ощущает и видит, что земля под Ее ногами горит. Ей нужно буквально увидеть физическую целостность ног, чтобы убедиться, что огня не было. В дальнейшем мы узнаем, что приступы галлюцинации и бред присутствовали и до. В фильме показано, что Она начала сходиться с ума, когда работала над своей диссертацией, живя в Эдеме вдвоем с сыном. Как будто Ее инцестуозные желания от слишком горячего контакта, изоляции себя от всех, вдвоем с ребенком, породили такое чувство вины и греховности, что Эдем показался Ей адом: отталкиваясь от

символического значения полыхающей в огне земли – Эдема, сада, в котором Ева, женщина, соблазнила Адама, а значит, греховное, женское, искушающее победило.

После эпизода бреда Она засыпает, а Он идет прогуляться по лесу. В лесу Он видит молодую самку оленя, которая за мгновение до этого была охвачена родовым процессом, но сейчас тело ее «недородившегося» олененка безжизненно свисает из ее вагины. Он проделал почти весь путь, но она не дала ему отделиться, забрав его жизнь. Это очень напоминает концепцию о том, что субъект с депрессивным психозом предпринял попытку отделения, выхода на депрессивную позицию, но ему не позволили полностью встать на нее. Мы думаем о том, произвела ли на Него впечатление увиденная картина, смог ли Он помыслить о том, что Его жена предстает в виде этой оленихи, плод которой так и не смог окончательно выйти из ее утробы, стать автономным, самостоятельным, что повлекло за собой его смерть?

Именно в Эдеме психика главной героини неминуемо скатывается в бредовую яму, из которой Она так и не сможет найти выход. Ночью, уже в хижине, когда муж и жена спали, на крышу дома начинают падать желуди с дуба, Он просыпается от этого звука, а Она говорит о том, что это просто желуди, добавляя, что Она была шокирована, когда узнала, сколько живут дубы и что для размножения им достаточно одного желудя. Природа – зло, мать всемогущая, жестокая и бездушная. На фоне этих сложнопереносимых внутриспсихических конфликтов Он опять пытается вытащить Ее на уровень действий, говоря о том, что слова ничего не значат, важны лишь действия. Парадоксально, что, забрав жену, находящуюся в горевании вследствие гибели ребенка, из больницы, Он привез Ее в то место, где Ей невыносимо находиться. Возможно, это напомнило Ей садистические действия Ее матери и, таким образом, способствовало усилению Ее материнского переноса. Он первертно, садистически заставляет Ее совершать действия, приносящие боль. Стремясь показать Ей, что Ее страхи ничего не значат, что Ее ужас не оправдан реальностью, Он словно все больше подталкивает Ее к отвержению этой реальности и поглощению бредом.

Он находит в кармане своего пальто письмо, результат посмертного вскрытия их ребенка, в заключении которого написано, что у ребенка были деформированы стопы. Сначала Он не придает этому факту значения, думая о возможных врожденных особенностях строения ног сына. Но потом, когда Он рассматривает фотографии, сделанные Его женой в Эдеме, Он замечает, что его ботиночки перепутаны, надеты не на ту ногу. Только в этот момент Он как будто начинает осознавать, что что-то действительно не так. Она как-то рассказала Ему, что, когда была вдвоем с сыном, Ником, в Эдеме, он часто оставлял Ее, убегал, а мог бы проводить больше времени с Ней, ведь это было Ей так нужно. В контексте Ее слов мы можем предположить, что обувь была перепутана не случайно. Вероятно, мы имеем дело с намерением искалечить ноги своего сына, которое является не только актом его кастрации и попытки разрушить

функцию порядка, показав всемогущество матери, но также желанием сделать уход от Нее болезненным.

Он обнаруживает дверь на потолке, ведущую на чердак. Забравшись туда, Он оказывается в комнате, в которой Она писала летом свою диссертацию. Все стены и стол покрыты снимками и вырезками изображений, где представлены сцены насилия и издевательств над женщинами, взятые из книг по инквизиции, когда женщин жестоко пытали и убивали, обвиняя их в колдовстве, греховности, соблазнении мужчин. С позиции психоанализа мы думаем о том, что работа над данной диссертацией выступила неким триггером, соединившим разрозненные до этого момента фрагменты Ее психического мира, следствием которого стал возникший бред греховности и вины. Муж открывает Ее тетради и видит, как в процессе работы над диссертацией почерк жены превращается в бессвязные каракули. Мы понимаем: первый приступ психотизации героини произошел в момент Ее уединения с сыном, когда аффект вины за неосознаваемые инцестуозные чувства, а также калечение ребенка привели к актуализации инфантильных конфликтов и репрезентативно связались с темой работы над диссертацией, которая так же «случайно» связана с тематикой соблазнения, греха и вины, и послужили причиной развязывания психоза.

Образы женщин, признанных ведьмами и убитых вследствие их власти над мужчинами, могли также актуализировать комплекс так называемого женского страха кастрации, вытесненных образов садистической первосцены, воскресить страхи архаичной, вездесущей, фаллической комбинированной фигуры матери. Важно отметить, что, по нашему мнению, Он является для Нее именно таким образом комбинированной, архаичной фигуры. Матери, обладающей фаллосом, властью, такой необходимой, но в то же время ненавидимой. Отсюда компульсивные сексуальные акты, которые дают возможность через оргазм, приблизиться к психотическому состоянию, отдаться власти влечений и потере контроля, но вызывают потом настолько невыносимый аффект вины.

Мы наблюдаем сцену утра, в которой Он спрашивает, выпалась ли Она, а Она отвечает, что великолепно себя чувствует, и спрашивает, хорошо ли спал Он. На Его ответ, что Ему снились «сумасшедшие сны», Она саркастически ухмыляется и говорит, что это не важно, ведь сны ничего не значат в современной психологии – «Фрейд умер, правильно?». Она говорит о том, что любит Его и как Она счастлива, что Он рядом. Мы видим солнце за окном, слышим пение птиц. Нам показывают сцену, как Она подходит к Нему с радостной улыбкой и сообщает о том, что Она выздоровела, что Ей стало легче. Мы видим, что раньше Она пыталась доказать своему мужу, что с Ней что-то не то, сейчас же Она «принимает», смиряется с тем, что Он не в состоянии понять Ее. Она демонстрирует принятие Его правил Его игры, притворяясь, что выздоровела, подыгрывая Ему в отрицании значения важности внутреннего, психического мира, ментальной переработки, – Она как будто принимает реальность. Она всячески демонстрирует Ему, что выздоровела: Ей больше не страшно ходить по траве, Ее галлюцинации прошли, Его методики перевода психического в действие сработали.

Он показывает Ей фотографии их сына, на которой его ботинки перепутаны. Она сталкивается с осознанием того, что калечила своего ребенка. Вспоминает, как малыш плакал, когда Она обувала его, а Она его била. Это еще больше провоцирует психотическое разворачивание Ее патологии, попытки бегства в бред, неудавшейся попытки связывания влечений на нем как на объекте, и победу влечения к смерти.

Он обсуждает с Ней Ее диссертацию, и Она отстаивает позицию, что все женщины от природы греховны, они порождение дьявола и потому заслуживают наказания. Он, в своей манере, пытается рационально объяснить Ей абсурдность конструкций Ее мышления, не осознавая, что на самом деле Ею движут внутренние аффекты вины и деструкции. После этого Он уходит в сарай, Она бежит вслед за Ним и кричит Ему, что Он собирается Ее оставить, бросить. С психоаналитической точки зрения, это наводит нас на мысли о страдании ребенка, который переживает, что мать оставит, бросит его навсегда из-за его «плохости», а также невыполнения им функции, возложенной Ею на его рождение и на него самого. Иными словами, мы понимаем, что Она злится на своего мужа, злится на то, что Он не дал возможности врачам помочь Ей, не смог помочь Ей сам, привез в место, которого Она боялась больше всего, после того как Она создала там этот «кокон инцестуозности» со своим сыном. Она не была способна справиться со столкновением с тем, что, несмотря на любовь к сыну, причиняла ему боль, и возможным «осознанием» настоящих причин его гибели. Он выступает в роли матери, которая должна была «лечить», перерабатывать, помогать справляться с деструктивностью. Он также оказался неспособен справиться с этой функцией, создав настолько же первертную ситуацию, в которой муж является терапевтом жены, как и та, в которой ребенок заботится о родителе.

По мнению Ларса фон Триера, мать использовала его для того, чтобы привязать к себе его биологического отца (Торсен, 2013, с. 17). Он обнаружил письмо, в котором написано о ее разочаровании тем, что мужчина не испытывает родительских чувств. Фактически мать использовала Ларса как объект для достижения собственных целей, а он не справился со своей функцией, разочаровав ее. Если рассматривать ребенка, особенно мальчика, как пенис, который получает женщина, в данном случае можно говорить о том, что Ларс стал для своей матери психическим эквивалентом импотента, разочаровав ее в бесполезности своего рождения. Но может ли психика ребенка справиться с таким разочарованием в нем его первичного объекта? Как ощущается тот факт, что мать, от которой ты зависишь физически, не только не нуждается в тебе, но и тяготится тобой? На фоне того, что она должна постоянно справляться с переполняющими ее аффектами, которые в любой момент могут привести ее к смерти, в связи с гипертонией, что может быть связано с его поведением, еще и бессознательный аффект из-за того, что ты как объект не выполнил свою функцию и являешься для мамы не радостью, а бесполезным грузом, должен быть всепоглощающим, связывающим амбивалентные чувства любви и ненависти в смертоносный, удушающий узел. Примечательно, что главная героиня «Антихриста» будет задушена в финале фильма.

«Трое нищих»: делегированное убийство

У делегированного самоубийства также есть очевидные теологические коннотации, связанные с жертвоприношением. Например, аргентинский психоаналитик Селес Эрнесто Каркамо еще в конце 1930-х годов называет (*Carcamo*, 1939, p. 116) человеческие жертвоприношения у ацтеков «делегированн[ым] самоубийств[ом], в котором защитный механизм проекции трансформирует примитивный мазохистский импульс в производное садистское воплощение». Это же понятие встречается у этнолога и психоаналитика Джорджа Деверо, который в тех же 1930-х годах работал с индейским племенем мохаве. Он обратил внимание (*Devereux*, 1965, p. 238) на необычный ритуал, призванный символически «очистить» предстоящий брак от инцеста: мохаве убивают и съедают лошадь, воплощающую избранника невесты, фиксируя его переход от статуса кузена к статусу жениха. Называя это делегированным самоубийством жениха, Деверо проводит параллель с колдуном племени мохаве, который своими чарами убивает объект своей инцестуозной любви, а затем провоцирует родственников, апеллируя к кровной мести, убить себя, чтобы впоследствии соединиться с объектом. Эти два примера из жизни ацтеков и мохаве хорошо иллюстрируют диалектику делегированного самоубийства, которое подразумевает как убийство другого вместо себя (делегированное самоубийство), так и убийство себя руками другого (делегированное убийство). Именно к последнему прибегает Она после психотического развязывания.

Будучи в состоянии страха потери материнского объекта и испытывая в то же самое время жгучий аффект ненависти к нему, Она решает прибегнуть к единственному знакомому Ей способу справиться с болью от травмы. Этот способ в Ее случае, являющийся компульсивным по своей природе, лежит по ту сторону принципа удовольствия, а следовательно, находится на территории влечения смерти. Но больше этот способ не приводит к снятию напряжения: в процессе соития с мужем Она сталкивается с невыносимыми чувствами собственной деструктивности, зависти к пенису, ненависти из-за зависимости от комбинированного объекта – фаллической матери, которую внутриспсихически представляет Ее муж. Она бьет Его бревном по эрегированному члену, и от боли Он теряет сознание. Пока Он находится без сознания, Она мастурбирует Ему, и мы видим, что в процессе оргазма Его сперма, перемешанная с кровью, попадает на Него и на Нее. Символически секс, деторождение, жизнь и смерть смешиваются опять. Интересно отметить, что практически во всех сексуальных сценах у Нее обнажен только низ. Это могло бы означать генитальную сексуальность, но в случае психотической структуры подчеркивает кастрированность, негатив присутствия пениса.

После этого, пока Он находится без сознания, Она просверливает ему ногу насквозь ручным сверлом, создавая в Нем дыру, вагину, буквально воплощая свою репрезентацию комбинированного объекта, двуполой, фаллической матери. Она пенетрирует эту кровоточащую вагину пальцем, одновременно кастрируя Его, повреждая Его ногу, удовлетворяя

свою зависть к пенису. В эту созданную вагину Она вставляет точильный круг, закрепляет его гайкой и выбрасывает гаечный ключ под фундамент дома, тем самым лишая мужа возможности «убежать от Нее», что когда-то Она уже пыталась сделать с сыном. Здесь Она также становится своей матерью, которая не давала Ей уйти, отделиться от нее, бросить.

Очнувшись, Он уползает из дома, осознавая, что речь идет теперь о Его жизни, сталкиваясь с прямой опасностью, которую представляет Его жена, и находит убежище в лисьей норе – материнской утробе, что можно интерпретировать как возвращение в первичный рай. Он находится в этой лисьей норе в то время, когда Она бежит по лесу и ищет Его. Она кричит: «Ты не можешь оставить меня, ублюдок (bastard)!», незаконно-рожденный сын, сын, рожденный вне закона. Эту отсылку к незаконно-рожденному сыну можно связать с психозом, который начался у Нее в связи с инцестуозностью отношений с сыном, в чем можно увидеть концепцию раннего эдипального комплекса Мелани Кляйн.

Возвращаясь к сцене, в которой Он прячется от Нее, мы наблюдаем, как в этой норе-утробе Он находит последнего из «трех нищих» депрессии – ворону, символизирующую скорбь. Птица погребена в норе заживо. Примечательно, что именно ворона, то есть символ скорби, выдает Его своим криком. Эта скорбь, «закопанная заживо ворона», начинает кричать, символизируя иронию желаний и невозможности фактического возвращения в материнскую утробу, в безопасность. Сцена фильма, когда Он забивает птицу, символизирующую скорбь, в нору камнем, напоминает нам о том, как Он пытался работать со своей женой, как Он стремился исцелить Ее за счет игнорирования Ее попыток проработать психически потерю сына, вынуждая Ее постоянно обращаться к актингу, заглушая Ее крики.

Именно из-за криков вороны жена находит Его. Она вновь в приступе дикой ярости кричит, что Он должен Ей помочь, что Он не в праве оставить Ее – эта сцена снова является подтверждением Ее яркого, массивного материнского переноса на мужа. Она пытается вытащить Его за ноги из этой норы, что можно символически рассматривать как Ее попытку зацепиться за фаллос. Но, потерпев неудачу, пытается убить Его лопатой, лишит жизни, фактически, разрубив на части, одновременно фактически закапывая Его заживо, как ворону. Возможно, это близко к состоянию дезинтеграции, развала, ужас которого ощущает младенец в первые месяцы жизни на шизо-параноидной позиции, куда вынужден отступить ребенок, неспособный вынести аффект вины на депрессивную позицию. Весь Ее садизм и все агрессия, направленные на мать, выплескиваются в этом акте. Она пытается буквально дать Ему почувствовать, что значит ощущать себя дезинтегрированной, разваливающейся на куски.

Далее мы видим сцену, в которой Она после попыток повредить объект переходит к попытке его репарации. Она возвращается, пытается откопать мужа, рыдая и прося у Него прощения. Она вытаскивает Его и помогает Ему добраться до подвала. В глазах мужа мы видим ужас, с которым Он столкнулся. Он спрашивает Ее, хочет ли Она Его убить (кажется, что Она вышла из психоза). На что Она спокойно отвечает, что еще не время,

но, когда придут «трое нищих», кто-то должен умереть. Так названо созвездие, рисунок которого Он видел среди материалов Ее диссертации на чердаке. На нем изображены и подписаны олень, лиса и ворона, означающие боль, отчаяние и скорбь соответственно. Но такого созвездия в реальности нет, понимает главный герой. Здесь, на наш взгляд, режиссер делает попытку продемонстрировать ограниченность фиксации исключительно на физической реальности, отрицая психическое. Данного созвездия нет, но это не важно, потому что для Нее оно есть, есть в Ее психической реальности, которую Он пытался отрицать. И Ему придется принять этот факт. Как и факт того, что за пришествием этих нищих следует смерть. Так инвестированная Им реальность физическая приводится Ею в равенство с реальностью психической, которую Он пытался заставить Ее игнорировать.

Он лежит на полу без сознания, точильный круг все еще прикручен к Его ноге. Она мастурбирует на полу рядом со своим мужем и доводит себя с помощью Его почти безжизненной руки до состояния клиторальной эрекции, после чего портновскими ножницами вырезает себе клитор. Чем является данный акт, действие? Попыткой самонаказания за деструктивные и инцестуозные чувства, а также вину и греховность, связанные с сексуальностью? Какое-то время Она кричит и корчится, катаясь по полу, от боли, после чего истошно орет в черноту леса, что «все бесполезно». Актинг не помогает.

Он очнулся и смотрит на свою жену, истекающую кровью. У Него начинаются галлюцинации. Он видит в сарае олениху с мертворожденным олененком, лисицу, пожирающую саму себя, и слышит крики вороны, которая якобы находится под дощатым полом, который Он разбивает локтем, чтобы она вылетела. Трое нищих пришли. Кто-то должен умереть. Он приходит в себя и, пока Она не может подняться после акта собственной кастрации, находит ключ и вытаскивает точильный круг из своей ноги. Она, найдя в себе силы, кидается на Него и втыкает ножницы, которыми кастрировала себя, в Него. Она очевидно слаба, но тем не менее продолжает пытаться ранить Его, не давая Ему возможности успокоить себя, очевидно демонстрируя Ему собственное безумие и деструктивность. В этот момент, оттолкнув Ее, Он какое-то время видит мир Ее глазами: Ее саму так, как Она себя воспринимает, то есть фрагментированную, переживающую одновременно аффект оргазма, боли, вины и стремления к смерти, разрушению. Как будто произошла индукция бреда, слияние двух психик. Он видит то, что Она видела, как их ребенок залезает на подоконник и выходит в окно. Она же наблюдала это, испытывая оргазм, наслаждаясь, как будто умирая вместе с ребенком.

Он, зараженный Ее психозом, индуцировав Ее репрезентации и садистические чувства, которые Она испытывает по отношению к интроецированному объекту матери, перенесенному Ею на Него как «хорошей» части себя, под действием механизма проективной идентификации, душист Ее. На психотическом уровне это может напоминать двойное самоубийство (в данном случае одно – буквальное, второе – символическое), которое британский психиатр Мухаммед Али Салих теоретически объединял

(*Salih*, 1981) с индуцированным бредовым расстройством, в основании которого лежит идентификация соучастника с главным виновником. При этом партнеры, находящиеся в общем психозе, могут меняться ролями, из-за чего бывает трудно проследить психическую динамику, приведшую к трагическому исходу. Она фактически довела Его до убийства, спровоцировала, не оставив Ему выбора, потому что «кто-то должен умереть». Именно для этого Она «показала» Ему, что видела, как их сын гибнет. Чтобы Он увидел, что Она «на самом деле» виновата, и убил, наказал Ее. Этим Она не только освободилась от невыносимых страданий, но и спасла свой хрупкий внутренний объект, свою мать, которая когда-то не вынесла Ее ненависти, когда она должна была родиться для Нее как объект, от собственной деструкции, которую больше не была в состоянии сдерживать. Примечательно, что для Него, через то, что Он видит в процессе удушения, который снят очень медленно, наглядно, некрасиво и буквально, этот акт удушения по физиологическим особенностям в виде пота, пульсирующих артерий, выражению Ее лица похож на сексуальный акт, на момент, когда Она испытывала оргазм. Делегированное убийство стало Ее вторым после делегированного самоубийства, и на этот раз «успешным», способом справиться с невыносимой виной, болью, деструкцией и потребностью в наказании, не повредив интроецированный образ матери.

Мы становимся свидетелями того, как героиня спроецировала свои невыносимые аффекты и свой хрупкий внутренний хороший объект в собственного мужа, то есть объект, который предположительно может это вынести. Она поставила Его перед фактом: либо ты убьешь меня, либо я убью себя, что свидетельствует о том, что внутренний объект был хрупким, но одновременно подвергался агрессивным атакам, запуская бесконечный цикл ощущения виновности. Она как будто говорит это интроецированному образу своей матери, этому самому внутреннему объекту.

Он сжигает тело своей жены на костре, как во времена инквизиции церковь сжигала «греховных» женщин, что свидетельствует о том, что Он идентифицировался с Ней в Ее восприятии себя как греховной и заслуживающей наказания. Хромой, как Эдип, Он покидает Эдем, садится на пригорок и видит галлюцинацию: сотни женщин стягиваются к месту сожжения Его жены. Бред поселился внутри Него. Аффект греховности и виновности продолжает свою жизнь в психике уже другого, пока еще живого, субъекта. Сможет ли что-нибудь остановить этот бесконечный процесс, этот «цикл» вращающегося барабана стиральной машины депрессивного психоза?

Заключение: «Все, что ты могла представить себе в голове, ты можешь воплотить в реальность»

На примере фильма Ларса фон Триера «Антихрист» можно проследить механизмы, с помощью которых психика пытается справиться с внутренними конфликтами, провоцирующими развитие депрессии психотического уровня с наличием бреда и галлюцинаций. Это художественная

сублимация, интимное высказывание режиссера, язык для которого был сформирован с самого детства. Изучив художественный анамнез главных героев, мы с метапсихологической точки зрения рассмотрели решения, которые привели героев к финальной сцене делегированного убийства. Она – главная героиня фильма «Антихрист», которая, согласно нашей гипотезе, страдает от психотического уровня депрессии, посредством проективной идентификации, с целью привязать свой невыносимый аффект вины к реальному травмирующему событию в настоящем, осуществляет делегированное самоубийство собственного маленького сына. Таким образом, Она также удовлетворяет бессознательную потребность в самонаказании.

После данного события Она попадает в психиатрическую больницу, где получает медикаментозное лечение, которое вводит Ее в состояние, близкое к постоянному пребыванию в забытьи, к чему Она, возможно, давно бессознательно стремилась. Ее муж, психотерапевт когнитивно-поведенческого направления, забирает Ее оттуда, заявляя, что Он поможет Ей пройти через это состояние, которое Он считает нормальным. В своей самоуверенности Он игнорирует правила, запрещающие работать с близкими, чем формирует первертную ситуацию и реактуализацию Ее инфантильных конфликтов. В результате Его действий и полного игнорирования внутриспсихических процессов, происходящих с Его женой, а также в связи с Ее несомненной психической патологией, у Нее развивается продуктивная симптоматика, а именно бред вины и греховности, который Она постепенно индуцирует в своем муже, фактически заставляя Его совершить Ее убийство, чтобы избавить Ее от страданий и сохранить тот внутренний «хороший» объект, который Она, по нашим предположениям, больше не была в состоянии защищать от собственной деструктивности.

Самоубийство представляет собой меланхолическое решение, о чем говорили многие психоаналитики, в том числе Ален Жибо, представлявший свой семинар в апреле 2022 году во ВШЭ. Делегированное самоубийство и делегированное убийство – это решения, представляющие собой выход из психотического уровня депрессии и реализуемые с помощью работы механизма проективной идентификации, в том числе с участием защитного механизма расщепления Я на «хороший» и «деструктивный» объекты. Если суицид представляет собой меланхолическое решение, поскольку является актингом, отреагированием поведенческим путем, свойственным пограничным личностям, то в случае психоза мы говорим о категории психоневрозов, особенностью которых является попытка решения внутриспсихических конфликтов путем психической проработки, ментализации.

Стоит отметить, что если не психоаналитическим специалистам непонятен феномен происхождения депрессии, значит, им не очевидна связь депрессивного состояния индивида и травматических событий, произошедших в его детстве. Также таких специалистов удивляет реакция индивида на травмирующее событие: нередко, когда у человека происходит

реальная утрата, которая в норме должна была бы привести к состоянию тяжелого горя, индивиду, наоборот, становится легче.

Однако с точки зрения психоанализа мы понимаем, что невыносимое чувство вины и потребность в наказании находят свое удовлетворение – именно это становится следствием улучшения психического состояния индивида в случае реально произошедшего травматического события. Так, человеку может стать легче после потери близкого человека или в случае повреждений его собственного тела, например вследствие несчастного случая. С помощью делегированного убийства или самоубийства достигается удовлетворение потребности в наказании, а аффект вины связывается. Делегированное самоубийство представляет собой акт, в котором индивид посредством проективной идентификации и проекции вынуждает другого человека, объект, совершить самоубийство, проецируя на него свои садистические и саморазрушительные чувства.

Делегированное убийство представляет собой акт, посредством которого благодаря действию проективной идентификации субъект вынуждает объект, другого, убить его (т. е. субъект), предварительно спроецировав в объект хрупкий «хороший» внутренний объект, который необходимо защищать от собственной деструктивности. Иными словами, как также указывала Кляйн в своих работах, субъект спасает хороший внутренний объект от собственных деструктивных импульсов и ужасающей ненависти ценой собственной жизни. Порой это решение провоцируется выходом из-под контроля собственных садистических чувств субъекта и достигается за счет того, что объект ставится перед выбором: либо он будет убит, либо он должен убить. «Если ты не убьешь меня, я убью тебя».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Торсен Н.* Меланхолия гения. Ларс фон Триер. Жизнь, фильмы, фобии. М.: Рипол классик, 2013.
2. *Antichrist.* Final Script. Copyright Lars von Trier, July 2008.
3. *Braunschweig D., Fain M.* La nuit, le jour. Essai psychanalytique sur le fonctionnement mental. Paris: Presses Universitaires de France, 1975.
4. *Carcamo E. C.* Quetzalcoatl: le dieu-serpent à plumes de la religion Maya-Azèque // *Revue française de psychanalyse*, №2 (11), 1939.
5. *Devereux G.* Considérations ethnopsychanalytiques sur la notion de parenté // *L'homme*, №3/4 (5), 1965.
6. *Earle H.* Creating the Traumatic Body: Female Genitals as Wounds in “Antichrist” // *Film International*, №14 (1), 2016.
7. *Evans N.* How to Make Your Audience Suffer: Melodrama, Masochism and Dead Time in Lars von Trier’s *Dogville* // *Culture, Theory and Critique* №55(3), 2014.
8. *Galt R.* The Suffering Spectator? Perversion and Complicity in *Antichrist* and *Nymphomaniac* // *Politics, Theory, and Film: Critical Encounters with Lars von Trier* / ed. by Honig B., Marso L. Oxford University Press, 2016.

9. *Gammelgaard J.* Like a pebble in your shoe: A psychoanalytical reading of Lars von Trier's *Breaking the Waves* and *Antichrist* // *The International Journal of Psychoanalysis*. №. 6 (94), 2013.
10. *Gullestad S. E.* Crippled feet: Sadism in Lars von Trier's *Antichrist* // *The Scandinavian Psychoanalytic Review*, № 2 (32), 2011.
11. *Hurni M.* La psychanalyse à la découverte de la violence // *Imaginaire Inconscient*, №1, 2005.
12. *Koutsourakis A.* Politics as Form in Lars von Trier: A Post-Brechtian Reading. Bloomsbury, 2013.
13. *Leonard M.* "I Know what has to happen": Tragedy, Mourning, and Melancholia in *Medea* // *Politics, Theory, and Film: Critical Encounters with Lars von Trier* / ed. by Honig B., Marso L. Oxford University Press, 2016.
14. *Lewin B. D.* Reflections on depression // *The Psychoanalytic Study of the Child*, №1 (16), 1961.
15. *Marso L.* Must We Burn Lars von trier? Simone de Beauvoir's Body Politics in *Antichrist* // *Politics, Theory, and Film: Critical Encounters with Lars von Trier* / ed. by Honig B., Marso L. Oxford University Press, 2016.
16. *May U.* Abraham's Discovery of the 'Bad Mother': A Contribution to the History of the Theory of Depression // *The International Journal of Psychoanalysis*, №2 (82), 2001.
17. *Racamier P.-C.* Le Génie des origines: Psychanalyse et psychoses. Paris: Payot, 1992.
18. *Racamier P. C.* L'inceste et l'incestuel. Dunod, 2021.
19. *Salih A. M.* Suicide Pact in a Setting of Folie à Deux // *The British Journal of Psychiatry*, № 1 (139), 1981

"Someone Must Die": Delegated (Self)-Murder as a Solution of Depressive Psychosis in Lars von Trier's Antichrist

O. A. Kulik, D. A. Bochkov

Kulik Olga A., Master of Psychology (HSE), psychoanalytic-oriented psychotherapist, clinical psychologist.

Bochkov Dmitry A., philosopher, specialist in modern French philosophy and sociology, senior scientific editor of the Bolshaya Rossiyskaya Encyclopedia, employee of the Center of Medical Anthropology, Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Moscow).

This article examines the mechanisms of formation of the phenomena of delegated suicide and, as we called it, delegated murder, as ways of psychically coping with the intolerable affects of psychotic level depression. In order to illustrate these psychic solutions, we analyze the film Antichrist (2009) by screenwriter and director Lars von Trier. Delegated suicide and delegated homicide are decisions that represent a way out of the psychotic level of depression and implemented through the work of the mechanism of projective identification, including the participation of the defense mechanism of splitting the self into "good" and "destructive" objects. If suicide represents a melancholic solution, since it is an actinic, reactive, behavioral pathway peculiar to borderline personalities, then in case of psychosis we are talking about a category of psycho-neuroses, whose specific feature is an attempt to solve intrapsychic conflicts through mental elaboration, mentalization. With delegated murder or suicide, the satisfaction of the need for punishment is achieved, and the affect of guilt is bound. Delegated suicide is an act in which the individual, through projective identification and projection, forces another person, an object, to commit suicide by projecting his sadistic and self-destructive feelings into it-these processes will also be illustrated through the film Antichrist. Delegated murder is an act by which, through the action of projective identification and delusional induction, the subject forces the object, the other, to kill him (i.e., the subject), having previously projected into the object a fragile "good" inner object (the fragile mother), which must be protected from its own destructiveness. In other words, the subject rescues the good inner object from its own destructive impulses and terrifying hatred, at the cost of his own life. At times this decision is provoked by the subject's own sadistic feelings getting out of control and is achieved by putting the subject before a choice: either he will be killed or he must kill. To put it bluntly, "If you don't kill me, I will kill you."

Keywords: psychotic depression, psychosis, suicide, suicide par délégation, projective identification, guilt, incest, Lars von Trier, Antichrist, Paul-Claude Rakamier.